

КОНТРОЛЬ

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1 9 8 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1981

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фалькович С. М.</i> Ленинская «Правда» и Польша (1912—1914)	3
<i>Гибианский Л. Я.</i> Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии	15
<i>Литаверн Г. Г.</i> К проблеме становления болгарского государства	29
<i>Саливон А. Н.</i> Ободриты. Некоторые вопросы общественно-политического строя	49
<i>Корневская Н. М.</i> Углубление философского начала в югославской лирике 70-х годов	62
<i>Витт В. В.</i> Польский реализм конца XIX в. и роман Болеслава Пруса «Эмансипированные женщины»	79

СООБЩЕНИЯ

<i>Бобрик М. Н.</i> Участие ПНР в работе общеевропейского совещания в Женеве	92
<i>Грачев В. П.</i> История зарубежных славянских и балканских народов в русских дипломатических документах второго десятилетия XIX века	99

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. В. К. Trost.</i> Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und-praxis des späteren Kirchen-slawischen. Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469	106
<i>Рупцова Л. П. М. Soták.</i> Dejové substantíva v slovenčine a v ruštine	109
<i>Молошная Т. Н. М. Г. Рожновская.</i> Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением	111

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Белякевич И. И.</i> П. М. Калениченко, В. П. Колесник. Граница дружбы и мира. О советско-польском приграничном сотрудничестве. 1956—1979	114
<i>Поп Ю. И.</i> J. Cierný. Nová orientácia zahraničnú politiku Československa (1941—1948).	115
<i>Лециловская И. И.</i> Л. Н. Титова. Чешский театр эпохи национального Возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.)	117
<i>Лазутин С. Г.</i> В. Е. Гусев. Славянские партизанские песни	119
<i>Л. К.</i> «Slovanská knihovna a slavistika». Zpracoval dr. J. Strnadel a M. Křepínska	121
<i>А. Г.</i> Справочник о кафедре истории южных и западных славян МГУ	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Д., А. М.</i> Берлинское заседание Международной комиссии по истории славистики	124
<i>Е. Н.</i> В специализированном совете при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ФАЛЬКОВИЧ С. М.

ЛЕНИНСКАЯ «ПРАВДА» И ПОЛЬША (1912—1914)

Большевистская печать являлась важным фактором интернационального воспитания масс. Значение ее для распространения идей интернационализма и русско-польского революционного союза очень велико [1; 2; 3, с. 38—59, 97—100, 123, 283, 318—319; 4, с. 244—247, 276—281; 5, с. 326—333, 439, 445—449, 492—495]. Особенно большую роль сыграла рабочая газета «Правда», выходявшая в 1912—1914 гг. в Петербурге под рядом изменявшихся названий: «Правда», «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». Издание «Правды» по времени совпало с пребыванием В. И. Ленина в Польше, откуда он мог удобнее и ближе руководить революционным движением в России (и, в частности, направлять работу редакции «Правды»).

В этот период укрепились непосредственные контакты В. И. Ленина и большевистского Заграничного Бюро ЦК РСДРП с польским революционным движением. Это нашло отражение и на страницах «Правды», где польская тематика представлена богато и разнообразно. «Правда» может служить источником по вопросам польского революционного и рабочего движения, русско-польских революционных связей, отношения российской социал-демократии к социальной и национальной борьбе польского народа¹ (при этом необходимо учитывать цензурные условия, заставлявшие нередко использовать «эзоповский язык», определявшие специфику публикации статей и материалов и т. п.).

На страницах «Правды» поднимались вопросы, касавшиеся развития польской экономики. Публиковались материалы и корреспонденции, характеризующие аграрные отношения, антагонизм между помещиком и крестьянином в польской деревне и специфику этого антагонизма². Но основное внимание уделялось вопросам развития промышленности Королевства Польского, положения рабочего класса в разных отраслях производства, рассматривались специфические явления, как, например, применение женского и детского труда и т. п. Особенно широко освеще-

¹ Специальных работ, посвященных изучению «Правды» в этом аспекте, нет. Но тема «„Правда“ и Польша» затрагивается во многих публикациях и исследованиях по истории русской и польской марксистской печати [6—9], в книгах и статьях советских и польских историков, анализирующих проблемы освободительного движения в России и Польше и, в первую очередь, русско-польских революционных связей в 1912—1914 гг. [10, 11, 3, 12—22].

² В. Найдус пишет, что аграрное движение в Польше нашло отражение лишь в одной заметке «Правды» [22, с. 214]. В действительности сообщений такого рода было несколько в разные периоды существования газеты [23, 1912, 21 XI, 1913, 22 I; 24, 1914, 12 I]. «Правда» писала и о других проблемах польской деревни [23, 1913, 15 VI].

щался в газете кризис в текстильной промышленности Королевства Польского в 1912—1913 гг., безработица лодзинских ткачей, организация помощи безработным.

«Правда» писала о профсоюзном движении, организации и деятельности профсоюзных обществ в Королевстве Польском. Она показывала специфику польских профсоюзов, трудности, с которыми они сталкивались. Особое внимание обращалось на польскую марксистскую профсоюзную печать.

Газета публиковала обширный материал по стачечному движению польского пролетариата. Это были и статьи общего характера, определявшие роль Королевства Польского в стачечном движении всей империи, и конкретная хроника стачечной борьбы, и корреспонденции с мест, рисовавшие картину борьбы труда с капиталом. В частности, много внимания газета уделяла разоблачению польских предпринимателей, пользовавшихся локаутом как методом борьбы против рабочего класса.

Огромное значение для интернационального воспитания масс приобрел показ «Правдой» пролетарской солидарности. Газета сообщала об отказе польских рабочих стать штрейкбрехерами во время стачек русских товарищей, о помощи безработным и локаутированным лодзинцам со стороны польских рабочих из других городов России. «Правда» печатала материалы об отношении русской социал-демократии к безработице и локаутам в Королевстве Польском, в частности, помещала соответствующие запросы социал-демократической фракции в IV Государственной думе [23, 1913, 28 I, 10, 16 II, 3, 5 III, 5, 9, 15 V, 21, 27 VI; 25, 1913, 17 VII]. «Правда» постоянно публиковала отчеты казначей фракции о сборе пожертвований в фонд помощи лодзинцам.

В плане классовой и интернациональной солидарности большое внимание на страницах «Правды» уделялось проблеме участия польского пролетариата в общероссийских политических акциях. В газете нашли широкое отражение стачки, демонстрации и митинги, которыми польские рабочие отмечали такие даты, как 9 января, 1 Мая. Опубликованный «Правдой» обширный материал дает представление об отклике в Польше на ленский расстрел, на издевательства над ссыльными и заключенными в Кутумаре, на удаление левых депутатов с заседаний Государственной думы, на дело Бейлиса и т. п.

Рассматривая вопрос об участии польского пролетариата в общедемократической борьбе в России, «Правда» освещала кампанию по выборам в IV Государственную думу в польских губерниях, анализировала ход выборов, лозунги выборной кампании. На страницах газеты печатались материалы, связанные с думской кампанией и выборами в Варшаве. «Правда» проявляла интерес к участию польского населения Петербурга (около 60 тыс. чел.) в предвыборной борьбе [23, 1912, 6 V, 22 VII, 23 VIII, 14, 16, 18, 21, 23, 25, 26 IX, 3, 7, 12, 13, 16, 20, 21, 23, 24 X]. Накануне дня выборов в столице газета обратилась к демократической части польских избирателей с особым призывом, напомнив им, что свобода национальностей немыслима без общей свободы и что подлинным ее защитником является социал-демократия, а не кадеты [23, 1912, 25 X].

В 1913 г. огромный размах получила страховая кампания, во главе которой стали большевики и проведению которой «Правда» уделяла самое серьезное внимание [20, 26]. Польский, и особенно варшавский, пролетариат шел в авангарде борьбы за большевистскую страховую программу. Варшавская страховая рабочая комиссия, руководимая СДКПиЛ и ППС-левицей, выдвинула лозунг создания общегородской больничной кассы, разработала ее устав, активно добивалась принятия своих требований хозяевами предприятий, организовала рабочих на страховую стач-

ку. Эта борьба польских рабочих нашла на страницах «Правды» широкое отражение и поддержку, получила высокую оценку.

Газета горячо откликнулась на каждое событие в Польше, связанное с борьбой за демократические права, за свободу печати, собраний, съездов. В ней печатались материалы в поддержку этой борьбы, в частности, выступления и запросы социал-демократических депутатов Думы, использовавших и приводивших данные о попрании демократических свобод в Королевстве Польском [23, 1913, 7 II, 2 III, 14 VI].

Одной из главных тем «Правды» было нелегальное революционное движение в Российской империи, в том числе, конечно, и в Королевстве Польском. Из номера в номер проходили сообщения о революционной агитации, о распространении прокламаций, организации нелегальных собраний. Газета постоянно публиковала сообщения о репрессиях по отношению к польским революционерам — об обысках, арестах, высылках и т. п.

«Правда» с сочувствием писала о самоотверженной борьбе польских революционеров независимо от их партийной принадлежности. Газета оповещала о выходе очередных номеров изданий ППС-левицы — «Кузница» и «Новое слово» [27, 1914, 16 III; 28, 1913, 1 X]. Она с уважением отзывалась о С. Мендельсоне как о видном публицисте и одном из основателей ППС [25, 1913, 14 VII]. «Правда» вела борьбу против пепезовской идеологии, резкой критике подвергала политику ППС-фракции, разоблачала национализм «фраков» и Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии, публиковался и фактический материал, касавшийся этих партий и их руководителей, в частности, И. Дашиньского, Г. Дьяманда [23, 1912, 31 X, 14 XI, 1913, 10 II; 28, 1913, 17, 24 X; 27, 1914, 8 VI].

Симпатии и основное внимание «Правды» были естественно обращены к польской социал-демократии. Это проявилось уже при освещении вопроса о варшавских выборах в IV Государственную думу. В «Правде» печатались материалы и статьи, доказывавшие, что большинство рабочих Варшавы идет за СДКПиЛ и что избрание Ягелло, представителя ППС-левицы, — результат соглашения Бунда и этой партии с еврейскими буржуазными националистами. Газета разъясняла рабочим мотивы выступления большевистской думской «шестерки» против принятия Ягелло в социал-демократическую думскую фракцию, показывала половинчатость и непоследовательность навязанного меньшевистской «семеркой» компромиссного решения о предоставлении Ягелло решающего голоса в думских и совещательного — в партийных вопросах. Освещая выступления Ягелло в Думе, «Правда» в то же время подчеркивала, что польские рабочие передали защиту своих интересов большевистским депутатам, как об этом свидетельствовало, в частности, письмо 1819 варшавских рабочих, опубликованное газетой 26 июня 1913 г. [23, 1913, 26, 29 I, 1, 3 II, 21 IV, 3, 4, 30 V, 23, 26 VI; 28, 1913, 22 X]. После раскола социал-демократической думской фракции «Правда» из номера в номер печатала материалы, подтверждавшие, что принятие Ягелло во фракцию было одним из нарушений партийной политики со стороны «семерки» и послужило серьезной причиной раскола. Об этом говорилось в помещенных газетой многочисленных резолюциях рабочих России.

1912—1914 годы были временем раскола в СДКПиЛ и обострения отношений большевиков с Главным правлением («зажондовцами»). Однако в первый период своего существования «Правда» не фиксировала этого обострения, выступая в союзе с польской социал-демократией в целом. Р. Люксембург числилась среди ее сотрудников, газета старалась установить с ней непосредственный контакт. В феврале 1913 г. А. Товбина

сообщала редакции о своих переговорах с Р. Люксембург в Берлине, о ее обещании дать материал к Международному женскому дню и помочь редакции в получении издания германских социал-демократов «Гляйхгайт», о просьбе регулярно высылать ей «Правду» [29, д. 5, ч. 1 — Б, л. 21—21об.]. Газета через свою контору распространяла в числе других книг сочинения Люксембург, Мархлевского [30, 1913, 14 IX; 28, 1913, 10 X; 27, 1914, 6 IV]. Она с уважением писала о выступлениях Р. Люксембург на съезде Германской социал-демократии по вопросу о массовой политической стачке, в связи с голосованием социал-демократической фракции за новые налоги на милитаристские цели, сообщала о речи Люксембург на первомайском митинге в Берлине в 1914 г. и пр. [30, 1913, 11, 29 IX; 27, 1914, 25 IV]. Сообщалось об аресте Ф. Дзержинского и процессе над Р. Люксембург в 1914 г. [27, 1914, 3 V; 31, 1914, 21 VI].

Осенью 1913 г. Р. Люксембург предложила Международному социалистическому бюро II Интернационала предпринять «объединение» революционного движения России (в том числе и Польши) на основе течений и организаций, существовавших до 1906 г. (т. е. без учета «розламовской» оппозиции, за которой шли крупнейшие организации Королевства Польского — варшавская, лодзинская, домбровская). В. И. Ленин, еще ранее осудивший попытки «зажондовцев» представить варшавскую организацию разложившейся и попавшей в сети охраны [32, с. 193—195], в ноябре—декабре 1913 г. выступил в «Правде» со статьями «Тоже „объединители“», «Заграничные группки и русские ликвидаторы», «Русские рабочие и Интернационал», «Хорошая резолюция и плохая речь» и др. В них он вскрыл подоплеку «объединительных» стремлений Главного правления. «Правда» поместила также заявление руководства «розламовцев» и письмо К. Каутского с редакционным прибавлением, написанным В. И. Лениным. В. И. Ленин был автором и опубликованной в газете резолюции группы организованных марксистов о решении Социалистического бюро, где формулировались условия, на которых возможно объединение РСДРП [33, т. 24, с. 169—172, 179—181, 201—204, 211—213, 233—235, 255—256; 28, 1913, 26 XI; 24, 1913, 20 XII]. «Правда» с удовлетворением сообщала об укреплении позиции «розламовцев» и создании ими Краевого правления СДКПиЛ [27, 1914, 11 IV].

О все более тесном сближении большевиков и «розламовцев» свидетельствовала их согласованная позиция по отношению к конфликту внутри социал-демократической думской фракции. Материалы «Правды» дают полное представление о поддержке, оказанной «розламовцами» большевистской «шестерке». Газета поместила «Заявление руководящего учреждения варшавской социал-демократии», резолюции польских марксистов Варшавы, Лодзи, Ченстоховы. Позиция польской социал-демократии и польских пролетариев была с удовлетворением встречена русскими рабочими, о чем свидетельствовали их отклики, печатавшиеся в «Правде» [28, 1913, 24, 25, 29, 31 X, 1, 5 XII; 24, 1913, 11, 12, 19 XII, 1914, 8, 9 I; 27, 1914, 23 I, 1, 18 II]. Материалы газеты свидетельствовали и о поддержке «розламовцами» большевиков в связи с так называемым делом Малиновского, когда ликвидаторы пытались устроить травлю ленинцев [27, 1914, 20 V].

Одной из основных причин раскола думской фракции был отход меньшевистской «семерки» от программы партии по национальному вопросу, принятие ею лозунга ликвидаторской «августовской» конференции о «культурно-национальной автономии». Правильная постановка национального вопроса приобретала особо актуальное значение. «Правда» стала одним из главных рупоров партии большевиков, разъяснявших их взгляды по национальному вопросу. Она публиковала резолюции социал-

демократических организаций с протестом против ревизии национальной программы партии «августовской» конференцией и «семеркой», основные статьи В. И. Ленина, направленные против лозунга «культурно-национальной автономии» и доведения ее до логического абсурда — разделения социал-демократических организаций по национальностям («Рабочий класс и национальный вопрос», «Либералы и демократы в вопросе о языках», «О „культурно-национальной“ автономии», «Национальный состав учащихся в русской школе», «Еще о разделении школьного дела по национальностям», «К истории национальной программы в Австрии и в России», «Национальное равноправие», «Развращение рабочих утонченным национализмом» и др. [33, т. 23, с. 149—150, 423—426; т. 24, с. 174—178, 219—222, 236—238, 313—315; т. 25, с. 85—86, 144—147]). На страницах «Правды» разъяснялись основные требования социал-демократии по национальному вопросу — право наций на самоопределение, отмена национального неравенства и ограничений, ликвидация национального гнета, обучение на родном языке и т. д. В газете находили место выступления и запросы в Думе по национальному вопросу, материалы совещаний «инородческих» организаций (в частности, «инородческой» секции народных [учителей], ставящие вопрос на правильную основу — полное равноправие и развитие национального языка и культуры при сохранении общности интернациональных классовых задач [23, 1912, 11, 12, 15, 18 XII, 1913, 15, 22 V; 28, 1913, 30 X; 24, 1913, 29, 31 XII, 1914, 1 I; 27, 1914, 20 V]). Некоторые из этих материалов, например, проект речи большевистского депутата Г. И. Петровского, были подготовлены В. И. Лениным. «Правда» опубликовала также написанный В. И. Лениным проект закона об отмене всех ограничений «инородцев» и обращение большевистских депутатов в связи с внесением его в Думу [33, т. 25, с. 16—18; 27, 1914, 21 II, 28 III].

Пропагандируя уважение к национальной культуре и языку, «Правда» имела в виду и богатую национальную культуру польского народа. На ее страницах велась пропаганда лучших произведений литературы, в том числе и польской. Так, она с уважением писала о творчестве Б. Пруса, сообщая читателям о торжественных похоронах писателя в Варшаве в 1912 г., рекомендовала произведения Э. Ожешко, Г. Сенкевича, М. Конопницкой. Газета помещала и переводы польских авторов, например, той же М. Конопницкой, А. Струга [23, 1912, 10 V, 1913, 14 IV]. Рассказ А. Струга «Хозяин и работник» публиковался в ряде номеров с пометой: «печатается с разрешения автора» [24, 1913, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 24 XII]. Характерно, что рассказ рекомендовало «Правде» Заграничное Бюро ЦК РСДРП. Перевод, сделанный в Галиции, вероятно, при посредстве польских социал-демократов — «розламовцев», был прислан в редакцию по договоренности с автором. В сопроводительном письме А. Струга называли «очень известным польским беллетристом народного направления», сообщали, что он широко печатался в «Русском богатстве» [34, д. 52, л. 1; 35, с. 367; 36, с. 226].

«Правда» стремилась отмечать все случаи национального гнета, в том числе и направленного против поляков. Сообщалось о преследованиях польского языка, о стремлении царских русификаторов уничтожить даже всякий намек на польскую национальность. Газета показывала, до какой нелепости доходило это стремление, публикуя, например, информацию о снятии с одного из варшавских особняков скульптурного изображения сокола, заподозренного в идентичности с польским орлом, или помещая сатирическое стихотворение А. Бывалого по поводу закрытия в Варшаве Общества борьбы с неграмотностью и запрещения польским служащим Варшавско-Венской железной дороги праздновать Рождество

и Новый год по новому стилю [23, 1913, 12, 14 VI; 24, 1913, 22 XII; 27, 1914, 26 I]. Но высмеивая эти курьезные факты, редакция подчеркивала, что царская система национального угнетения и травли вовсе не смешна, а страшна и уродлива, особенно принимая во внимание «конституционные» формы, ее прикрывающие. «Правда» разоблачала черносотенную национальную политику «конституционного» органа — Думы, разжигавшей ненависть к «инородцам», проводившей законы, направленные против угнетенных народов России в интересах шовинистических кругов русской буржуазии и помещиков [23, 1912, 13 VI]. В газете печатались корреспонденции, выступления в Думе, запросы по поводу преследования и дискриминации поляков — служащих Варшавско-Венской железной дороги. Широкий отклик на ее страницах нашло введение в жизнь закона об отделении Холмщины от Королевства Польского [30, 1913, 20 IX]. «Правда» подробно освещала дебаты в Думе по вопросу введения городского самоуправления в Королевстве Польском, выступала с критикой основных положений законопроекта о самоуправлении как антидемократического, шовинистического. В газете было опубликовано письмо польских рабочих, направленное против законопроекта и разоблачившее его реакционный характер [23, 1913, 6, 7, 13, 15, 18, 26 VI; 28, 1913, 1, 29 XI, 1, 4 XII; 27, 1914, 28 III, 14 V].

При этом большое внимание в газете уделялось разоблачению русской и польской реакции, их союза. «Правда» помещала статьи и материалы о политике Польского коло, об измене эндеков национальным интересам [23, 1913, 7, 10 III, 13 VI]. Одновременно газета бичевала русскую черносотенную буржуазию и срывала маску с так называемой либеральной «оппозиции», вскрывая истинные цели и стремления в постановке ею национального, в том числе и польского вопроса [23, 1912, 13 VI; 28, 1913, 29 X].

Показывая союз польской буржуазии с господствующими классами государств, разделивших Польшу, «Правда» как бы выходила за пределы Королевства Польского. Хотя газета адресовалась, в первую очередь, рабочим Российской империи и, естественно, главный акцент делался на проблемах русской Польши, в ней печатались материалы, касавшиеся и других польских земель, в частности, отмечались такие явления, как активная германизация поляков на западных землях [23, 1912, 19 X]. Но с сочувствием следя за борьбой польского народа против русификации и германизации, сообщая, например, о деятельности тайных польских школ, о патриотических манифестациях польской молодежи и т. п. [23, 1912, 17 XI, 1913, 3, 21 II; 27, 1914, 28 II], «Правда» в то же время резко выступала против польского национализма: сообщения газеты о волне антисемитизма в Королевстве Польском, о польско-украинском антагонизме в Восточной Галиции и др. были проникнуты тревогой по поводу опасности для пролетариата националистического яда.

Именно твердый и последовательный интернационализм «Правды» был одной из важнейших черт, привлекавших к ней симпатии польских рабочих. Они приветствовали газету за то, что она «живет одним духом и чувством с пролетариатом всех национальностей», «тесно связана с рабочими массами» и «будит их от спячки», показывая борьбу рабочих всей Российской империи [23, 1913, 26, 27 VI; 28, 1913, 13 X]. Желанием польских пролетариев было «поближе сойтись» с «Правдой» как с «единодушно последовательной» рабочей газетой [25, 1913, 18 VII; 27, 1914, 13 IV], которая, по словам деятеля СДКПиЛ С. Будзыньского, отвечала на текущие вопросы борьбы, давала «повседневные практические уроки» [3, с. 319]. Поэтому, как отмечалось в письме из Вены в феврале 1913 г., спрос на «Правду» в Варшаве и Лодзи был «громадный», и возникала не-

обходимость расширить ее продажу [29, д. 5, ч. 1 — Б, л. 15]. В январе 1913 г. Г. Каменский сетовал, что Варшавский комитет СДКПиЛ, которому в 1912 г. доставлялось 3 тыс. экз. газеты, в новом году получил лишь несколько экземпляров. Он просил наладить регулярную доставку «Правды», предлагая в обмен высылать новые издания польской социал-демократии [29, д. 5, ч. 1 — Б, л. 12]. Как вспоминал С. Будзыньский, в Варшавской организации СДКПиЛ «Правда» «стала играть выдающуюся роль» [24, с. 306—307]. Влияние ее росло и в других польских центрах. По данным «Пролетарской правды», в 1912 г. в Королевстве Польском было всего 37 подписок на «Правду» (из них 21 в Варшаве); эта цифра в 1914 г. поднялась до 221 подписки в 10 пунктах Королевства Польского [24, 1914, 3 I; 27, 1914, 22 IV]. Примером популярности «Правды» среди рабочих-поляков в различных центрах Российской империи может служить такой факт: группа приказчиков, посещавшая «Варшавскую столовую» на Васильевском острове в Петербурге, под угрозой бойкота заставила хозяйку выписать газету [28, 1913, 16 X].

Свидетельством того, что польские пролетарии читали «Правду», были присылавшиеся в редакцию корреспонденции и материалы из Польши. 22 апреля 1914 г., подводя итог напечатанному за два года, газета отмечала, что ею были опубликованы 17 резолюций, 29 общих корреспонденций, 136 сообщений о стачках, полученные из Варшавы, Лодзи, Люблина, Ченстоховы [27, 1914, 22 IV]. «Правда» отвечала на вопросы своих польских корреспондентов через почтовый ящик редакции, ободряла начинающих рабкоров, просила присылать заметки и материалы [23, 1913, 6 VI; 25, 1913, 13 VII; 31, 1914, 18 VI, 1 VII]. Среди польских корреспондентов были и крестьяне [23, 1913, 23 IV], но основная часть материалов исходила от рабочих. Польский пролетариат считал газету своей, направлял в ее адрес письма, резолюции, воззвания для публикации [29, д. 26, ч. 59—Б, л. 8].

Помимо материалов и корреспонденций, поступающих из Королевства Польского нерегулярно³, «Правда» печатала статьи, заметки, корреспонденции своих постоянных сотрудников-поляков. В Петербурге такими постоянными сотрудниками были К. Комаровский (Б. Г. Д., Б. Г. Данский, Б. Соловьев) и З. Фабержевич (Т. Гневич, Т. Гн., З. Фальский). Эти польские социал-демократы, активно участвовавшие в русском рабочем движении, работали в «Правде» с самого начала издания газеты.

З. Фабержевич писал преимущественно по политическим вопросам — о выборной кампании в Королевстве Польском и среди поляков в Петербурге («Поляки и выборы», «Польша накануне выборов», «Поляки на выборах в Петербурге», 1912 г.), о лодзинских стачках и локаутах («К лодзинским событиям», 1913 г.), о провале законопроекта о городском самоуправлении в Королевстве Польском («Городское самоуправление в Польше», 1913 г.), о рабочей печати в России и Польше («Социал-демократическая легальная печать в Польше», 1912 г.), о создании в Галиции Временной комиссии из представителей проавстрийских националистических партий («Карикатура социализма», 1913 г.) [23, 1912, 22 VII, 23 VIII, 13 X, 23 XII, 1913, 21 II; 25, 1913, 24 VII; 28, 1913, 1 XII]. При этом, подчеркивая задачи пролетариата в данный момент и по данному вопросу, он увязывал их с главной целью рабочего класса, с общей программой социал-демократии. Так, анализируя в ряде статей и заметок страховую кампанию в Королевстве Польском, З. Фабержевич разоблачал оппортунизм ликвидаторов, закулисные махинации польских капиталистов («Польские

³ Авторами некоторых из них были видные деятели польской социал-демократии, например, Л. Рудницкий [21, с. 307].

фабриканты и рабочие страховые кампании», «Передумали!», 1913 г.) [23, 1913, 15 II, 30 V, 1913, 7, 15 VI; 30, 1913, 18, 29 IX; 28, 1913, 4 X]. Он резко атаковал крупный капитал, синдикаты, грабящие потребителя («Наши промышленники и народное хозяйство», «Аппетиты синдикатчиков», 1913; «Синдикатская шумиха», 1914 г.). З. Фаберкевич писал о разорении народного хозяйства, низком уровне жизни («Городские пути сообщения», 1913 г.), тяжелом положении трудящихся («О положении торгово-промышленных служащих», 1912 г.; «В мире конторщиков», 1913 г.). Его статьи звали пролетариат к сплочению, рисовали пути и способы организации («Как увеличить бюджет профсоюза», 1913 г.) [23, 1912, 29 XI; 28, 1913, 16, 19 X, 12 XI; 30, 1913, 17 IX, 8 X].

Почти в каждом номере «Правды» печатались статьи и заметки Данского. Писал он, главным образом, на темы развития промышленности, положения рабочего класса и его политической борьбы, рабочего законодательства. Наиболее активно выступал Данский по страховым вопросам (разъяснял новый закон о страховании, права и возможности рабочих, лозунги рабочей страховой кампании, ее тактику). Много внимания уделялось им специально страховой кампании в Королевстве Польском, ее значению. «Правда» высоко оценивала его выступления, подчеркивая, что он освещает задачи рабочей страховой кампании «с точки зрения марксистов» [28, 1913, 4 X; 20, с. 82—84, 91—93].

Данский вообще считался одним из ведущих специалистов по страховым вопросам, он писал в «Просвещении», «Вопросах страхования», «Металлист» и др. большевистских и сочувствующих большевикам изданиях. Его брошюры выдержали несколько изданий, их печатало связанное с «Правдой» большевистское издательство «Прибой», о делах которого в сентябре 1913 г. шла речь на совещании у В. И. Ленина, в Поронине, куда специально прибыли Фаберкевич и Данский. Данского, как видного литератора и специалиста по страховым вопросам, пытались переманить меньшевики в свои издания, но получив отпор, начали против него травлю, обвинив в «двурушничестве», в служении одновременно труду и капиталу [20, с. 97—102]. «Правда» защищала Данского от клеветы, ее представители входили в специальные комиссии, расследовавшие «дело» Данского и признавшие его невиновность. В газете были опубликованы как заключение комиссии, так и ряд материалов, статей и писем в защиту Данского [28, 1913, 12, 16, 17, 23 X, 10, 16, 19, 20, 23 XI; 24, 1913, 21 XII; 27, 1914, 31 I, 6 II, 11 III]. Заграничное Бюро ЦК РСДРП и лично В. И. Ленин неоднократно писали в редакцию по поводу «дела» Данского и необходимости разъяснить в газете вопрос об участии марксистов в буржуазной печати. В. И. Лениным был подготовлен проект резолюции рабочих организаций с протестом против травли Данского [33, т. 48, с. 217; т. 54, с. 373; 34, д. 55, л. 2]. В ноябре 1913 г. в «Правде» было помещено письмо группы марксистов, среди которых находились В. И. Ленин, Я. Ганецкий, М. С. Ольминский, Г. Каменьский, З. Фаберкевич и другие, с протестом против этой интриги ликвидаторов [28, 1913, 17 XI]. В начале 1914 г., в связи с разрывом редакции «Правды» с А. Богдановым, создались, видимо, напряженные отношения и с Данским, принявшим сторону Богданова (в письме Каменеву 27 февраля 1914 г. В. И. Ленин писал об этом) [33, т. 48, с. 262]. Однако, как видно, Данский скоро осознал свою ошибку, и сотрудничество его в «Правде» осталось таким же активным и плодотворным.

Постоянные сотрудники и корреспонденты газеты находились и среди тех польских социал-демократов, которые вели работу непосредственно в Польше. Так, Ю. Лещинский (Леньский) регулярно писал в «Правду» корреспонденции из Варшавы о ходе варшавской рабочей страховой

кампании, одним из руководителей которой он был [23, 1913, 7 IV, 7 V; 25, 1913, 20, 26 VII; 24, 1914, 14 I]. В сентябре 1913 г. он присутствовал на Поронинском совещании и вступил в личный контакт с В. И. Лениным. Участником Поронинского совещания был и другой активный деятель «розламовцев», также постоянный корреспондент «Правды» Г. Каменьский (Домский), писавший на темы борьбы труда с капиталом («Локаут в ленточных фабриках в Лодзи», 1914 г.), страховой рабочей кампании [28, 1913, 12, 17 XI; 24, 1914, 3 I]. Статьи его были резко заострены против ликвидаторов и буржуазных партий («Еврейская буржуазия о конфликте в социал-демократической фракции», 1913 г.). Клерикализм и буржуазный национализм были специальными объектами его атаки. Он разублачал реакционность польской буржуазии Галиции и Королевства Польского, подчеркивая ее измену национальным интересам народа («Новый клерикальный скандал», 1914 г.; «Польский национализм и пролетариат», 1913 г.; «Четвертый раздел Польши», 1913 г.; «Поражение польского национализма», 1913 г.; «Польские патриоты и городское самоуправление», 1913 г.; «Антисемитская реакция в Польше», 1913 г.; «Окраинная порода черносотенцев», 1914 г.) [23, 1913, 26 VI; 25, 1913, 12, 18 VII; 30, 1913, 20 IX, 28, 30 X, 4 XII; 24, 1914, 4, 7 I; 27, 1914, 30 I, 19 III].

Статьи Г. Каменьского, жившего в Галиции, в ряде случаев пересылало в «Правду» Заграничное Бюро ЦК РСДРП, так же как и другие польские материалы. Выступления Г. Каменьского в этот период в «Правде» и в других большевистских изданиях оценивались очень высоко. Его статьи по вопросам ликвидаторства и антиликвидаторства, опубликованные в «Просвещении» в 1912—1913 гг., «Правда» ставила в один ряд со статьями В. И. Ленина о культурно-национальной автономии и статьями других видных марксистов [28, 1913, 2 XI; 24, 1913, 29 XII, 1914, 4 I].

Вообще на страницах «Правды» материалы по польскому вопросу, статьи и брошюры польских авторов широко рецензировались, подвергались оценке и анализу. Газета заботилась также об анонсе и рекламе: печатались объявления о возможности приобрести брошюры Данского, Ленского и других польских авторов через контору «Правды», причем не только на русском, но и на польском языке. В «Правде» сообщалось о переводе брошюр на несколько языков, о приобретении их рабочими, о конфискации их полицией и т. п. [23, 1912, 12 IV, 3, 5, 11 X, 1913, 8 I, 10, 12 III, 9, 14 IV, 8, 14, 31 V, 2, 22, 25 VI, 5 VII; 25, 1913, 23 VII; 37, 1913, I VIII; 30, 1913, 13, 21, 28 IX, 8 X; 28, 1913, 11 X, 5, 17, 29 XI, 1 XII; 24, 1914, 7, 19 XII, 12 I; 27, 1914, 16 III, 13, 22, 23 IV, 4 V; 31, 1914, 21 VI], что свидетельствовало о широком их распространении и действенности.

Публикация польских материалов вызывала опасения властей. Не раз именно за них «Правда» подвергалась репрессиям (№ 119, 126, 127 «Правды» были арестованы за заметки о страховании рабочих в Королевстве Польском, № 99 — за статью «Польские рабочие и депутат Малиновский»; № 25 «За правду» — за «Протест польских рабочих против законопроекта о городском самоуправлении в Польше») [28, 1913, 2 XI; 24, 1913, 14 XII].

Газета все время боролась с трудностями, ее закрывала цензура, ей приходилось менять названия. Финансовые затруднения преодолевались при активной поддержке рабочих, в том числе и польских. На Польшу и Прибалтийский край приходилось 10,3% всех денежных пожертвований, поступивших в фонд «Правды» за первый год ее существования [23, 1913, 23 IV]. Польские рабочие выражали уверенность в преодолении газетой всех преград на ее тернистом пути и призывали продемонстрировать пролетарскую солидарность, оказав «Правде» материальную поддержку [23, 1913, 27 VI; 28, 1913, 13 X; 38]. Собранные ими по грошам сум-

мы предназначались на увеличение формата и тиража газеты. Эти пожертвования регулярно указывались в публиковавшихся «Правдой» денежных отчетах и были упомянуты В. И. Лениным в 1913 г. в юбилейной статье «Годовщина „Правды“. (Рабочая поддержка рабочей газеты)». В 1914 г. В. И. Ленин отмечал «особый взнос правдиста Ганецкого» как денежное приложение к приветственной телеграмме по случаю юбилея «Правды» [33, т. 23, с. 97; т. 48, с. 284]. Материальные пожертвования поступали из разных концов Польши; отправителями были рабочие, студенты, представители интеллигенции, причем не только социал-демократы, но и «левицовцы». Хотя деньги шли на адрес «Правды», они предназначались и для других рабочих изданий, в частности, для московской рабочей газеты «Наш путь». Нередко через «Правду» пересылались денежные суммы от польских рабочих в пользу жертв репрессий, депутатов-втородумцев, забастовщиков и т. п. [23, 1912, 17 VI, 1913, 9, 23 IV, 12, 19 V, 7 VI; 28, 1913, 13, 15, 22 X; 24, 1914, 8 I; 27, 1914, 5, 8 III, 18 IV, 3, 4, 11, 21 VI].

Все это свидетельствовало о том, что «Правда» шла по пути осуществления поставленной перед собой задачи: из газеты петербургской стать «всероссийской рабочей газетой» [27, 1914, 4 IV]. На страницах «Правды» обсуждался вопрос о том, как достичь этой цели. Печатались и польские отклики. Так, 11 апреля 1914 г. была опубликована статья «Важнейший недостаток» за подписью Rot (вероятно, деятель СДКПиЛ Юзеф Ротштадт), отмечавшая значение связи редакции с национальными окраинами, необходимость публиковать больше материалов об их экономических и культурных особенностях, указывавшая пути укрепления этой связи (например, создание корреспондентских групп на местах). Редакция поддержала это выступление и наметила ряд мер, направленных на лучшее освещение жизни национальных областей Российской империи, в частности, планировала выпуск специальных приложений [27, 1914, 11 IV].

Активная деятельность «Правды» и других большевистских изданий способствовала усилению их связи с прогрессивной польской печатью, давала импульс ее развитию. С «Правдой» установил контакт орган Краковского союза помощи политзаключенным «Вензень политычный». В результате переговоров, которые член секретариата Союза А. Буцевич вел с В. И. Лениным в 1912—1913 гг. [18 с. 150], оба издания договорились о взаимном обмене материалами. «Вензень» передал «Правде» материалы о положении на каторге. Видимо, и «правдисты» посылали часть статей и корреспонденций в Краков для публикации. Об этом свидетельствует наличие в архиве Краковского союза рукописей из портфеля «Правды» и среди них весьма интересной статьи «К вопросу о составе поселенцев и ссыльных». Автор, подписавшийся Vincas, анализируя состав ссыльных с точки зрения национальной и партийной принадлежности, отмечал высокий процент политических ссыльных среди поляков, преобладание в их среде (особенно среди партийцев) рабочих и приходил к выводу о массовости рабочего движения в Польше [39, с. 236; 40].

Контакт с «Правдой» укреплял веру польских марксистов в рабочую прессу; все настоятельнее вставала перед ними задача создания польской массовой легальной газеты. Со своей стороны, и «Правда» придавала очень большое значение созданию боевого марксистского органа польских рабочих. Она активно помогала постановке изданий СДКПиЛ в Петербурге — выпуску летом 1913 г. однодневной газеты «Ютшня» (откликнувшейся на первый юбилей «Правды»), а затем рождению весной 1914 г. «Новой Трыбуны». При этом «правдисты» действовали совместно с Фабержевичем, Данским и другими польскими социал-демократами, жившими в столице

(М. Козловский, А. Радзишевский), а также со специально приехавшим из Галиции Я. Ганецким [9, с. 26—43; 35, с. 363—364, 382—384; 22, с. 215—216]. 25 марта, объявляя о выходе первого номера «польского рабочего журнала», «Правда» подчеркивала, что «семья российских марксистских журналов обогатилась еще одним членом» и «польские сознательные рабочие-марксисты получили, наконец, возможность всестороннего освещения общественной и политической жизни с классово-политической точки зрения, обсуждения нужд своих профессиональных и культурных организаций». Приветствуя «польского собрата» и желая ему «стать в теснейшую связь с рабочими массами Польши» [27, 1914, 25 III, 2 IV], редакция давала объявления на русском и польском языках о содержании нового издания и возможности приобретения его через книжный склад «Правды». Газета помещала рецензии на все номера «Новой Трыбуны», высоко оценивала выступления польского журнала, ставя его в ряд рабочих легальных изданий, возникших по следам «Правды» [27, 1914, 25, 27, 28, 29 III, 3, 20, 27 IV, 11 V; 41, 1914, 22 IV; 31, 1914, 1, 22 VI]. Сообщая о репрессиях против «Новой Трыбуны», «Правда» вставала на защиту польских товарищей от цензурского произвола [27, 1914, 1 V; 31, 1914, 10, 20 VI].

Вместе с «Новой Трыбуной» «Правда» организовала широкое празднование Дня рабочей печати 22 апреля (5 мая) 1914 г. В этот день редакция газеты получила и опубликовала огромное количество приветствий, в том числе и от польских рабочих, а «Нова Трыбуна», с гордостью причислявшая себя к «правдистским» органам, заявила: «Этот праздник — наш праздник. Да здравствует братство русских и польских рабочих!» [27, 1914, 22, 27 IV, 6, 15 V]. Представительство польских марксистов писало в день двухлетнего юбилея «Правды»: «Оглядываясь на минувшие 2 года, годы наших стойких стремлений к светлому будущему, нельзя не признать, что день 22 апреля 1912 г. был поистине исторической датой для русских рабочих, а вместе с ними для пролетариев всей России без различия национальности. Товарищи! Ваше дело является и нашим делом. Желаем Вам идти неуклонно вперед и все теснее сплачивать рабочий класс под знаменем последовательной демократии» [27, 1914, 25 IV].

Признание заслуг и значения деятельности «Правды» показывало, что газета выполнила свою задачу, способствуя распространению идей большевизма, помогая организации масс. Меншевики кричали о «правдистском поветрии». «Правда» еще 25 октября 1913 г. отмечала, что этим «поветрием» заражена и Польша [28, 1913, 25 X].

Польские аспекты деятельности «Правды» многообразны. В обзорной статье можно было указать лишь главные из них. Более подробное освещение дало бы массу интересных и важных деталей. Но и при таком общем обзоре ценность «Правды» как источника по вопросам русского и польского революционного движения, русско-польских революционных связей не вызывает сомнения. В статье, посвященной выходу № 201 «Правды» З. Фабержевич писал: «Русские рабочие празднуют редкий юбилей. Сегодня вышел 201-й номер газеты „Правда“, созданной и существующей благодаря энергии и настойчивости русских рабочих. В борьбе за существование рабочая пресса в России прошла и пройдет еще длинный и тернистый путь, и борьба эта найдет своего историка» [23, 1912, 23 XII].

В первую очередь своего историка заслуживает газета, созданная В. И. Лениным и под его руководством выполнявшая ответственную роль воспитания пролетариата всей России в духе большевизма, в духе пролетарского интернационализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Manusiewicz A.* Leninowska «Iskra» a polski ruch robotniczy.— *Z pola walki*, 1962, № 3.
2. *Манусевич А. Я.* Ленинская «Искра» и польское рабочее движение. КСИС АН СССР. М., 1963.
3. *Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971.
4. *Фалькович С. М.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М., 1975.
5. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976.
6. Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3. М., 1923.
7. Большевицкая печать в тисках царской цензуры. 1910—1914 л., 1938.
8. *Логонов В. Т.* Ленин и «Правда». 1912—1914. М., 1962.
9. *Манусевич А. Я.* «Нова Трыбуна» — польская легальная газета правдистского направления. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XXVIII. М., 1964.
10. *Ермолаева Р. А., В. И.* Ленин и польская революционная социал-демократия в 1912—1914 годах.— Новая и новейшая история, 1960, № 3.
11. Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики. М., 1970.
12. *Бернов Ю.* *Манусевич А.* Ленин в Кракове. М., 1972.
13. *Фалькович С. М.* Вместе против самодержавия, национализма и опасности войны. 1912—1914.— В кн.: Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976.
14. *Najdus W.* Lenin w Polsce. Warszawa, 1953.
15. *Jermotajewa R.* Jakub Hanecki.— *Z pola walki*, 1962, № 2.
16. *Najdus W.* Przez zieloną granicę. Na polskich szlakach leninowskiej «bibuły». Kraków, 1964.
17. *Najdus W.* Lenin i Krupska w Krakowskim Związku Pomocy dla Więźniów Politycznych. Kraków, 1965.
18. Поляцы о Ленине. Wspomnienia. Warszawa, 1970.
19. *Manusiewicz A.* Lenin a polska socjal-demokracja w latach 1912—1914.— *Z pola walki*, 1970, № 1.
20. *Falkowicz S.* Współdziałanie SDKPiL z partią bolszewicką podczas kampanii ubezpieczeniowej lat 1913—1914.— *Z pola walki*, 1973, № 2—3.
21. *Śobczak J.* Lenin bliski Polakom śladami wspomnień i dokumentów. Warszawa, 1977.
22. *Najdus W.* Lenin wśród przyjaciół i znajomych w Polsce 1912—1914. Warszawa, 1977.
23. Правда.
24. Пролетарская правда.
25. Рабочая правда.
26. *Данский Б.* «Правда» и рабочая страховая кампания.— Пролетарская революция, 1930, № 7—8.
27. Путь правды.
28. За правду.
29. ЦГАОР СССР, ДП 00, 1913.
30. Правда труда.
31. Трудовая правда.
32. *Табачников Б. Я.* Ленин и «розламовская» оппозиция в СДКПиЛ.— В кн.: Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики. М., 1970.
33. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
34. ЦПА ИМЛ, ф. 364, оп. I.
35. *Jermotajewa R., Manusiewicz A.* Lenin a polski ruch robotniczy. Warszawa, 1976.
36. *Falkowicz S.* Ze studiów nad rosyjsko-polskimi związkami kulturalnymi (1905—1914) — In: Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980.
37. Северная правда.
38. ЦГАОР СССР, ДП 00, 1914, д. 5, ч. 9—Б, л. 21.
39. *Фалькович С. М.* Русские связи Краковского Союза помощи политическим заключенным в России (1912—1914).— В кн.: Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики. М., 1970.
40. WAPKГ, ZPWP, 11.
41. Рабочий.

ГИБИАНСКИЙ Л. Я.

ПОДГОТОВКА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ПОЗИЦИИ СССР, АНГЛИИ И США В ОТНОШЕНИИ БОЛГАРИИ, РУМЫНИИ И ВЕНГРИИ

В конце декабря — первой половине января 1945 г. в результате переписки между главами правительств СССР, Англии и США были окончательно определены место и сроки проведения их новой, следующей после Тегерана, встречи: она была запланирована на начало февраля 1945 г. в Ялте [1, док. № 386, с. 350; док. № 388, с. 352; 2, doc. 492, p. 639; doc. 497, p. 643—644; 3, p. 21, 30; 4, p. 383]. Главной задачей предстоявшей Крымской конференции являлось согласование военных и политических усилий трех ведущих держав антигитлеровской коалиции, направленных на разгром нацистской Германии, победоносное завершение войны и переход к послевоенному миру. Вместе с тем перед встречей в Крыму стала обозначаться перспектива обсуждения там ряда вопросов, касавшихся положения в освобожденных либо освобождаемых в тот момент от фашизма странах Юго-Восточной и Центральной Европы, в том числе в Болгарии, Румынии и Венгрии.

В статье, посвященной рассмотрению позиций Советского Союза, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии в период, предшествовавший Крымской конференции [5]¹, мы уже отмечали, что на протяжении осени 1944 — начала 1945 г. в Лондоне и Вашингтоне нарастало недовольство как в связи с развитием революционного процесса, развернувшегося в трех названных восточноевропейских бывших вражеских государствах, так и в связи с тем, что в результате доминирующей роли СССР в осуществлении там союзнического контроля западные державы оказывались лишены рычагов вмешательства, сколько-нибудь эффективного воздействия на политическую обстановку в этих странах с целью помешать радикальным общественным переменам, утверждению народно-демократического строя. Поэтому сначала Англия, а затем и США предприняли ряд попыток тем или иным образом подвергнуть ревизии организацию и основы деятельности руководимых советской стороной союзных контрольных комиссий (СКК) в Болгарии, Румынии и Венгрии, умалить или подорвать определяющее положение СССР в работе СКК, расширить возможности и прерогативы западных представителей. Однако эти попытки встретили противодействие Советского Союза и потерпели неудачу. Между тем во второй половине января 1945 г. западная дипломатия стала готовиться к новой акции: в Лондоне и Вашингтоне решили

¹ В этой статье нами давалась и краткая характеристика состояния историографии по проблемам политики и взаимоотношений СССР, Англии и США по поводу Болгарии, Румынии и Венгрии как накануне, так и во время Крымской конференции.

использовать для достижения своих целей в Болгарии, Румынии и Венгрии предстоявшую Крымскую конференцию.

Планы, разрабатывавшиеся американской и британской дипломатией, были различны по своей конкретной нацеленности. В комплексе намечавшихся госдепартаментом США мер, призванных противодействовать нежелательному для западных держав развитию революционных общественно-политических перемен в восточноевропейских странах, включая Болгарию, Румынию и Венгрию, основное внимание уделялось проектам более общего характера, относившимся либо ко всему региону Юго-Восточной и Центральной Европы, либо ко всем бывшим государствам-сателлитам в целом. В британских замыслах большее место занимали меры в отношении отдельных стран.

Всего региона касался прежде всего проект госдепартамента о создании Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы из представителей США, Великобритании, СССР и временного правительства Франции. Проект, представленный 18 января 1945 г. президенту Ф. Рузвельту, предусматривал, что комиссия будет обладать полномочиями и практическими возможностями «оказывать помощь» странам, освобожденным от фашистской оккупации, и бывшим государствам-сателлитам в решении таких «политических проблем», как «возвращение определенных эмигрантских правительств, учреждение временных режимов и скорое проведение выборов там, где необходимо образовать пользующиеся поддержкой народа и устойчивые правительства», предусматривалась также помощь в проведении необходимых экономических мер [3, р. 97—100]. Что имелося в виду под «устойчивыми правительствами», в образовании которых должна была помочь комиссия, видно из другого подготовительного документа госдепартамента накануне встречи в Крыму: правительства в освобожденных странах должны были состоять в большинстве из умеренных и мелкобуржуазных элементов и выглядеть достаточно левыми, «чтобы удовлетворить преобладающее в Европе настроение и успокоить советские подозрения», но их подлинной ролью было, наоборот, преградить путь тому, что в документе именовалось «коммунистической диктатурой» [3, р. 103]. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус считал, что учреждение комиссии «могло предупредить некоторые из трудностей, возникающих в Восточной Европе» [6, р. 37]. План был призван создать действенный инструмент прямого вмешательства в политическое развитие восточноевропейских стран, причем принцип равного участия четырех союзных держав на деле предоставлял численное преобладание западным участникам. В отношении Болгарии, Румынии и Венгрии реализация данного плана позволяла бы, таким образом, обойти СКК, в которых США и Англии не удалось добиться «равной ответственности» союзных держав.

В конце января 1945 г. представители госдепартамента ознакомили с подготовленным проектом своих коллег в британском Форин оффис [3, р. 502; 7, р. 268]. Вслед за тем, 1 февраля, во время англо-американских переговоров на Мальте, непосредственно предшествовавших встрече «большой тройки» в Ялте², Э. Стеттиниус обсудил план создания Чрезвы-

² 30 января — 2 февраля 1945 г. на Мальте встретились делегации США и Англии, направлявшиеся на Крымскую конференцию. Встреча произошла по инициативе британского премьер-министра У. Черчилля, считавшего необходимым предварительное согласование позиций двух западных держав перед Крымской конференцией [2, doc. 497, р. 644; doc. 501, р. 648]. Как свидетельствуют опубликованные американские документы, на Мальте обсуждался ряд как военных, так и политических вопросов. Последние активно рассматривались двумя министрами иностранных дел. Участие же Ф. Рузвельта и У. Черчилля в обсуждениях на Мальте было из-за позиции президента США, предпочитавшего уклониться от обязывающей предварительной договорен-

чайной верховной комиссии для освобожденной Европы с министром иностранных дел Англии А. Иденом. Британская сторона нашла предложенный госдепартаментом проект очень привлекательным [3, р. 502].

Среди мер, касавшихся Болгарии, Румынии и Венгрии в целом, в американских подготовительных документах во главу угла были выдвинуты уже фигурировавший при выработке условий перемирия с Венгрией вопрос о том, чтобы руководства СКК в Болгарии, Румынии и Венгрии, состоявшие из советских представителей, были обязаны предварительно консультироваться относительно всех решений, направляемых от имени СКК правительственным органам этих стран, с представителями США и Англии, а также вопрос о свободе передвижения последних без каких-либо ограничений [3, р. 238—239, 240, 241, 247]³. Оба названных вопроса фигурировали в специальном пункте об СКК в Румынии, Болгарии и Венгрии, вошедшем, наряду с предложением о Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы, в число семи основных тем, которые по мнению госдепартамента следовало выдвинуть на Крымской конференции [3, р. 566, 568].

Вопрос об СКК и правах западных представителей в Болгарии, Румынии и Венгрии также обсуждался между Стеттиниусом и Иденом на Мальте. Намерения госдепартамента США прямо совпадали с английскими целями, которых Лондон уже пытался достичь, прежде всего в отношении Болгарии, серией дипломатических демаршей, предпринятых им в конце 1944 — начале 1945 г. перед Советским правительством [5, с. 23, 27]. Переговоры между Стеттиниусом и Иденом на Мальте завершились по этому пункту взаимным согласием о выдвижении общих претензий на предстоявшей встрече в Крыму. При этом оба министра, делая упор на необходимости для руководства СКК предварительных консультаций с американскими и английскими представителями по поводу выносимых решений, наметили, как зафиксировано в американской записи, следующую позицию: «если русское правительство считает необходимым по военным соображениям предпринять какую-либо одностороннюю акцию, не предусмотренную в соглашении о перемирии, это должно быть сделано под его исключительную ответственность и от имени Советского правительства» [3, р. 505—506]. Поскольку данная формула связывалась с предварительными консультациями, определение того, предусмотрено ли то или иное решение руководства СКК соглашением о перемирии, зависело бы в случае реализации указанного плана, очевидно, от мнения западных представителей. Иными словами, используя свою интерпретацию как соглашения о перемирии с Болгарией, Румынией и Венгрией, так и конкретных решений руководства СКК, особенно если они касались политических вопросов, представители США и Англии приобретали бы своего рода право вето в отношении принятия этих решений от имени контрольных комиссий. Тем самым, не будучи в состоянии прямо оспаривать принцип определяющей роли СССР в осуществлении союзнического контроля в Болгарии, Румынии и Венгрии, по крайней мере до окончания военных

ности с Англией и сохранить свободу рук при переговорах с СССР в Крыму, весьма ограниченным [3]. По прибытии в Ялту А. Иден в беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым вообще утверждал, будто «никаких переговоров между англичанами и американцами на Мальте не было» [8, док. № 2, с. 48].

³ Руководством СКК в указанных странах была введена определенная регламентация, а в некоторых случаях, главным образом в Болгарии, и известное ограничение передвижения западных представителей по территории этих стран, что аргументировалось условиями, вызванными продолжавшейся войной против Германии. Вместе с тем, прежде всего в Болгарии, это было связано и с сомнениями относительно политических целей западных представителей во время их передвижения по стране (подробнее мы уже рассматривали этот вопрос [5, с. 24]).

действий в Европе, западные державы получали бы, однако, на деле возможность существенного ущемления такой роли, ставя советскую сторону перед альтернативой: вообще отказаться от решений, отвергаемых США и Англией, либо проводить их в условиях, когда названные решения будут лишены авторитета СРК, а, наоборот, этим авторитетом открыто будет поставлено под сомнение их соответствие соглашениям о перемирии⁴.

В британских планах, которые, как уже говорилось, касались преимущественно отдельных стран, наибольшее внимание из восточноевропейских бывших вражеских государств уделялось по-прежнему Болгарии. Аналогичной позиции при подготовке Крымской конференции стала придерживаться и американская дипломатия. Причина была достаточно ясно сформулирована государственным департаментом США в ходе упоминавшегося обмена предложениями с английским Форин оффис о предстоящей встрече в Ялте: выражая тревогу по поводу того, что он называл установлением в Центральной и Юго-Восточной Европе «режимов по типу советских», госдепартамент делал упор на «признаки, что такое развитие имеет место в Болгарии». Британская дипломатия разделяла это мнение [7, р. 268]. В одном из подготовительных документов госдепартамента к Крымской конференции, в котором суммировалась американская оценка, подчеркивалось, что хотя болгарское правительство Отечественного фронта (ОФ) составлено на коалиционной основе, однако в нем «коммунисты неуклонно добиваются доминирующего влияния» [3, р. 241]. Меньше заботило американскую дипломатию положение в Румынии и Венгрии, где в тот момент правые силы все еще обладали, особенно в Румынии, более внушительными позициями⁵. Правда, в этом же документе госдепартамента говорилось о «некоторой тревоге, особенно в английских кругах», по поводу «сильного влияния Советского Союза в Румынии», как западная дипломатия обозначала растущее движение за коренные социально-политические перемены, организатором которого выступал Национально-демократический фронт (НДФ), руководимый Коммунистической партией Румынии (КПР). Однако вслед за изложением обращенных к официальным представителям США утверждений лидеров румынских «исторических партий», в частности руководителя национал-царанистов Ю. Маниу, об угрозе вследствие того же «советского вмешательства» в документе от-

⁴ В этом смысле можно согласиться с американским неоревизионистом Г. Колко, когда он характеризует план госдепартамента США накануне Ялты как фактическую попытку «ликвидировать существующую структуру союзных контрольных комиссий, созданную на основе итальянского прецедента» [9, р. 404] (Колко имел в виду, что межсоюзническая договоренность о принципе организации и деятельности СРК в восточноевропейских бывших вражеских государствах основывалась на практике, которая уже имела место в Италии: органы СРК и ее руководство формировались из представителей тех союзных держав, которые несли ответственность на данном театре военных действий, — в Италии таковыми были Англия и США, в Румынии, Болгарии и Венгрии — СССР. См. подробнее [5]). Возражения же тяготеющей к официозному направлению Л. Дэвис, считающей оценку Колко неверной и ссылающейся на то, что госдепартамент «никогда не рекомендовал этого» [10, р. 187—188], базируются на внешней стороне дела — в документах госдепартамента такая цель действительно не формулировалась, а, наоборот, говорилось, что США не оспаривают ведущей роли СССР в осуществлении союзнического контроля в Болгарии, Румынии и Венгрии [3, р. 238—239]. Но при этом Дэвис совершенно игнорировала реальный смысл ситуации, которая была бы создана в случае осуществления планов американской, равно как и британской, дипломатии. Думается, что последнее обстоятельство не было в достаточной мере учтено болгарским историком С. Пинтевым, делающим вывод, что выдвижение Англией и США в связи с Крымской конференцией вопроса о предварительных консультациях по поводу решений СРК сводилось лишь к соображениям престижа [11, с. 203].

⁵ Внутриполитическая ситуация в Болгарии, Румынии и Венгрии и ее оценка Вашингтоном и Лондоном в период, предшествовавший подготовке Крымской конференции, рассматривались нами в упоминавшейся выше статье [5, с. 18—21].

мечалось: «Департамент не считает, что свидетельства, имеющиеся под рукой, подтверждают их (т. е. румынских буржуазных лидеров.— Л. Г.) взгляд», хотя одновременно составители документа были склонны считать, что «некоторые признаки» такой «опасности» имели место [3, р. 248]. Что же касалось Венгрии, то госдепартамент ограничивался характеристикой Временного национального правительства, созданного в Дебрецене, на освобожденной советскими войсками территории, как органа, который, «по-видимому, представляет значительные просоюзнические политические силы в сегодняшней Венгрии» [3, р. 244]. Таким образом, на Болгарию было обращено основное внимание и именно она фигурировала на первом месте в связи с планировавшимися изменениями в отношении СКК.

При подготовке Крымской конференции и обсуждении связанных с ней планов между руководителями внешнеполитических ведомств Англии и США было, в частности, подчеркнуто, что вопрос об обязательности предварительных консультаций руководства СКК с представителями США и Англии по поводу выносимых решений, а также вопрос о свободе передвижения западных представителей относятся прежде всего к Болгарии (это связывалось и с тем, что, по оценке западной, в частности американской, дипломатии, данные вопросы имели меньшую остроту в Венгрии ввиду частичного принятия советской стороной некоторых пожеланий США и Англии, зафиксированных в специальном статуте СКК, и отчасти в Румынии, где советский председатель СКК согласился с проведением предварительных консультаций) [3, р. 239, 241, 505—506]. В результате выдвинутый английской дипломатией план специально поставить в повестку дня Крымской конференции отдельный пункт об СКК в Болгарии встретил во время переговоров на Мальте полное одобрение со стороны государственного секретаря США. Было согласовано, что британская делегация выработает соответствующий документ для выдвижения в Ялте. При этом ставилась цель добиться применения в Болгарии положений, включенных в статут СКК в Венгрии, т. е. была занята та же позиция, которая только перед этим уже вызвала отрицательную реакцию с советской стороны [3, р. 505—506, 513—514].

Вместе с тем английская дипломатия подняла накануне Крымской конференции перед своими американскими коллегами и вопрос о том, чтобы не допустить признания за Болгарией статуса страны, совоюющей с Объединенными Нациями, т. е. выступающей в качестве своего рода союзника антигитлеровской коалиции в войне против нацистской Германии.

Фактически уже сразу после 9 сентября 1944 г., когда к власти пришло правительство ОФ, т. е. еще до заключения соглашения о перемирии, подписанного 28 октября 1944 г., болгарская армия повернула оружие против гитлеровцев и совместно с советскими войсками и Народно-освободительной армией Югославии стала сражаться на стороне Объединенных Наций. Указывая на этот факт, правительство Болгарии 21 ноября 1944 г. в памятной записке союзным державам поставило вопрос о признании болгарских войск в качестве совоюющих. Правительство ОФ подчеркивало, что оно не обращается в данный момент с просьбой о том, чтобы «само болгарское государство было признано в качестве союзника», считая, что Болгария должна завоевать это путем побед, которых ее войска, совместно с войсками союзников, добьются в ходе разгрома Германии. Речь шла лишь о том, чтобы вначале болгарская армия получила от союзных держав статус совоюющей [12, док. № 11, с. 23—25]. Между тем СССР и его западные партнеры по коалиции занимали здесь совершенно разные позиции.

Еще в ходе выработки тремя союзными державами соглашения о перемирии с Болгарией Советский Союз предложил, чтобы в первой же статье соглашения фиксировалось, что Болгария вступила в войну на стороне Объединенных Наций и что военные действия ее вооруженных сил будут вестись под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования [13, р. 416]. Это соответствовало фактическому положению дел и точно повторяло аналогичную статью, содержащуюся в заключенном 12 сентября 1944 г. соглашении о перемирии с Румынией [14, с. 206]. В румынском случае западные союзники не только согласились включить такую статью в соглашение о перемирии, но более того — на просьбу румынской делегации на переговорах о перемирии о предоставлении Румынии статуса союзной или, по крайней мере, совоюющей страны, учитывающей участие румынской армии в войне против гитлеровцев, как советская сторона, так и представители Англии и США высказали общее мнение, что в принципе за Румынией может быть признан статус совоюющей. И хотя последнее не было внесено в текст соглашения, все три союзные державы дали понять румынским представителям, что несколько позднее Румыния, с учетом степени ее участия в войне против Германии и выполнения ею условий перемирия, будет признана совоюющей [15, р. 232; 16, р. 466; 17, р. 110]. Однако в болгарском случае Англия прямо выступила против советского предложения отметить в соглашении о перемирии хотя бы сам факт вступления Болгарии в войну на стороне Объединенных Наций. Американцы в тот момент не заняли столь категорической позиции, но выражали сомнение в отношении советского проекта. Западная дипломатия исходила из того, что такая формула означала бы указание на практическую роль Болгарии как совоюющей страны, а именно признание в каком бы то ни было виде этой роли вызывало решительные возражения Лондона, по существу, поддержанного в итоге, хотя несравненно мягче и осторожнее, Вашингтоном [13, р. 419, 424, 425—426, 434 е.а.]. Столь очевидная разница в подходе западных союзников к Румынии и Болгарии по вопросу о статусе совоюющего государства была обусловлена рядом причин, среди которых, несомненно, первостепенное значение имела отмечавшаяся выше разница во внутривнутриполитическом положении обеих стран и, соответственно, в отношении Англии и США к существовавшему в каждой из них режиму: если западные державы были готовы признать совоюющей Румынию с ее правительством «реакционного большинства», способствуя тем самым упрочению позиций этого правительства и короля Михая, то, наоборот, признание статуса совоюющей страны за Болгарией содействовало бы упрочению позиций народно-демократической власти, правительства ОФ, где ведущее место занимали коммунисты, что полностью противоречило стремлениям западных держав и вызывало у них отрицательную реакцию. В результате, хотя СССР отстаивал свое предложение, а при заключении соглашения о перемирии В. М. Молотов, оценивая действия болгарских войск, которые вели тогда борьбу совместно с Красной Армией и Народно-освободительной армией Югославии, заявил, что болгары сражаются «почти как союзники под командованием маршала Толбухина против общего врага» [18, док. № 34, с. 77; 13, р. 425—426; 19, с. 145], тем не менее советский проект не смог быть реализован в своем первоначальном виде из-за отказа западных партнеров. В соглашении о перемирии с Болгарией говорилось лишь, что она прекратила военные действия против Объединенных Наций и что ее правительство «обязывается содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования» [14, с. 287].

Позиция западных держав, проявившаяся при заключении соглашения

о перемирии, препятствовала, естественно, и выполнению просьбы правительства Болгарии к союзникам от 21 ноября 1944 г. о признании болгарской армии в качестве совоюющей. Между тем 13 декабря правительство Болгарии адресовало по этому поводу новую памятную записку Союзной контрольной комиссии, которую болгарский министр иностранных дел П. Стайнов вручил заместителю председателя СКК генерал-полковнику С. С. Бирюзову. На сей раз болгарское правительство, констатируя, что «вопрос о признании Болгарии совоюющим государством пока не решен и еще будет обсуждаться дипломатами Союзных государств», выдвигало просьбу о том, чтобы статус совоюющей был признан хотя бы за сформированной в конце ноября 1944 г. отдельной болгарской армией, сражавшейся в составе 3-го Украинского фронта. Правительство Болгарии считало, что данный вопрос не требует обсуждения союзными державами, а может быть решен положительно непосредственно командованием 3-го Украинского фронта, т. е. лишь советской стороной [18, док. № 34, с. 76—79]⁶. Эта просьба была потом повторена 11 января 1945 г. политическим представителем Болгарии в СССР Д. Михалчевым при беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским [18, док. № 44, с. 94].

Советский Союз фактически относился к Болгарии как к совоюющей стороне. Так, в связи с удалением баз снабжения отдельной (1-й) болгарской армии в ходе ее продвижения командование 3-го Украинского фронта взяло на себя ее обеспечение всем необходимым, включая поставку продовольствия, фуража, горючего [18, док. № 35, с. 79—80; док. № 37, с. 85; док. № 39, с. 88—91; док. № 43, с. 93; док. № 46, с. 98; док. № 48, с. 100]. В ответ на обращенную к СССР 11 января 1945 г. просьбу Болгарии о предоставлении ей вооружения, боевых машин и запасных частей для авиации и бронетанковых сил советская сторона провела переговоры с болгарской военной делегацией, которая поставила также вопрос о вооружении и боеприпасах для пехоты. Переговоры завершились 16 марта 1945 г. подписанием соглашения между правительствами обеих стран о безвозмездной передаче Советским Союзом Болгарии соответствующего вооружения и военно-технического имущества [18, док. № 45, с. 95—97; док. № 50, с. 105—106; док. № 56, с. 120]. По существу, это было проявлением отношения к народно-демократической Болгарии не только как к совоюющей стране, но более того — как к фактическому союзнику.

В рамках имевшихся возможностей СССР предпринимал шаги, направленные к развитию таких отношений и за пределами чисто военной сферы — в политической, экономической и других областях. Еще в ноябре 1944 г. Советское правительство дало согласие на то, чтобы Болгария имела в Москве своего политического представителя, чего, как подчеркивалось советской стороной, «не имеет ни один из бывших сателлитов фашистской Германии», и уже в декабре такой политический представитель был назначен и прибыл в СССР [18, док. № 33, с. 72—73; док. № 44, с. 94]. В ответ на обращение Болгарии в конце декабря 1944 г. к Советскому Союзу с просьбой о срочном возобновлении торгово-экономического обмена между двумя странами в целях поставки из СССР необходимых товаров и сырья, в частности хлопка, из-за отсутствия которого хлопчатобумажная промышленность, занимавшая важное место в болгарской экономике, находилась перед угрозой остановки, Советское правительство начало

⁶ Отдельная болгарская армия была создана в конце ноября 1944 г. по согласованию с советским командованием для того, чтобы с окончанием действий болгарских вооруженных сил против гитлеровцев на территории Югославии участвовать в составе 3-го Украинского фронта в операциях на территории Венгрии [18, док. № 30, с. 69; док. № 34, с. 78].

торговые переговоры с Болгарией, завершившиеся подписанием 14 марта 1945 г. межправительственного соглашения о взаимных поставках товаров [18, док. № 36, с. 80—84; док. № 53, с. 115—118]. Но еще за два с лишним месяца до подписания соглашения, в начале января 1945 г. Советский Союз принял срочные меры по немедленной отгрузке в Болгарию 800 т хлопка, что устранило угрозу остановки болгарской хлопчатобумажной промышленности [18, док. № 40, с. 91; док. № 42, с. 92]. Ввиду острой нехватки в Болгарии нефтепродуктов, металлов и другого важного сырья советское командование еще в октябре 1944 г. передало для нужд болгарского сельского хозяйства горюче-смазочные материалы и продолжило затем осуществлять снабжение ими, а в начале 1945 г. между СКК, руководимой советскими представителями, и болгарской стороной была заключена торговая сделка, дававшая возможность Болгарии получать нефтепродукты, металлы и иное сырье еще до подписания советско-болгарского торгового соглашения [18, док. № 11, с. 23; док. № 41, с. 91—92; 20, с. 112].

Однако, независимо от своего фактического отношения к Болгарии, Советский Союз, связанный союзническими обязательствами с другими державами антигитлеровской коалиции, не мог в одностороннем порядке решить вопроса об официальном признании за болгарской армией статуса совоюющей, в том числе и за войсками, сражавшимися в составе 3-го Украинского фронта. В ответ на повторные обращения по этому поводу Народный комиссариат иностранных дел СССР указывал болгарскому политическому представителю на то, что «нельзя забывать, что мы не одни», и что следует учитывать отношение западных союзников [18, док. № 51, с. 108]. Между тем отрицательная позиция западных партнеров СССР по-прежнему препятствовала признанию за болгарской стороной статуса совоюющей. К концу января 1945 г., когда уже шла подготовка к Крымской конференции, британская сторона специально уведомила Вашингтон о своем нежелании предоставлять Болгарии такой статус. Более того, в Лондоне настолько противились этому, что английское правительство решило выступить, если бы данный вопрос был поставлен, против предоставления подобного статуса и Румынии, только чтобы не создавать прецедента для Болгарии. Об этом решении английское посольство в США информировало госдепартамент [16, р. 466]. Что касалось США, то они не заняли столь жесткой позиции, однако принятая ими линия поведения означала на деле содействие британским намерениям. 30 января 1945 г. исполняющий обязанности государственного секретаря Дж. Грю (Э. Стетиниус уже отбыл на Крымскую конференцию) сообщил американскому политическому представителю в Румынии Б. Берри, что госдепартамент признает за румынским правительством основания для просьбы о статусе совоюющего государства и не против предоставления Румынии указанного статуса, если бы был поднят вопрос о том, чтобы три союзные державы сделали соответствующее заявление. Но при этом США не склонны проявлять инициативу в рекомендации такого шага, принимая во внимание точку зрения британского правительства, вызвавшую опасением создать прецедент для Болгарии [16, р. 466]. Как было констатировано несколько позже в Народном комиссариате иностранных дел СССР при обсуждении с болгарским политическим представителем вопроса о возможности официального признания болгарских войск в качестве совоюющих, «нельзя не учитывать сложившегося отрицательного отношения наших союзников к Болгарии» [18, док. № 51, с. 108]. Это обстоятельство выявилось к началу Крымской конференции со всей определенностью.

Наконец, в самые последние дни перед Крымской конференцией правительство Англии решило поставить вопрос о политическом развитии

в Румынии. Это было связано с обозначившимся достаточно рельефно к концу января 1945 г. дальнейшим обострением борьбы между революционными силами, объединенными в НДФ под руководством КПП, и правым лагерем, который возглавлялся двором и лидерами «исторических партий». Правые стремились положить конец революционному процессу, используя сохранившиеся за ними решающие позиции в сформированном 6 декабря 1944 г. правительстве Н. Радеску, равно как и в других органах администрации. В первом же своем заявлении для печати 6 декабря 1944 г. генерал Радеску подчеркнул, что не допустит отстранения рабочими руководства на предприятиях и смещения на местах революционным путем префектов и мэров [21, с. 194]. Три с лишним недели спустя, накануне нового года, в интервью представителям иностранной печати он заявил: «Инициатива и импровизация смутной эпохи должны уступить место авторитету государства на всей территории страны» [22, д. 4403, л. 1—2]. Хотя при формулировании программы правительства Радеску буржуазный лагерь был вынужден согласиться на то, чтобы она предусматривала, помимо прочего, чистку государственного аппарата и подготовку аграрной реформы [21, с. 192], однако, вопреки требованиям НДФ о переходе без промедления к практическому осуществлению обоих этих важнейших мероприятий, такой переход всячески оттягивался. Созданная правительством комиссия по изучению аграрного вопроса, абсолютное большинство в которой принадлежало правым, была занята нескончаемыми дискуссиями, между тем как на заседаниях кабинета возглавлявший ее министр сельского хозяйства национал-царанист И. Худице, а также сам Н. Радеску заявляли, что аграрная реформа может быть проведена лишь после окончания войны [21, с. 197, 198—199] (см. также [23, с. 583—586]). Затягивалось дело и с чисткой государственного аппарата, что вызывало не только резкую критику со стороны сил, объединенных в НДФ, но и серьезные претензии с советской стороны, руководившей деятельностью СКК в Румынии. В опубликованном 25 декабря 1944 г. сообщении ТАСС о ходе выполнения Румынией соглашения о перемирии, в котором указывалось на то, что некоторые статьи соглашения не осуществляются должным образом, особо было отмечено, в частности, неудовлетворительное положение с выполнением румынским правительством обязательств по чистке государственного аппарата от фашистских элементов [14, с. 333]. В этих условиях 24 декабря 1944 г. Совет НДФ принял план проведения на местах массовой политической кампании с целью давления на Радеску и мобилизации сил против действий буржуазно-помещичьего большинства в правительстве [21, с. 202; 24, с. 105]. Результатом явилось дальнейшее нарастание в течение января 1945 г. движения, руководимого НДФ во главе с КПП и направленного на осуществление глубоких перемен в государственно-политической и социально-экономической сферах, включая немедленное проведение аграрной реформы, устранение правительственного «реакционного большинства». В сложившейся обстановке КПП и ее союзники по НДФ пришли к выводу о возможности создания народно-демократического правительства [24, с. 106—108].

Задача установления народно-демократической власти была поставлена по инициативе КПП на заседании Национального совета НДФ 24 января 1945 г. [21, с. 214]. Через четыре дня была опубликована принятая всеми партиями и организациями НДФ «Программа правления страной Национально-демократического фронта». В ней выдвигалось требование создания правительства НДФ, которое обеспечит максимально эффективное участие Румынии в войне на стороне Объединенных Наций и строгое выполнение условий соглашения о перемирии, «установление отношений искренней и прочной дружбы со всеми демократическими странами, и

прежде всего с Советским Союзом», и налаживание регулярных торговых отношений с ними, проведение демократической политики в национальном вопросе, немедленное осуществление аграрной реформы в интересах крестьянства, чистку и реорганизацию армии и государственного аппарата, преследование фашистских преступников, решительное преодоление экономического саботажа и спекуляции, оздоровление экономики и повышение жизненного уровня трудящихся [24, с. 311—314]. Опубликованием программы и организацией в последних числах января — начале февраля 1945 г. массовых политических акций — митингов, демонстраций, собраний и других многотысячных выступлений [22, д. 4403, л. 162—163] — революционные силы, объединенные в НДФ, начали непосредственную борьбу за ликвидацию правительства Радеску и практический поворот к установлению народно-демократической власти.

Такое развитие шло вразрез с устремлениями западных союзников. Первым забило тревогу британское правительство, обратившись к Вашингтону для согласования совместных мер. Лондон предлагал начать демарш английского и американского представителей в СКК по поводу заявлений руководителей КНР и НДФ, в частности Г. Георгиу-Дежа, в которых, согласно западной интерпретации, говорилось о поддержке Советским Союзом планов «установления коммунистического правительства» в Румынии [16, р. 469]. Таким образом, предлагаемая англичанами акция оказывалась бы непосредственно связанной не с самим выдвижением программы создания правительства НДФ — демарш союзников по этому поводу вряд ли мог иметь формальные основания, — а с постановкой вопроса о позиции СССР в отношении румынских событий. Однако в заявлениях, сделанных в конце января Георгиу-Дежем и другими руководителями КНР и НДФ, не говорилось, что Советский Союз поддерживает план образования правительства НДФ. В этих заявлениях, так же как в самой правительственной программе НДФ, подчеркивалось лишь, что правительство Радеску, аналогично двум предшествовавшим правительствам Сана-теску, не смогло завоевать доверия СССР ввиду «антидемократической политики, проводимой реакционными кругами, и саботажа с их стороны и под их влиянием выполнения условий перемирия» и что это недоверие сможет развеять только правительство НДФ [22, д. 4403, л. 158; 24, с. 311—312]. Следовательно, руководство НДФ и КНР не шло дальше декларирования способности самого правительства НДФ добиться доверия СССР, а в отношении позиции Советского Союза ограничивалось констатацией неудовлетворенности последнего выполнением ряда пунктов соглашения о перемирии румынским правительством, о чем советская сторона уже публично заявляла: в начале ноября 1944 г. — по адресу кабинета Сана-теску, а в конце декабря 1944 г. — кабинета Радеску [25, док. № 363, с. 498—499; 14, с. 331—333]. Тем не менее британское правительство предлагало госдепартаменту США, чтобы английский и американский представители, ссылаясь на полученные сообщения, затребовали от руководства СКК информацию относительно советской позиции в связи с выступлениями Георгиу-Дежа и других руководителей НДФ [16, р. 469].

Британское обращение не было полной неожиданностью для Вашингтона. За несколько дней до этого, 24 января 1945 г., румынский король Михай направил Ф. Рузвельту послание, в котором выражал «беспокойство» по поводу деятельности советских представителей в Румынии. Составленное в очень осторожной манере, оно, однако, было призвано уверить президента США в «опасности» советской политики для Румынии и, соответственно, для интересов и целей западных союзников, в частности США, в отношении этой страны [16, р. 465—466]. Противостоявший НДФ правый лагерь, чьи стремления выражал Михай, пытался зару-

читься прямой американской поддержкой. Но хотя при подготовке Крымской конференции внешнеполитическое ведомство США проявило склонность к большей активности в связи с Болгарией, Румынией и Венгрией, в Вашингтоне испытывали серьезные сомнения в том, уместно ли перед самой встречей в Ялте слишком ангажироваться по поводу Румынии. Как уже говорилось выше, оценивая имевшие место несколько раньше аналогичные обращения к США со стороны румынских буржуазных деятелей, включая национал-царанистского лидера Ю. Маниу, относительно советской «опасности», госдепартамент считал это преувеличением. С другой стороны, американская дипломатия в период, предшествовавший переговорам в Крыму, не упускала из вида ни того, что советский приоритет в осуществлении союзнического контроля в восточноевропейских бывших вражеских государствах, закрепленный соглашениями о перемирии, получил наибольшее выражение именно в отношении Румынии, ни того, что именно в случае с Румынией Советский Союз проявляет недовольство выполнением условий перемирия [3, р. 247, 453]. Между тем и обращение Михая, и английский предложение касались вопросов, даже непосредственно не относившихся к участию США в СКК. В Вашингтоне не могли также не сознавать, что предложенное британским правительством выступление с демаршем способно лишь осложнить взаимоотношения с СССР в момент ялтинской встречи, в то время как сколько-нибудь основательной аргументации у западных держав, по существу, нет. В итоге, как сообщил 3 февраля, накануне открытия Крымской конференции, исполняющий обязанности государственного секретаря Дж. Грю американскому политическому представителю в Бухаресте Б. Берри, США «не считают, что целесообразно участвовать в таком обращении к советским властям в данное время» [16, р. 469].

Хотя по этому конкретному поводу США предпочли занять более сдержанную позицию, тем не менее общая линия американской и английской дипломатии в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии в связи с подготовкой Крымской конференции, согласованные госдепартаментом и Форин оффис планы относительно выступления в Ялте означали попытку широкого использования западными державами встречи в Крыму для приобретения рычагов действительного вмешательства в развитие трех названных восточноевропейских стран.

В противоположность западным державам, у Советского Союза не было причин планировать выдвижение на Крымской конференции каких-либо вопросов, касающихся положения в Болгарии, Румынии и Венгрии.

В отношении Болгарии, как уже говорилось, СССР оказывал всестороннюю поддержку правительству ОФ как фактическому союзнику. Выше отмечалось, что еще во время переговоров о заключении соглашения о перемирии в октябре 1944 г. советская сторона приветствовала активное участие болгарской армии в войне против Германии. Несколько позже, в начале весны 1945 г., советское командование неоднократно выражало благодарность болгарским войскам, отмечало их успешные боевые действия в составе 3-го Украинского фронта [18, док. № 58, с. 123; док. № 59, с. 124—125; док. № 60, с. 126—127; док. № 61, с. 127—128]. Что же касалось общественно-политического развития Болгарии, то СССР решительно поддерживал осуществлявшиеся в стране революционные перемены, укрепление и развитие народно-демократической власти. Этому содействовала, в частности, и деятельность СКК, руководимой советскими представителями, на чем мы уже останавливались подробнее [5], и охарактеризованная выше политическая, военная, экономическая помощь Советского Союза Болгарии.

СССР оказывал активную поддержку созданному в конце декабря

1944 г. Временному национальному правительству Венгрии, начавшемуся становлению народно-демократической государственности. В сложной обстановке, когда на территории страны шли на протяжении осени 1944—весны 1945 г. тяжелые бои, советские военные органы в Венгрии содействовали, в частности, распространению материалов Временного национального собрания и правительства, налаживанию пропаганды правительственной программы среди населения освобожденных от врага районов [26, д. 224, л. 258; д. 264, л. 5; д. 265, л. 1, 21 и др.]. В ходе освобождения Венгрии Советский Союз по просьбе Временного национального правительства оказывал помощь продовольствием, поставкой горюче-смазочных материалов, денежными займами [27, док. № 24, с. 59; док. № 25, с. 60—61; док. № 26, с. 61; док. № 38, с. 77]. Когда венгерское правительство в феврале 1945 г. обратилось в СКК с просьбой о разрешении использовать бездействовавшие и неполностью загруженные для нужд фронта промышленные предприятия, расположенные вне прифронтовой зоны, советская сторона удовлетворила эту просьбу [27, док. № 19, с. 55—56]. Возникавшие проблемы Советское правительство решало в непосредственном контакте с Временным национальным правительством Венгрии. Так, например, в конце января 1945 г. по инициативе советской стороны венгерским правительством были приняты меры по обеспечению снабжения продовольствием населения северной части страны [27, док. № 15, с. 49—50; док. № 16, с. 50—51].

В отношении Румынии, где до марта 1945 г. еще не была установлена народно-демократическая власть и у руководства страной находилось правительство, в котором преобладающую роль играли правые, буржуазно-монархические силы, СССР добивался выполнения в полном объеме соглашения о перемирии. Советское правительство не скрывало, что оно не во всем удовлетворено тем, как румынское правительство и его органы выполняют обязательства, возложенные на них условиями перемирия. Об этом ясно говорилось в упоминавшихся выше публичных заявлениях советской стороны в начале ноября, а затем в конце декабря 1944 г. В беседе с председателем Временного правительства Франции Ш. де Голлем в декабре 1944 г. глава Советского правительства И. В. Сталин подчеркнул, что Румыния «должна выполнить условия перемирия, которые она приняла и которые были опубликованы» [28, док. № 202, с. 363]. Однако СССР исходил из того, что возникшие проблемы должны быть решены на основе полномочий СКК, данных ей в соответствии с соглашением о перемирии. Советское руководство и аппарат СКК прилагали деятельные усилия в этом направлении. В сообщении ТАСС от 25 декабря 1944 г. подчеркивалось, что СКК проводит большую и эффективную работу, направленную на обеспечение выполнения Румынией условий перемирия [14, с. 331—332]. В рамках политики, осуществлявшейся советской стороной, были, в частности, проведены переговоры между правительствами СССР и Румынии по выполнению статей перемирия, предусматривавших возмещение Румынией убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории, и 16 января 1945 г. в Бухаресте было подписано соответствующее советско-румынское соглашение [29, с. 65—66; 30, р. 358]. Одновременно ТАСС опубликовало сообщение о том, как при участии СКК румынским правительством выполняются статьи соглашения о перемирии, указывая на имевшиеся положительные сдвиги [29, с. 69—70]. Таким образом, для СССР даже решение сложных проблем, возникавших в Румынии, никак не было связано с предстоявшей встречей «большой тройки» в Крыму.

Если, готовясь к Крымской конференции, западная дипломатия стремилась добиться пересмотра установленной системы организации и дея-

тельности СКК в Болгарии, Румынии и Венгрии или создания органов, подобно Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы, которые бы позволили обойти СКК, с тем чтобы получить эффективное средство воздействия на политическое развитие этих стран, то СССР, непосредственно осуществлявший там союзнический контроль, не видел никаких оснований для подобной постановки вопроса. В период, предшествовавший подготовке встречи в Ялте, дипломатические акции с целью ревизии порядка работы СКК и положения западных представителей в названных странах, предпринимавшиеся в конце 1944 г. Англией и с конца 1944 — начала 1945 г. поддерживаемые США, отклонялись Советским правительством как необоснованные, на чем мы уже подробно останавливались [5]. При подготовке Крымской конференции, в конце января 1945 г., советская сторона подтвердила свою позицию: британская попытка осуществить совместные с Вашингтоном замыслы относительно изменения положения в СКК в Болгарии, а также Румынии, используя в качестве прецедента некоторые особенности межсоюзнической договоренности по поводу СКК в Венгрии, соглашение о перемирии с которой было подписано 20 января 1945 г., тоже потерпела неудачу, была отвергнута правительством СССР [31, р. 151—152, 801; 11, с. 202] (подробнее см. [5, с. 25—27]). В отношении же самой СКК в Венгрии Советский Союз отверг претензии США и Англии на то, чтобы после окончания военных действий в Европе, на период до заключения мирного договора с Венгрией, пересмотреть принцип доминирующей роли СССР в осуществлении союзнического контроля и заменить его принципом «равной ответственности» всех трех союзных держав. В ответ США и Англия заявили в конце января 1945 г., что оставляют за собой право поднять вновь этот вопрос позже [13, р. 983; 31, р. 800—801].

Таким образом, позиции в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии, занятые при подготовке Крымской конференции Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и США — с другой, носили, по существу, противоположный характер. Это проявилось затем непосредственно на встрече в Ялте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 2-е изд. Т. I. М., 1976.
2. Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. Ed. by Loewenheim F. L., Langley H. D., Jonas M. London, 1975.
3. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington, 1955.
4. Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941—1946. New York, 1975.
5. Губианский Л. Я. Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции. — Советское славяноведение, 1981, № 3.
6. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. New York, 1949.
7. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. V. V (in collaboration with Lambert M. E.). London, 1976.
8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979.
9. Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. New York, 1968.
10. Davis L. E. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974.
11. Пинтев С. Начална дейност на Съюзната контролна комисия в България (октомври 1944 — януари 1945 г.) — Исторически преглед, 1979, кн. 4—5.

12. Външна политика на Народна Република България. Сборник от документи и материали в два тома. Т. I. 1944—1962. София, 1970.
13. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, v. III. Washington, 1965.
14. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. II. М., 1946.
15. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, v. IV. Washington, 1966.
16. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, v. V. Washington, 1967.
17. *Lache Şt., Ţuţui Gh.* România şi Conferinţa de pace de la Paris din 1946. Cluj-Napoca, 1978.
18. Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
19. *Божинев В.* Политическата криза в България през 1943—1944. София, 1957.
20. *Наков А.* Българо-съветски отношения. 1944/1948. София, 1978.
21. *Ливану В., Русенеску М., Удря Т., Чимпонериу Е.* Из хроники исторических дней. 1 мая 1944—6 марта 1945 гг. Бухарест, 1974.
22. ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 27/1.
23. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
24. Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Сокращенный перевод с рум. М., 1974.
25. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 — сентябрь 1945 г.) М., 1947.
26. ЦАМО, ф. 243, оп. 2914.
27. Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
28. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1959.
29. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. III. М., 1947.
30. Chronological History of Romania. Ed. 2. Bucharest, 1974.
31. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, v. IV. Washington, 1968.

ЛИТАВРИН Г. Г.

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблема становления болгарского государства в течение последних 10—15 лет пользовалась особенно пристальным вниманием в болгарской исторической науке. Состояние исследований в настоящее время таково, что в ближайшее время следует, по-видимому, ожидать появления концепций, существенно отличающихся от представлений, еще недавно широко распространенных в историографии. Первое Болгарское царство, трактовавшееся ранее как первое и безусловно славянское государство с момента его возникновения, расценивается теперь, по крайней мере до середины IX столетия, либо как протоболгарское, либо как протоболгарско-славянское, либо, наконец, как славяно-протоболгарское.

Необходимость критического пересмотра устоявшихся мнений вполне закономерна: она вызвана значительно продвинувшимися вперед исследованиями, основанными на материале исчерпывающего круга источников, а главное — многократным увеличением в ходе последней четверти столетия фонда ценнейших археологических свидетельств.

Методика работы археологов — в том числе приемы датировки и этнической атрибуции археологических находок — стала в настоящее время несравненно более совершенной. Тем более неожиданным представляется вывод, к которому все чаще теперь приходят многие археологи. Вывод этот состоит в том, что на территории современной Болгарии славянские древности археологически прослеживаются лишь с VIII столетия, что их древнейший пласт может быть отнесен к концу VII в. только с большой долей гипотетичности [1—4; 5, с. 91—95; 6, с. 1—5; 7, с. 194—195; 8; 9].

Сходное положение археология констатирует и относительно остатков материальной культуры протоболгар на территории Советского Союза и на Балканах: самые ранние следы их обитания тут и там могут быть отнесены предположительно к началу, а вполне определенно — к середине VIII в. [5, с. 92—95; 6, с. 1; 10; 11; 12; 13, с. 8—17].

Естественно, что такие результаты многолетних и интенсивных археологических исследований обескураживают прежде всего самих археологов: их заключения оказываются в остром противоречии с показаниями письменных источников, и это противоречие нуждается в удовлетворительном научном объяснении.

В отношении протоболгар такое объяснение как будто найдено. Почти полное отсутствие археологических памятников характерно обычно для тех нередко хорошо известных по письменным источникам народов, которые находились в «состоянии нашествия», т. е. на первой стадии раз-

вития кочевого быта, связанной с борьбой за пастбища и частым передвижением. Археологически такие народы фиксируются на определенной местности лишь на второй стадии кочевания, характеризуемой полукочевым ведением хозяйства, обживанием определенных степных пространств с традиционными стойбищами и стационарными некрополями. Третья — полукочевая — стадия близка к формам пастушеского хозяйства: часть народа уже живет в постоянных поселениях, строятся крепости, возникают первые города. Это время появления степных государств — каганатов¹.

Следовательно так называемая «Великая Булгария», существовавшая в первой половине VII в. в Приазовье, хронологически соответствует первой стадии развития кочевого быта и может быть охарактеризована лишь как временный союз кочевых племен, который не оставил после себя никаких археологических памятников. На этой стадии, видимо, находились и протоболгары Аспаруха во время их прихода в Нижнее Подунавье.

Сложнее обстоит дело с объяснением отсутствия на территории Болгарии славянских памятников конца VI — первой половины VII в. Среди археологов нет разногласий в том, что славяне уже в период их поселения на Балканском полуострове были оседлым народом, в основе хозяйства которых еще на левобережье Дуная было земледелие при значительном развитии животноводства: об этом свидетельствуют и данные археологии и письменные памятники [14]. Правда, попытка представить славян в это время кочевниками была предпринята греческим ученым Г. Царасом [15]. Основательнее, однако, использованные им данные были рассмотрены Г. Цанковой-Петковой, показавшей, что противоречивые сведения источников о частых перемещениях славян на левобережье Дуная восходят в основном к середине VI в., когда славяне действительно находились в «стадии нашествия» (исследовательница считает возможным называть славян в это время «полукочевниками»²), тогда как известия конца этого века не оставляют сомнений в том, что славяне были оседлыми земледельцами [17, с. 267]. Они даже вели в третьей четверти VII в. торговлю с византийскими городами продуктами земледельческого характера [18, с. 150, 154, 160].

Письменные источники совершенно определенно говорят о присутствии славян на территории Болгарии самое позднее в середине VII в.

Нам, однако, не подобает ставить под сомнение выводы археологов. Отметим только мимоходом, что до сих пор не обнаружены на территории Болгарии и некрополи фракийцев, которые несомненно длительное время проживали на этих землях [19, с. 436] и, разумеется, не были бессмертными.

Решить загадку «неразличимости» славянских древностей VI—VII вв. в Болгарии призваны, конечно, прежде всего сами археологи. Но мы остаемся пока при убеждении, что при всей желательности совпадения письменных и археологических данных, независимо от заключений ряда археологов, известия, содержащиеся в исторических сочинениях авторов VI—VII вв., ни в коей мере не стали на сегодняшний день менее достоверными.

Таким образом, обстоятельства, непосредственно сопутствовавшие возникновению болгарского государства, могут быть рассмотрены (причем по косвенному признанию и самих археологов) почти исключительно на материале письменных памятников.

¹ Изложенная нами точка зрения археологов была четко представлена в докладе С. А. Плетневой («Проблема протоболгар в трудах советских археологов»), сделанном ею в январе этого года на конференции по болгаристике в г. Львове.

² По мнению В. Д. Королюка, в период переселения широкое распространение у славян в Подунавье и на Балканах получило пастушество [16].

Разумеется, в краткой статье невозможно осуществить детальный историко-ведческий анализ всех сохранившихся на этот счет известий и критический разбор обширной (по преимуществу болгарской) историографии. Мы ограничиваем свою задачу рассмотрением лишь важнейших письменных свидетельств, стремясь при этом уяснить, во-первых, тот круг фактов и явлений, которые, на наш взгляд, достаточно надежно установлены и интерпретированы на данный момент, и, во-вторых, выделить те вопросы начальной истории болгарской государственности, которые остаются дискуссионными.

Мы имеем в виду прежде всего сообщения двух византийских современников, живших во второй половине VIII — первой половине IX в., Феофана Исповедника и патриарха Никифора, которые писали свои труды независимо друг от друга, но оба использовали — среди прочих общих источников — утраченный труд автора начала VIII столетия Траяна Патрикия и сохранившийся только во фрагментах от конца того же века так называемый «Великий хронограф» [20].

Достоверность сообщений обоих авторов широко признана в мировой историографии³. В пассажах Феофана и Никифора о протоболгарах Аспаруха многократному и тонкому анализу было подвергнуто буквально каждое слово.

Остановимся на известии Феофана, оказав ему предпочтение, ибо сравнительно с «Сокращенной историей» («Бревиариум») Никифора, Феофан передает более подробно содержание своего первоисточника. К сожалению, здесь невозможно привести оригинальный (греческий) текст этого сообщения.

Феофан рассказывает о том, что после смерти Кубрата (около середины VII в.⁴) политический союз протоболгарских племен в Приазовье («Великая Булгария») распался. Один из сыновей Кубрата с пятой частью бывших подданных отца, оказавшихся под его властью, двинулся под давлением хазар на запад, не желая в отличие от своего брата Батбаяна признавать господство их кагана.

Аспарух, пишет Феофан, «переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился (φῆξεν) между ним и ими, рассудив, что место безопасно и трудно для овладения с любой стороны: впереди болотистое, а с других сторон окруженное венцом рек, оно предоставляло большую безопасность от врагов ослабленному разделением народу. После того, как они были разделены таким образом на пять частей и стали малочисленными, выступил великий народ хазар из более внутренних глубин Верзилии Первой Сарматии и овладел всей противолежащей землей вплоть до Понтийского моря и, сделав первого брата — Батбаяна, архонта Первой Болгарии, подплатежным, донныне получает от него дань.

Когда василевс Константин узнал, что народ грязный и нечистый неожиданно разбил лагерь (ἐσκήνωσεν) по ту сторону Дуная в Онгле и совершает набеги и разоряет лежащие близ Дуная земли, т. е. находящуюся в их владении страну, а тогда удерживаемую христианами, он сильно опечалился и повелел переправить все фемы во Фракию. Вооружив флот, он, пытаясь войною изгнать их, двинулся против них по земле и по морю, выстроив в боевой порядок на суше близ так называемого Онгла и Дуная пешие войска, а корабли причалив у лежащего рядом берега.

Увидев этот плотный и многочисленный строй, болгары, отчаявшиеся в своем спасении, бегут в названное выше укрепление и стараются обе-

³ Весьма критически оценивает достоверность источников, которые использовали Феофан и Никифор при рассказе о протоболгарах, В. Т. Сиротенко [21].

⁴ О датировке см. [23, с. 190—191].

зопасить себя. После того как в течение трех-четырёх дней они не осмеливались выходить из этого укрепления, а ромей на завязывали сражения из-за болот как удобного предлога, мерзкий народ, заметивший расслабленность ромеев, ободрился и стал смелее. Поскольку же василевс страдал от острых болей в ногах и был вынужден вернуться, чтобы принять баню в Месемврии, вместе с пятью дромонами и близкими к нему людьми, он оставил стратегов и войско, приказав затевать схватку, выманить их из укрепления и завязать с ними сражение, в случае если они выйдут. А если этого не случится, то хотя бы обложить их и стеречь в укреплениях.

Однако люди из конницы, объявив, что василевс бежал, и поддавшись панике, сами обратились в бегство, хотя их никто не преследовал. А болгары, видя это, преследовали их по пятам и большинство перебили мечами, а многих ранили. Преследуя их вплоть до Дуная, переправившись через него и прибыв к так называемой Варне близ Одисса и тамошнего внутреннего района, они увидели место, расположенное весьма безопасно: сзади — благодаря Дунаю, а впереди и с боков — благодаря ущельям и Понтийскому морю.

Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских народов так называемыми «Семью родами», они поселили северов от передней теснины Верегава к районам на восток, а в районы к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящихся под пактом (*τάς ὑπολοίπους ἐπτά γένεας ὑπό πάκτου ὄντας*).

Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением (*ὑπό τήν Ῥωμαϊκήν πολιτείαν*) крепости и деревни и поработать их. Вынужденный этим, василевс замирился с ними, согласившись к стыду ромеев, из-за множества грехов [их], предоставлять им ежегодную дань (*πάκτα*) [18, с. 261—264].

Рассказ патриарха Никифора об этих же событиях более краток, но в целом оба автора почти буквально следовали своему первоисточнику. Среди отличий текста Никифора укажем лишь на наиболее важные для наших целей: этот автор отмечает, что местность, которой Аспарух достиг в низовьях Дуная, называется Онглом «на их языке», т. е. на языке протоболгар (либо — «болгар», что отнюдь не равнозначно: все зависит от того, каким представляется Никифору в начале IX в. язык «болгар», и от того, собственная ли это ремарка автора IX в. или она заимствована им из его источника). С тылу, по словам Никифора, Онгл укреплен «недоступными обрывами, словно стеной», а не «венцом рек» (так у Феофана). Никифор пишет, что народ Аспаруха сначала здесь поселился, «раскинув шатры» (*σκηνοῦσαν*) и разоря «ближежащие места царства ромеев». То же выражение — «раскидывают шатры» (*σκηνοῦσι*) — Никифор употребил, упоминая о поселении протоболгар на новых местах, когда они достигли Варны. Не называя славянские племена по их наименованиям, Никифор зато более точен в определении задач, поставленных Аспарухом перед подчиненными ему славянами: болгары «обязали одних стеречь земли, соседние с аварами, а других — охранять районы, близкие к ромеям». Слово «дань» (*πάκτα*), которым Феофан характеризует обязательства империи по отношению к протоболгарам по заключенному миру, Никифор заменяет выражением «платежи» (*τελέσματα*) [18, с. 295—296].

Те же события, наконец, изложены в «Хронографии» латинского автора Анастасия Библиотекаря, младшего современника Никифора. Его рассказ в данном месте представляет собою в сущности перевод соответствующего пассажа из труда Феофана. Перевод этот тем не менее важен для уяснения точного смысла известий греческих авторов. Так, например,

Анастасий уточняет, что Онгл находится у «более северных, ближайших к Дунаю рек» (*borges interiores Danubio fluvios*), т. е. эти реки, как мы понимаем, оказались ближайшими к Дунаю на пути движения Аспаруха с востока на запад; две реки — Днепр и Днестр — он пересек (*transiens*) еще до того, как прибыл (*adiens*) к Онглу. Следовательно, речь идет уже о других, «ближайших к Дунаю реках», т. е. о Пруте и Серете. Поселилась орда, пишет Анастасий «у Онгла» (*arud Hoglon*), а не «в Онгле» (так у Феофана). Употребленный при этом Феофаном глагол *σκηρῶσαυ*, помимо основного значения («расположился лагерем», «разбил палатки»), может быть передан и нейтрально — «расположился», «поселился» (именно этот смысл предпочли в болгарском переводе В. Бешевлиев и Г. Цанкова-Петкова [18, с. 263] и в русском — И. С. Чичуров [24, с. 61, 162]). У латинского современника здесь стоит достаточно определенное — *tabernaculum fixerit* («разбил шатер»). О славянах Анастасий пишет, что болгары «подчинили также из соседних славян колена, которые именуются семью» (*dominantur et adiacentium Sclovinorum generationibus, quae dicebantur septem*), «поселив» затем северов от теснины Верегава на восток, а на юг и запад, «до Аварии, остальные семь колен, которые были под пактом» (*ad Avariam, residuas septem generationes, quae sub pacto erant*) [25].

Таковы основные свидетельства письменных источников о конкретной ситуации в низовьях Дуная и о конкретных событиях, которые предшествовали оформлению болгарской государственности.

Конечно, все источники нуждаются в критическом подходе; при их интерпретации необходимо привлекать все прочие, даже косвенные свидетельства, а также данные археологии и лингвистики. И все это в отношении сообщений Феофана и Никифора было сделано многократно. Здесь невозможно воспроизвести даже наиболее важные точки зрения, высказанные при этом, оценить аргументацию их авторов и отметить те тенденции в концепции каждого исследователя, с которыми — в конечном счете — связаны особенности толкования приведенных известий. Их наиболее основательный разбор был осуществлен в новейшее время в работах И. Дуйчева [26, с. 417—427], М. Войнова [27, с. 453—478; 28], Г. Цанковой-Петковой [29; 30, с. 219—239; 31, с. 463—468], В. Бешевлиева [32; 33, с. 17—28], И. С. Чичурова [24, с. 61—62, 114—124]. На наш взгляд, на сегодняшний день по-прежнему наиболее точным остается анализ, сделанный М. Войновым.

Прежде чем предлагать свою интерпретацию сообщений Феофана и Никифора, необходимы, по нашему мнению, полная уверенность в правильности понимания их текста, ясное определение того круга фактов и явлений, которые вытекают только из показаний именно данных источников.

Мы полагаем, что толкованием является уже самый перевод. Однако считаем целесообразным лишь раз отграничить бесспорно вытекающее из приведенных сообщений от фактов дискуссионных или установленных на основании косвенных источников.

Предварительно — лишь одно замечание о датировке событий. Исключая несущественные детали, в современной болгарской историографии убедительно определена такая их последовательность: 60—70-е годы VII в. — расселение протоболгар на левом берегу Нижнего Дуная, возведение ими здесь укрепленного лагеря и первые набеги на земли империи; весна (апрель) 680 г. — поход войск и флота Константина IV против протоболгар, поражение византийцев, их отступление и вторжение протоболгар в Малую Скифию (Добруджу) и Мисию; конец лета 680 — начало августа 681 г. — набеги протоболгар на Фракию, т. е. на районы империи, расположенные к югу от Балканского хребта; первая неделя августа 681 г. —

заклучение мира между Аспарухом и Константином IV [27, с. 468—476; 31, с. 471—476].

Ко времени прихода орды Аспаруха славяне были оседлым населением Малой Скифии и Мисии; в районе Варны их поселения достигали приморского региона. Часть славян всего этого региона составляла территориальный союз племен (или славинию), наименование которого было хорошо известно византийцам. Известно наименование лишь двух племен этого союза. Прежде всего — это «северы», положение которых в союзе было несколько особым: они подверглись расселению в целом, всем составившим племя контингентом. Главная их задача в месте расположения была стратегической — охранять территорию страны с юга от возможного вторжения византийцев.

Остальные племена объединения, сохранившие и после отделения северов в качестве названия всего союза наименование «Семь родов», были перемещены, видимо, на более значительное расстояние — на границу с подвластными аварам землями, до которых уже в это время простиралась контролируемая Аспарухом территория. Во всяком случае эта часть славянского союза до подчинения Аспаруху находилась «под тактом», т. е. либо «под договором» с империей, являясь ее федератами — иноплеменными поселенцами на границах Византии, обязанными охранять их, получая за это от казны условленное вознаграждение⁵, либо «под данью» в пользу протоболгар.

В отношении протоболгар рассматриваемые свидетельства с очевидностью дают право на следующие заключения. Орда Аспаруха составляла часть бывшего племенного объединения в Приазовье. Это отнюдь не был лишь воинский контингент — это был народ, т. е. находившийся в процессе переселения союз племен, двигавшийся на запад вместе с семьями воинов, скотом и прочим имуществом. Территория временного поселения орды лежала к западу от Днестра, непосредственно близ Дуная, и не была очень обширной, хотя и не сводилась к Онглу (не река, а местность), — здесь был устроен лишь укрепленный лагерь Аспаруха, куда в случае опасности могли укрыться протоболгары. По точному смыслу сообщений Феофана и Никифора, византийские войска либо окружили, либо могли окружить укрепления Аспаруха со всех сторон. Известия этих авторов пронизаны мыслью, что с момента поселения у Дуная и до организации обороны Малой Скифии и Мисии Аспарух опасался в основном трех врагов: хазар, аваров и империи, считая свой воинский потенциал уступающим силам каждого из них. В Константинополе во всяком случае утвердилось мнение, что поражение ромеев было следствием не военного превосходства протоболгар, а плохой организации воинских операций и неожиданно посеянной паники.

Перейдя Дунай, Аспарух заботился, как он это делал и на левом берегу, прежде всего о безопасности подвластного ему народа. Выступление Константина IV против Аспаруха свидетельствует, в противоречение с указаниями на малочисленность протоболгар, о серьезной, по оценке византийского правительства, опасности, нависшей над всеми забалканскими владениями империи.

Областью первоначального расположения протоболгарских лагерей на юг от Дуная стали Добруджа и восточная часть Мисии, откуда протоболгары затем стали продвигаться к западным районам между Дунаем

⁵ Помимо М. Войнова [27, с. 464] федератами до 680 г. этих славян считают В. Бешевлиев [33, с. 26—27], В. Тышкова-Займова [34, с. 70; 35, с. 66], Э. Хрисос [36]. Привлекая во внимание не только их аргументацию на основе иных источников, но и грамматические особенности фразы Феофана, эту точку зрения Г. Диттен считает наиболее убедительной [37, с. 141—142].

и Балканами. Ранее всех других славян в подчинении у Аспаруха оказался союз «Семь родов». Разделение и перемещение славян этого союза по инициативе Аспаруха свидетельствуют о том, что в руках хана с самого начала оказалась верховная власть над славянским населением не только в восточных, но и в западных районах Мисии.

Тем не менее тот факт, что славянам этого бывшего, и прежде единого, союза была доверена охрана наиболее важных участков границы, говорит о том, что с самого начала существовало определенное соглашение Аспаруха со славянскими вождями союза, фиксировавшее не только обязанности славян, но и их права. Есть, таким образом, основания полагать, что с самого начала обе части союза (северы и «остальные Семь родов») пользовались внутренней автономией, находясь под непосредственным управлением своих вождей.

Дискуссионными мы считаем следующие заключения, которые сделаны в историографии или которые можно сделать, опираясь на рассматриваемые свидетельства.

Спорна прежде всего датировка появления орды Аспаруха у Дуная, так как нет данных для установления точной даты смерти его отца Кубрата и нападения хазар на владения его сыновей. Эти события относят предположительно ко времени от середины VII в. до конца 60-х годов этого столетия [23, с. 191; 38, с. 90].

Мы предпочитаем более позднюю датировку: пребывание Аспаруха у Онгла вряд ли было продолжительным. Достаточно было нескольких лет, чтобы протоболгары освоились на новом месте, укрепили свой лагерь и начали набеги на близлежащие земли империи. Учитывая поведение прочих кочевых и полукочевых народов у границ Византии, трудно допустить, что протоболгары смиренно отсиживались в Оngle почти 20 лет⁶.

Представляется заслуживающим внимания мнение, что лагерь Аспаруха находился если не между нижним течением Прута и Серета⁷, то в непосредственной близости к устью Прута. Именно это расположение лагеря, помимо защиты, обеспечиваемой как реками и болотами, так и ближе всего подступающими в этом регионе к Дунаю отрогами Карпат, предоставляло возможность быстрого овладения бродами через Дунай, лежащими вниз по реке от Доростола⁸.

Мы сочли более верным перевод названия союза славян выражением «Семь родов»⁹, следуя при этом за Г. Цанковой-Петковой и В. Бешевлиевым [30, с. 224; 31, с. 469; 17, с. 266, прим. 9; 33, с. 26—27], а не словами «Семь племен», хотя и не считаем, что первое понимание бесспорно доказано. Во всяком случае это название к 680 г. отражало, как показал И. Дуйчев [26, с. 419—426], не реальное положение дел (объединение именно семи племен или родов), а проявление языческого поверья в магические числа. Феофан, упомянув об отделении от союза северов¹⁰, продолжает именовать оставшуюся часть не «Шестью родами» (племенами),

⁶ Вероятно предположение, что миграция орды Аспаруха от Приазовья была поэтапной, занявшей несколько лет [31, с. 468].

⁷ Здесь (между Прутом и Серетом) локализует Онгл И. Божилов [38, с. 167—176].

⁸ Между Доростолом и Новиодунумом находились известные с античности броды; заболоченная, состоящая из многих рукавов дельта была для этого мало удобна [31, с. 471].

⁹ В труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» слово *γενας* имеет почти исключительно (в 25-и случаях из 29) значение «род» [39, с. 86.25, 34; 92.3; 106.58, 59, 61; 108.81, 85,3; 126.27.28; 154.32; 160.16; 166.30; 170.10; 172.55; 174.11, 12, 13; 174.1.4; 178.44,48,50. Ср. 168.34.39; 174.2; 230.62]. На такое же значение этого термина в греческих библейских текстах и в византийских житиях указал И. И. Срезневский [40].

¹⁰ То, что северы входили в союз «Семь родов», следует из текста Феофана. Аргументация М. Войнова [27, с. 452] осталась, на наш взгляд, здесь непоколебленной.

а «Семью», как и ранее. Мы усматриваем в этом названии старый этноним, отразивший историю объединения: возможно, некогда образовалось племя, соединившее сначала несколько (вероятно даже семь) родов; затем это племя встало во главе межплеменного союза, который получил, в свою очередь, это же наименование. Однако и другие вошедшие в союз племена могли сохранить собственные названия, как, например, северы, которые, видимо, присоединились к союзу позже других племен. Подобные особенности этнонимии славянских союзов были обычным явлением в славянском мире¹¹.

Выше мы отметили одно противоречие в известии Феофана: северы, с одной стороны, входят в союз «Семь родов», а с другой — они как будто не находятся «под пактом», как «остальные Семь родов». Нам представляется такая ситуация мало вероятной: Феофан мог «запоздать» с упоминанием о пакте. Никифор не делает различий между двумя частями переселенных Аспарухом славян.

Для уяснения этого противоречия весьма важно, хотя бы гипотетически, уточнить, во-первых, где находились «лежащие близ Дуная земли», которые разорял Аспарух, еще пребывая на левобережье, и которые, входя в IX в. в Болгарию, тогда были во власти «христиан», т. е. империи. И. С. Чичуров отстаивает мнение, что эти земли лежали близ Онгла на левом берегу [22, с. 114—118]. На наш взгляд, это мало правдоподобно: о владениях Византии за Дунаем в последней четверти VII в. абсолютно ничего неизвестно, а выражение *πλησίον τοῦ Δανουβίου* обычно у византийских авторов означает районы, примыкающие к Дунаю с юга [41, с. 169, 208]. Мы думаем, что речь идет о нападениях протоболгар из Онгла на земли нижнего правобережья, причем — прежде всего не на приморские города (Томи, Одисс), удерживаемые византийцами, а на территории, занятые тогда славянами.

Во-вторых, важно уяснить, что значит знаменитое «под пактом». Выше уже отмечены два наиболее возможных понимания. Большинство историков считают, что речь идет о превращении славян «Семи родов» в данников Аспаруха. Мы также полагаем, что соглашение хана со славянскими вождями о совместной защите территории государства предполагало одновременно и несение дополнительных экономических тягот в пользу центральной власти. Даже если северы не несли дополнительных тягот, они все же на каких-то условиях признавали власть Аспаруха. Это в данном случае главное.

Не исключено, однако, понимание слов «под пактом» и в смысле союзнических отношений союза «Семи родов» с империей. Дело даже не в том, что Феофан употребил здесь причастие настоящего времени (*ὄντας*), указывающее на постоянное состояние (еще до протоболгар) славян — «находиться под пактом», а не причастие *γινόμενας* («ставшие данниками») — разумеется, протоболгар. Дело также не в том, что Никифор, стремящийся, в отличие от Феофана, сделать текст первоисточника предельно ясным, именно в данном месте оставил *πάκτων* без изменения (говоря о «дани» империи Аспаруху по заключенному миру в 681 г., он заменил *πάκτα* на *τελέμασι*).

Дело прежде всего в том, что независимо от решения спорной проблемы о значении термина «пактон» в данном месте, славяне до прихода орды Аспаруха признавали суверенитет империи. Константин IV, отправляясь в поход на левый берег, хотел защитить «царство ромеев», земли, «удерживаемые христианами», которые лишь позднее стали «страной» болгар. Эти

¹¹ Многочисленные примеры этого собраны в труде «Формирование и развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (в печати).

земли у Феофана и Никифора противопоставлены территориям к югу от Балканского хребта как находящимся непосредственно «под ромейским управлением». Смысл противопоставления не в том, что Мисия и Малая Скифия — вне границ империи, а в том, что там не было (исключая, может быть, приморские города) ни византийских гарнизонов, ни представителей администрации империи. Интересы империи здесь тогда защищали лишь славяне — ее союзники.

Спорным остается и вопрос о месте поселения северов до и после вторжения протоболгар, хотя ясно, что и они подверглись переселению. Не ясно, что означает «поселили от передней теснины Верегава к районам на восток» — зону ли расселения или перевод со старого места на новое. Нам кажется второе понимание грамматически более обоснованным (нет слова, которое обозначало бы пространство «от» и «до»). Скорее всего северов переместили от Верегавы на восток — для охраны прохода между морем и восточными отрогами Балканского хребта.

Идентификация Верегавы также спорна: называют и Веселиновский, и Ришский, и Вырбишский¹² пути через Балканы [42]. Считаем не лишним значения определение Феофаном Верегавы как «передней теснины». Почему именно «передней»? Не потому ли, что Ришское (среднее между двумя другими) «выдвинуто» вперед, навстречу идущему на юг от Дуная? Феофан нередко ведет повествование, придерживаясь ориентации не со стороны империи, а как бы со стороны протоболгар, по пути их следования. На левом берегу, «впереди», лагерь Аспаруха защищали болота, т. е. пойма реки, а когда протоболгары перешли Дунай, то «впереди» их стал защищать Балканский хребет. Эта особенность пространственной ориентации, свойственная и Никифору [18, с. 295], восходит к источнику обоих авторов.

Итак, мы полагаем, что есть основания для вывода, что славяне-федераты были обязаны нести службу империи, защищая дунайскую границу прежде всего от аваров. В этом вопросе интересы славян и империи совпадали. Славяне Мисии и Добруджи сохранили враждебность к каганату со времени пребывания на левобережье. Косвенное доказательство отсутствия здесь значительных собственно византийских войск можно усмотреть в том факте, что, покидая армию, император аргументировал это необходимостью лечения в Месемврии, так как все хорошо знали, что в Томи и Одиссе это было невозможно — эти города были тогда в упадке [43, 44]. Доростол (Силистра) был в то время также вне власти империи. Недаром самое основание этого города в «Апокрифической летописи» приписывалось хану Аспаруху [30, с. 221—226; 23, с. 353].

Аспарух либо учитывал, что он вторгся в зону интересов аварского кагана, либо имел даже с ним столкновение еще на левобережье. Мы не знаем почти ничего о положении дел на левом берегу после похода аваров в 602 г. против антов. Поход для аваров был удачным, и вполне возможно, что их влияние утвердилось и здесь.

Вероятно, отражением подлинных событий является приписка VIII в. в «Географии» Анания Ширакапи (VII в.) о том, что Аспархрук (Аспарух), бежав от хазар, «прогнал аваров на запад» [45]. Не случайно протоболгарский хан срочно укреплял границу с аварами, едва расположившись к югу от Дуная. Следовательно, если влияние аваров на левобережье (против Мисии) временно и ослабевало после их поражения в 626 г. у Константинополя, то оно, видимо, вновь упрочилось здесь к 70-м годам VII столетия. Весь контекст приведенных известий оправдывает мнение о вражде протоболгар и аваров еще до перехода Дуная Аспарухом. Стол-

¹² И. Дуйчева предпочитает Вырбишский проход [42].

кнуться же с ними он мог где-то поблизости от Онгла, а не далеко на западе, где локализовалась восточная граница собственно Аварского каганата.

Однако, прежде чем высказать свое мнение по этому вопросу, нужно рассмотреть другой: о примерном времени заселения славянами Мисии и Малой Скифии и о путях этого заселения.

В литературе на этот счет известно множество гипотез: заселение датируют и серединой VI в., и временем после 582—583 гг. (взятие Сирмия аvarами и прорыв византийских границ на Дунае), и периодом после 602 г. (уход войск империи с дунайского рубежа и падение всей северной линии ее обороны), и первыми десятилетиями после разгрома аvarов в 626 г. у стен столицы империи. Тщательно проанализировав все эти точки зрения, В. Тыпкова-Займова пришла к заключению, что наиболее вероятной является гипотеза о массовом переселении славян на юг от Дуная между 602—626 гг., т. е. в период, представляющий собою своего рода «информационную лагуну» в византийских источниках [34, с. 59—88; 35, с. 66].

Именно к этому времени многие историки относят известие «Чудес св. Димитрия» о том, что Фессалоника принимала толпы беженцев «из дунайских областей» [18, с. 184; 23, с. 152; 46, с. 112]. В пользу этой датировки говорят следующие обстоятельства: уход в 602 г. взбунтовавшихся войск с Дуная, гражданская война в империи в правление Фоки (602—610), осложнения на восточной границе в начале правления Ираклия (610—641); поход аvarов в 602 г. против антов по нижнему Подунавью вплоть до Поднестровья, несомненно, нарушивший жизнь местных славян и заставивший их, вполне возможно, искать убежища на правом берегу; подготовка аvarов к походу на Константинополь, принуждение к нему зависимых от кагана славян, стремившихся в это время не столько к грабительским набегам на земли империи (как аvarы), сколько к постоянному поселению на них [46, с. 12—19]. Именно в этот период империя должна была, со своей стороны, упорно искать среди славян союзников против возраставшей аvarской угрозы.

Юго-западные границы антского политического объединения к началу VII в., несомненно, лежали близ дельты Дуная [47; 48, с. 8, 10, 20]. Поражение антов¹³ привело, может быть, к распаду их союза, но не к физической гибели всего населения. В последующее после ухода аvarов из Поднестровья время анты и могли оказаться частью славянских поселенцев в Мисии и Малой Скифии. Вероятнее всего, сама империя приглашала сюда славян в качестве федератов, хотя значительные славянские массы оседали здесь, разумеется, и без официального позволения Константинополя. Характерно, что особенно концентрированно лепная керамика пражского типа локализуется от района близ Турриса (Галаца), который еще Юстиниан I предлагал антам для поселения на статусе федератов, до Доростола, т. е. в примыкающих к Дунаю местах, где находились особенно удобные броды через реку¹⁴.

Переселение на правый берег происходило скорее всего целыми славиниями — военно-территориальными союзами (о «славиниях» на левобережье на рубеже VI—VII вв. сообщает Феофилакт Симокатта [41, с. 353]). Об этом свидетельствуют также и размещение славиний в междуречье Струмы и Вардара и самые их наименования, которые нередко восходят к эпохе до поселения славян на Балканах.

Мы считаем, что как в VI в. произошло смешение в Верхнем Поднестровье двух потоков славянских переселенцев (из междуречий Вислы и

¹³ Новейшую литературу об антах см. у В. В. Седова [49, с. 119] и Г. Диттена [37, с. 93].

¹⁴ См. карту у И. П. Русановой [7, с. 189], ср. карту И. А. Рафаловича [48, с. 20].

Одера, а также Днепра и Днестра), так и в Мисии и Малой Скифии оказались и славинии антов и союзы «славинов» из левобережья.

Антские древности зафиксированы к югу от Дуная археологически [49, с. 127—128; 50; 51, 52; 53; 54; 55]. Не лишено значения, что среди прочих соответствий между наименованиями славянских племен Восточной Европы и Балканского полуострова одно из самых близких — «северы» Феофана и «северяне» русских летописей [56].

Было бы вполне понятно, если бы именно северам-антам, давним союзникам империи, к тому же привыкшим сражаться в горной местности (о чем настойчиво пишет Прокопий, намекая, видимо, на приобретенный ими опыт в Прикарпатье [41, с. 128, 283, 289]), была доверена императором важнейшая клисура Гема, ведущая к стратегически важной крепости Галоя.

Может быть, северы поселились здесь именно по приглашению императора раньше других славян, присоединившись, однако, позже к союзу «Семь родов», который, как мы думаем, оформился еще на левобережье и вступил в союзнические отношения с империей уже после того, как разместился на землях Мисии и Малой Скифии.

Последнему допущению противоречит, на первый взгляд, одна деталь в сообщении Феофана, привлекавшая большое внимание исследователей, упоминание о том, что Аспарух переселил «остальные Семь родов» в районы к югу и западу, вплоть до Аварии». Причем здесь переселение на юг? Решений предлагалось много и относительно места расположения «Семи родов» до акции хана, и о восточных и юго-восточных окраинах аварских владений: союз «Семь родов» пытались трактовать как огромное объединение, охватывающее оба берега Дуная (его часть в таком случае и считали переселенной на юг, на правый берег, а затем — на запад), искали также аварский регион в бассейне Тимока или даже близ Вырбишского ущелья в северных предгорьях Гема [57; 58, с. 6—13, карта № 3].

Загадка не легкая, и ее убедительное решение еще не найдено. Мы считаем возможным два следующих гипотетических ее объяснения.

Союз «Семь родов» мог охватывать территорию от северных придунайских районов Добруджи до Гема, где жили северы, и тогда перемещение славян из Северной Добруджи означало бы их переселение на юг. Не исключено и то, что славиния «Семь родов» сохранила часть земель на левом берегу (хотя вряд ли они были столь обширны, как это указано на картах П. Коледарова [58, карты 1—3]), подобно тому как и Аспарух после перехода Дуная удержал часть земель у Онгла. И тогда можно думать, что «остальные Семь родов» были также разделены Аспарухом: одних хан перевел на юг (правый берег), а других передвинул по левому берегу, вплоть до рубежей собственно Аварского каганата.

Мы считаем более вероятным первое объяснение: союз «Семь родов» к 680 г. размещался скорее всего целиком на землях к югу от Дуная. Именно сюда, на союзников империи, протоболгары совершали свои первые набеги, а на левом берегу их интересы столкнулись только с аварскими. Что же касается самой границы с аварами, то на правом берегу, от Видина до Белграда во всяком случае, авары вряд ли имели какие-то прочно удерживаемые владения: согласно сообщению Константина Багрянородного [39, с. 152. 19—20], к этому времени Сингидунум (Белград) вновь был в руках империи [59]. Понятие «граница» (с аварами) не употреблено ни Феофаном, ни Никифором: первый говорит, что славян переселили «вплоть до Аварии», второй — об охране ими районов, «лежащих близ аваров». Эти близкие к аварам места могли находиться и не обязательно к северу от Дуная. Мы допускаем, что «остальные Семь родов» охраняли границу нового государства на правом берегу, так как на левом

близко к этому району подходили владения собственно «Аварии». В пользу такого понимания свидетельствуют и археологические данные: как раз против устья Тимока на левом берегу проходит юго-восточная граница распространения аварских вещей [60]. Иными словами, мы разделяем мнение И. Дуйчева, что западные пределы царства Аспаруха достигали долины Тимока, и поэтому известных с IX в. тимочан можно считать (хотя бы отчасти) потомками славян бывшего объединения «Семь родов» [26, с. 417].

Связи империи со своими славянскими союзниками в Мисии и Добрудже были, видимо, непрочными. Пребывание на землях империи на статусе федератов не исключало даже прямых столкновений таких союзников с византийцами [34, с. 37—46]. Нет совершенно никаких данных о том, что славяне участвовали в походе 680 г. против протоболгар, хотя по всей вероятности, именно славяне известили Константинополь о нападениях на них орды Аспаруха. Во всяком случае славяне — союзники империи не отступили вместе с византийскими войсками во Фракию после битвы 680 г. Они остались на месте и, видимо, быстро договорились с Аспарухом.

Именно этого более всего опасалось византийское правительство — и в этом, на наш взгляд, следует искать разгадку отмеченного выше противоречия в источниках: говорится и о слабости сил Аспаруха, и о серьезности угрозы от протоболгар владениям империи. Практика VI—VII вв. уже показала, сколь опасно было объединение славян с протоболгарами и аварами. Так было неоднократно в VI в., так случилось в 626 г., так произошло, наконец, и в 680 г. — силы славян и протоболгар соединились, со службой славян — даже номинальной — в пользу империи было покончено. Подчинение «Семи родов» быстро привело к переходу под власть Аспаруха и других славянских объединений.

Едва это произошло, как протоболгары стали совершать набеги на Фракию, и в этом факте можно усмотреть также косвенное свидетельство в пользу существования соглашения, на которое с самого начала опиралось политическое сотрудничество хана со славянской племенной аристократией: уходя в рейды за Балканы, протоболгары были, видимо, спокойны за свои тылы, вежи и станы.

Каким же был образ жизни протоболгар в момент поселения на Балканах, их хозяйственно-культурный тип? Мы уже говорили о трудно разрешимом противоречии в современной историографии: с одной стороны, собраны данные о постепенном переходе протоболгар еще в Приазовье к занятию земледелием, о появлении в их среде оседлых жителей [61], с другой стороны, археология не в состоянии уверенно подтвердить эти письменные известия материалом VII столетия.

Мы полагаем, что вопрос следует ставить несколько иначе. Археологи и этнографы приходят к выводу, что чисто кочевой образ жизни — крайне редкое явление: элементы земледелия и оседлого обитания практически наблюдаются всюду у любых кочевых племен всех эпох [62]. Суть в том, какова функциональная роль этих элементов, их значение в хозяйственном типе всего этно-социального организма.

И, отвечая на этот вопрос, следует, видимо, отдать решительное предпочтение старой точке зрения, что кочевой был важнейшей чертой хозяйственно-культурного типа протоболгар Аспаруха. Мы уже подчеркивали в свидетельствах Феофана и Никифора такие выражения, как «разбить лагерь», «раскинуть шатер». Император Лев VI в своей «Тактике», написанной двумя веками позже трактуемых здесь событий, объединил протоболгар и венгров по особенностям их быта. Он пишет, что в мирное время они рассеяны по родам и коленам, и не работают на земле, а пасут конские

табуны зимой и летом; что их слабость состоит в отсутствии у них пашен, так как им нужно много земли из-за обилия у них скота; что пешими они не вступают в сражение; что обычное их жилище — шатер, привычная пища — кумыс [63, с. 167—172].

Конечно, для конца IX в. эта характеристика — отчасти анахронизм: сам Лев VI пишет, что теперь, приняв христианство, протоболгары «немного приблизились к ромейским нравам», отрешаясь от кочевого и дикого образа жизни [64, с. 170]. Но даже если кабинетный стратег преувеличивает «дикость» протоболгар, предпочитая отражать (как тогда было в моде) не живой опыт общения с протоболгарами в его время, а описания ученых предшественников по составлению стратегионов, то и в таком случае он должен был опираться на источники VII—VIII вв., характеризующие быт протоболгар рассматриваемой здесь эпохи.

О кочевом быте говорят и обнаруженные археологами следы овальных и круглых в плане жилищ (юрт), и сохранившееся изображение этих жилищ (модель юрты из известняка), и предметы быта из протоболгарских некрополей [64; 19, с. 416; 12, с. 60]. Не случайно в науке не известны достоверные тюркские топонимы, которые восходили бы к этому времени: когда протоболгары стали оседать на землю¹⁵, они селились в непосредственном соседстве с поселениями славян (уже имеющими свои наименования) или в самих этих поселениях [13, с. 8—17; 12, с. 94]. Допротоболгарское селение Плиска было превращено протоболгарами в укрепленный лагерь, ставший постепенно первой столицей нового государства [65; 23, с. 232; 66, 67; 68]. Точно так же возникла и вторая столица Болгарии — Преслав [69].

Возможно, вскоре после поселения на Балканах основной чертой хозяйства протоболгар стало пастушество, известное на полуострове с «гомеровских» времен и не исчезнувшее полностью поныне. Картографирование протоболгарских некрополей показывает, что основными регионами их первоначального расположения были Добруджа и область Плиски-Шумена [13, с. 8; 64, с. 18]. Их поселения, таким образом, были как бы сдвинуты к морскому побережью: известно, что пастухи-влахи на Балканах и в наши дни предпочитают зимовки со своим скотом в селах близ берега моря с его влажным и более мягким микроклиматом [70]. Знаменательно, что в V—VI вв. во время вторжений на Балканы кочевники (гунны, авары, протоболгары), по сообщениям Менаандра и Феофилакты Симокатты [41, с. 235, 296, 320], предпочитали при расселении Добруджу всем другим районам между Дунаем и Гемом. Можно думать поэтому, что переселения славян из Добруджи «на юг» и из Восточной Мисии — «на запад», Аспарух преследовал отчасти и хозяйственные (а не только стратегические) интересы, освобождая часть земель под пастбища [71].

Ныне остро дебатруется вопрос о численности протоболгар: археологи высказываются за признание протоболгарского элемента более значительным, чем считалось до сих пор. Предполагается, что часть протоболгар уже обитала в Добрудже еще до прихода Аспаруха, прослеживаются следы новых «волн» переселения протоболгар в Болгарию из Приазовья и Хазарского каганата в VIII — начале IX в. [38, с. 90—92].

Мы готовы согласиться с тем, что названная автором XI в. Михаилом Сирийцем цифра 10 тысяч (видимо, воинов) Аспаруха сомнительна и ее, может быть, следует удвоить или даже утроить [23, с. 202; 71, с. 72]. Но и археология, и письменные источники, и весь последующий ход разви-

¹⁵ Ж. Выжарова [49, с. 432] и В. Тыпкова-Займова [35, с. 69] подчеркивают, что протоболгары долго не смешивались с живущими рядом славянами.

тия общества и культуры Первого Болгарского царства не оставляют сомнений в том, что славяне в нем по численности с самого начала многократно превосходили протоболгарский элемент.

Однако проблема политического верховенства протоболгар в стране в течение более столетия, как и их прогрессирующей ассимиляции не может быть, по нашему мнению, решена через уяснение простейшего вопроса — установления примерного численного соотношения славян и протоболгар в VII—IX вв.

Мы усматриваем (при современном состоянии источников) путь уяснения проблемы в историко-сравнительном анализе социально-экономических и общественно-политических процессов в VII—IX вв. в славянском мире в целом, в «Великой Булгарии» (о которой уже была речь выше), в Аварском каганате VI—VIII вв. и в так называемых «варварских» королевствах Западной Европы в V—VII вв.

Высказывая ниже некоторые предварительные соображения на этот счет, мы претендуем лишь на постановку проблемы.

Многочисленные факты, свидетельствующие о военном превосходстве над оседлым населением кочевых народов, весь быт которых был приспособлен и к отражению внезапной опасности и к стремительному нападению, хорошо известны. Подчинение кочевыми племенами земледельческого населения отнюдь не является доказательством более высокого уровня социально-экономического развития общества кочевников — дело обстоит как раз наоборот. Наиболее яркий тому пример: татаро-монгольское иго на Руси и завоевание турками-османами Византийской империи.

Смешанное ирано-тюркское племя аваров (насчитывавшее, по сообщению Менаандра [41, с. 241], едва 20 тысяч воинов) более двух с половиной столетий держало в повиновении массы земледельческих славянских племен. Сходным, хотя и совсем в ином плане, было положение дел при завоевании германцами западноримских провинций: и здесь социально слабее дифференцированные дружины варваров подчинили себе высокоразвитое общество. По оценкам современной науки, численность германских племен, овладевших Галлией в V в., в несколько раз была ниже численности автохтонного населения [73, с. 40].

Таким образом, что касается завоевания и сохранения власти иноземцами (порой — на длительный исторический период), то, видимо, сама по себе меньшая численность завоевателей, как и более низкий уровень их социальной зрелости, не являлись решающими факторами.

Мы разделяем высказанную в историографии точку зрения, согласно которой нельзя, сопоставив феномены протоболгарской и славянской культур VII—VIII вв., говорить об уровне общественного развития этих народов относительно друг друга: это были два принципиально разных жизненных уклада, каждый из которых соответствовал тем конкретным условиям, в которых он сложился и функционировал [74, 75].

Видимо, ни славянский союз «Семь родов», ни перемещающееся от Приазовья до Дуная объединение Аспаруха нельзя рассматривать как государственные образования [76, с. 30]. Свидетельством того, что процесс классового образования зашел в это время достаточно далеко и что определенные конкретные условия способны были его стимулировать, является возникновение «Великой Булгарии» в Приазовье и так называемого «государства Само» на юго-западных границах славянского мира.

Однако оба эти политические образования оказались непочными. Славяне находились на стадии развития, когда еще отсутствовали необходимые условия для оформления прочной государственной организации. Протоболгарские племена, в свою очередь, не создали в VII—VIII вв. государства ни на Волге, ни в Приазовье, ни в Ломбардии. Волжская

Болгария как независимое государственное объединение известна едва с конца IX — начала X в.

Таким образом, оформление устойчивого и быстро развивающегося государства в Мисии в последней четверти VII в. является своего рода исключением для всего и славянского и протоболгарского мира. Оно — результат синтеза двух общественных структур, каждая из которых в отдельности ко времени их встречи, сама по себе, еще не вызывалась необходимостью возникновения государственных форм существования. Каждая из сторон как бы «дополнила» при синтезе новой политической и социальной системы «недостаток» в развитии тех или иных общественных институтов у другой стороны.

И вот с этой точки зрения, по нашему мнению, весьма существенно уяснить, какие из этих институтов были протоболгарскими, а какие — славянскими; весьма существенно также — какой при этом хозяйственно-культурный тип, протоболгарский или славянский, лег в основу социально-экономического базиса развивающегося государства.

В литературе уже давно отмечено, что государство Аспаруха не может быть уподоблено Аварскому каганату не только VI—VII, но и VIII — начала IX столетия [23, с. 138, 202; 77, с. 31—35, 71], хотя имелись и определенные черты сходства между этими двумя политическими системами [78]. И там и тут политическое объединение представляло собою конгломерат слабо связанных между собой славянских и протоболгарских племенных союзов, над которыми господствовал резко обособленный от них контингент кочевников¹⁶. На периферии каганата формы аварской верховной власти над славянами были, как и в Болгарии, сходными с союзническими отношениями, однако ближе к его центру, где располагался укрепленный лагерь аваров, население было низведено до рабского состояния [79]. Авары принуждали к участию в своих походах вождей славяний и протоболгарских союзов, но только некоторые из этих объединений пользовались внутренней автономией; представители власти кагана («жупаны») находились даже в некоторых отдаленных славянских поселениях [81].

Однако организация власти аваров и формы эксплуатации ими подвластного населения не представляли собою единой, основанной на законе системы. Даже кочевое скотоводческое хозяйство (а авары остались кочевниками до конца) они передали в руки подневольных людей и рабов. Сами авары практически не занимались производством, они представляли собой коллективный господствующий класс, социально и этнически отгороженный от прочего населения, безжалостно обиравший своих подданных и незамедлительно и жестоко подавлявший малейшее недовольство.

Синтез социальных структур здесь фактически отсутствовал: общественные формы жизни самих аваров отличались неподвижностью и застылостью, поступательное развитие было характерно лишь для подчиненного им земледельческого населения, постепенно обретавшего все большую независимость [82; 83, 84; 77, с. 31—35, 71].

Созданный аварами племенной союз в Центральной Европе был, как и гунский, основан целиком на принципах политической системы степного кочевого общества. Он сохранялся только в той мере и до тех пор, в какой и пока у аваров хватало воинских карательных сил для подавления сепаратистских тенденций.

В отличие от аваров протоболгары не составляли единого социально и политически господствующего класса: их общество было гораздо более

¹⁶ Д. Оболенский, подчеркивая отрицательные последствия господства кочевников над земледельческим оседлым населением, называет и государство Аспаруха «паразитическим» [80].

дифференцированным. В отличие от аваров уже в VIII и особенно в IX вв. наблюдаются явные следы постепенной ассимиляции протоболгар и перехода их к оседлому образу жизни. Условия объединения в единый политический организм здесь были с самого начала гораздо более благоприятными для славянской племенной аристократии, сохранившейся до первой четверти IX в. внутреннюю автономию в провинциях. Единая для страны правовая система действовала в Болгарии уже с начала IX в.: ее основой уже в то время были социальные, а не этнические отношения в обществе. Централизация власти при Круме и Омортаге и ликвидация автономии славян сопровождалась не понижением социального статуса славянской знати, а все большим приобщением ее к участию в центральном управлении; происходил активный процесс слияния протоболгарской и славянской аристократии, завершившийся к концу IX в.

С «варварскими» королевствами Запада Болгарию VII в. сближает прежде всего метод ее основания — завоевание территории с иноэтничным населением пришлым народом вдали от мест его прежнего обитания. Сходство состояло и в том, что германские племена, основавшие свои королевства, как и протоболгары, в численном отношении в несколько раз уступали завоеванному ими населению. Существенную параллель мы усматриваем и в том, что протоболгары подверглись славянизации точно так же, как франки, бургунцы, вестготы и другие германские племена подверглись романизации.

Весьма важным было, однако, такое коренное отличие, как оформление социально-экономического базиса в Болгарии и, например, во Франкском королевстве. Франки, как и местное подчиненное им население, представляли один и тот же хозяйственно-культурный тип — земледельческое оседлое общество. Здесь имел место синтез франкских и позднеримских общественно-экономических институтов, причем именно франкская общественно-социальная структура играла в этом синтезе ведущую роль [73, с. 37].

Франки, как и протоболгары, сначала не смешивались с местным населением, но франкская служилая знать, овладевая галло-римскими поместьями, отнятыми у прежних господ, или получая их в пожалование от королей, становилась с самого начала землевладельческой знатью. Быстро возрастал ее социальный вес в обществе. Возникавшая под господством франков социальная структура открывала простор для развития феодальных производственных отношений. Франкская знать сливалась с остатками галло-римской в единый господствующий класс землевладельцев, а на противоположном социальном полюсе происходил процесс сближения разорвавшихся франкских общинников с угнетенными слоями автохтонного населения — формировалось феодально-зависимое крестьянство.

Напротив, протоболгарский хозяйственно-культурный тип, сложившийся в совершенно отличных условиях, был бесперспективен как основная форма экономической деятельности и быта на Балканах (и в Европе вообще). Не мог он обеспечить в новой обстановке и достаточную базу для роста сил и возвышения самой протоболгарской аристократии.

Но те или иные элементы культуры этноса, даже более совершенные, чем у славян, играли определяющую роль, а культура как широкая совокупность основных форм повседневной деятельности и быта, «культура земледелия», которой обладали в Мисии и Малой Скифии славяне и остатки автохтонного населения. Общественно-социальная система славянского земледельческого общества, отличавшаяся в этот период значительным динамизмом, составила экономический базис развивающегося государства.

В полуавтономных и автономных славиниях завершался процесс оформления классового общества, а вместе с тем и в численном отношении протоболгарская аристократия, даже сохраняя верховную власть в государстве, составляла все менее заметную часть в общей совокупности господствующего класса страны. Реальное соотношение сил было, по-видимому, таково, что ни ханский двор не считал возможными массовые репрессии и экспроприацию славянской знати (она отвечала на акции такого рода восстаниями, переходом на сторону империи, выходом из состава государства целыми славиниями), ни славянская знать, в свою очередь, не предпринимала попыток организации массового движения против верховного господства протоболгарских аристократии.

Именно сеть славянских поселений, труд оседлых земледельцев гарантировали молодому государству и обеспечение всего населения продуктами сельского хозяйства (протоболгары добывали их ранее либо в грабительских набегах, либо в виде даней, либо путем торговли), и регулярные доходы государственного казначейства, и организованное участие ополчений в защите страны, и выполнение крупных общественных работ (строительство крепостей, городов, мостов, укреплений и т. п.).

Синтез славяно-протоболгарских институтов имел место по преимуществу не в социально-экономической, а в военно-политической сфере. Приход орды Аспаруха явился фактором, как бы восполнившим недостающие, не созревшие именно в этой сфере элементы структуры местного славянского общества, необходимые для перехода к государственным формам жизни. До 680 г. племенная аристократия союза «Семи родов» не обладала достаточной воинской силой для превращения централизованной эксплуатации в регулярно функционирующую систему, для объединения всех славиний региона и подавления сепаратистских стремлений племенных вождей и — одновременно — для полного разрыва с империей и обеспечения обороны своей территории и от византийцев и от аваров. Объединение с протоболгарами существенно повысило военный потенциал страны. Значительным выигрышем для славянской знати явилось то, что этот эффект был достигнут, несмотря на относительную малочисленность протоболгар: строго организованное и дисциплинированное конное войско протоболгар в сочетании с пехотными отрядами славян оказалось способным противостоять любому врагу, с которым Болгария сталкивалась в VIII—IX вв. Сохранявшиеся в государственной структуре протоболгарские институты целиком относятся к военному делу и центральному управлению и восходят к тюркской кочевой системе. Удерживая свои старые наименования, они, однако, уже с IX в. приобретают новое содержание, получая территориально-административный смысл, т. е. теряя связь с тюркской традицией (хан, боил, таркан и т. д.) [85, 86].

События 680—681 гг. сыграли, безусловно, огромную роль в становлении Первого Болгарского царства, но они означали по существу, на наш взгляд, лишь закладку фундамента государственного здания [72, с. 71—73; 31, с. 471; 58, с. 11, 17; 76, с. 31, 32]. Длительный и сложный процесс его возведения начался в Мисии задолго до 680 г. и продолжался значительное время после этой даты.

Западный хронист констатировал под 680 г.: «от сего времени следует вести начало Болгарского государства» [87]. Если действительно необходимо этническое определение государственно-политической системы Болгарии с конца VII до второй четверти IX в. как этно-социального организма, то представляется более оправданным характеризовать ее как «славяно-протоболгарская», а не «протоболгарско-славянская», а тем более — не «протоболгарская». После же указанного рубежа и во всяком случае —

во второй половине IX столетия Болгария и по своей общественной организации, и по этническому облику ее населения, и по характеру ее культуры являлась, безусловно, славянским раннефеодальным государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Станчев С. Славяни и прабългари в старобългарската култура.— Археология, 1962, № 4, с. 1.
2. Станчев С. Старобългарската култура през VIII—X век.— Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методи», т. I. Велико-Търново, 1964, с. 24—39.
3. Плетнева С. А., Русанова И. П. Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI — XI век. София, 1965.— Советская археология, 1966, № 3, с. 277.
4. Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII — X вв. на Днестре. Кишинев, 1973, с. 4, 42, 76.
5. Чеботаренко Г. Ф. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья.— В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
6. Димитров Д. И. Някои въпроси на проучването на ранносредновековните селища в Североизточна България.— В кн.: Музеи и паметници на културата. София, 1967, № 4, с. 1—5.
7. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.
8. Дончева Б. Първа комплексна конференция по българистика.— Исторически преглед, 1979, № 4—5, с. 275.
9. Подвигина Н. Л. О характере материальной культуры Болгарии в VII — IX вв. (Краткий обзор трудов болгарских и советских археологов 1948—1973 гг.).— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и этногеография. М., 1976, с. 221—227.
10. Dimitrov D. Quelques questions de l'histoire des Proto-Bulgares.— Etudes Balkaniques, 1977, № 2, p. 87—105.
11. Dimitrov D. Neue Angaben im nordöstlichen Bulgarien auf Grund archäologischen Forschungen.— In: Studii in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978, S. 369—381.
12. Димитров Д. Погребалният обред при раннобългарските некрополи в Варненско (VIII — X в.).— Известия на Археологическия институт, 1974, т. 34.
13. Димитров Д. По въпроса за гробните камери с трупоиъгаряне в ранносредновековните некрополи в Североизточна България.— В кн.: Известия на народния музей. Варна, 1976, кн. XI.
14. Сажонович Э. А. Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян.— В кн.: VIII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 202—203.
15. Тодарас Г. Το νόημα «φρακίνας» στα ελαττικά Λέοντος τοῦ Σοφῶδ.— In: Βοκάληνά, 1969, I, с. 151—152.
16. Королюк В. Д. Славяне и волохи в VI — середине VII в.— Советское славяноведение, 1976, № 6, с. 55.
17. Sanžkova-Petkova G. Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.—8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen.— Helikon, 1962, anno II, № 1—2.
18. Извори за българската история, т. VI. Гръцки извори, т. III. София, 1960.
19. Въжарова Ж. Н. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI—XI вв. на територията на България. София, 1976.
20. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. Berlin, 1958.
21. Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий.— В кн.: Славяно-балканские исследования. Этногеография и источниковедение. М., 1972, с. 212—217.
22. Чичуров И. С. Экскурс Феофана о протоболгарах.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1976, с. 65—80.
23. Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971.
24. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
25. Извори за българската история, т. VII. Латински извори за българската история, т. II. София, 1960, с. 248—250.
26. Дуйчев И. Обединението на славянските племена в Мизия през VII в.— В кн.: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.
27. Войнов М. За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основаването на българската държава.— Известия на Института за българска история. 1956, 6.

28. *Войнов М.* Пак за възникването на българската държава.— Исторически преглед, 1970, № 4, с. 79.
29. *Цанкова-Петкова Г.* Бележки към началния период от историята на българската държава.— Известия на Института за българската история, 1954, 5, с. 322—326.
30. *Cankova-Petkova G.* L'Etablissement des Slaves et Protobulgares en Bulgarie du Nord-Est et le sort de certaines villes riveraines du Danube.— In: Etudes historiques, t. V. Sofia, 1970.
31. *Cankova-Petkova G.* Über die Bildung des bulgarischen Staates.— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Praha, 1978.
32. *Beševliev V.* Zu Theopanis Chronographia 359. 5—17.— In: Polychordia. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag. II. Amsterdam, 1967, S. 53 f.
33. *Бешевлиев В.* За славянските племена в Североизточна България от VI до X в.— В кн.: Преслав, т. I. София, 1968.
34. *Тънкова-Займова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
35. *Търкова-Зеймова В.* Ethnische Schichten auf dem Balkan und die byzantinische Macht im 7. Jahrhundert.— In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
36. *Chrysos E.* Zur Gründung des Ersten Bulgarischen Staates.— In: Cyrillomethodianum, v. II. Thessalonici, 1972/73, p. 12—13.
37. *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
38. *Божилков И.* Анонимът на Хазе. България и Византия на долини Дунав в края на X век. София, 1979.
39. *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio/Ed. by Moravcsik Gy., Jenkins H., v. I. Budapest, 1949.
40. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стлб. 136.
41. Извори за българската история, т. III. Гръцки извори за българската история, т. II. София, 1959.
42. *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 151—168.
43. *Веляков В.* Състояние на проучванията върху прехода от античността към средновековието в Балканския полуостров.— В кн.: Известия на Българското историческо дружество, т. 19. София, 1974, с. 161—171.
44. *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977, с. 49, 124.
45. *Еремян С. Т.* Армения по Амхарацуйцу. Ереван, 1963, с. 98—99, 101.
46. *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974, S. 112f.
47. *Comşa M.* Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule balkanique aux VIe—VIIes. (avec un regard spécial sur les territoires de la Roumanie).— In: Balcanoslavica, t. I. Prilep — Beograd, 1972, p. 9—28.
48. *Рафаелович И. А.* Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
49. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 119.
50. *Алексова Б.* Материална култура на словените во Македонија.— В кн.: Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 146—147.
51. *Марянович-Вуйович Г.* Старейшие археологические следы славян в Белграде.— In: Berichte .II. Intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd. III. Berlin, 1973, S. 237—238.
52. *Выжарова Ж.* Славяне и протоболгары.— In: Berichte .II. Intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd. III. Berlin, 1973, S. 319.
53. *Teodor Dan Ch.* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie).— In: Berichte .II. Intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd. III. Berlin, 1973, S. 241.
54. *Comşa M.* Quelques données concernant les rapports des territoires nord-danubiens avec Byzance au VIe — VIIe s.— Revue des Etudes Sud-Est européennes, 1971, t. IX, № 3, p. 371.
55. *Babič V.* Die Forschung der altslawischen Kultur in der SR Mazedonien.— Zeitschrift für Archäologie, 1976, t. 1, № 10, S. 64.
56. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— Вопросы языкознания, 1974, № 6, с. 60—65.
57. *Цанкова-Петкова Г.* Территория Болгарского государства в VII—IX вв.— Византийский временник, 1960, т. 17, с. 124—143 (здесь и библиогр.)
58. *Коледаров П.* Политическа география на средновековна българска държава, т. I. София, 1979 (здесь и библиогр.).
59. *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. II. Commentary. London, 1962, p. 133.
60. *Csallany D.* Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mittelalter. Budapest, 1956, S. 184, Karten.

61. *Гюселев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV—VII в.)— Археология, 1979, № 4, с. 12—21.
62. *Търкова-Зайтова V.* Les population sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine.— Bulgarian Historical Review, 1980, № 2, p. 54.
63. Извори на българската история, т. VIII. Гръцки извори, т. IV. София, 1961.
64. *Въжарова Ж.* Селища и некрополи (края на VI—XI в.) — Археология, 1974, № 3, с. 18.
65. *Михайлов Ст.* Първата славянска столица Плиска в светлината на последните археологически разкопки.— В кн.: Slavia antiqua. Warszawa — Poznań, 1959, t. 7, s. 366—368.
66. *Ваклинов Ст.* Плиска за тридесет години.— Археология, 1974, № 3, с. 30.
67. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 202—203.
68. *Ковачев Н.* Названията на няколко укрепени средновековни селища като извор за етногенезиса на българския народ.— В кн.: Средновековният български град. София, 1980, с. 245—246.
69. *Сангова J.* Les Slaves aux environs de Preslav au VIIe — VIIIe s. d'après données archéologiques.— In: Studii in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978, S. 363—368.
70. *Carolus-Barré Th.* Ches les Vlaques du Pinde.— Revue des Etudes Sud-Est européennes, 1968, t. VI, № 4, p. 671—672.
71. *Wasilewski T.* Bizancjum i słowianie w IX wieku. Warszawa, 1972, s. 42.
72. *Gjuselev V.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen Verwaltung des ersten Bulgarischen Staates (7. bis 11. Jh.).— Etudes Balkaniques, 1978, № 3.
73. История Франции. Т. I. М., 1972.
74. *Петров П.* Към въпроса за образуването на първата българска държава.— В кн.: Славянска филология, т. V. София, 1963, с. 104.
75. *Въжарова Ж.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры.— В кн.: Славяните и средиземноморският свят. VI—XI в. София, 1973, с. 264.
76. *Литаурин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековната България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.)— Исторически преглед, 1970, № 6.
77. *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 31—35, 71.
78. Historia Słowian Południowych i Zachodnich. Warszawa, 1977, s. 31.
79. *Zástěrová B.* Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan.— In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978, S. 59—60.
80. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. London, 1971, p. 66.
81. *Prokić J.* Langobardi v panonski fazi.— Archeoloski vestnik Ljubljana, 1970—1971, № 31—32, s. 193.
82. *Grafenauer B.* Nekaj vprasanj in dobe naseljevanja južnih Slovanov.— Zgodovinski časopis, 1950, v. IV, s. 125.
83. *Kollautz A.* Avenarius A. Awaren in Europa.— Byzantinische Zeitschrift, 1977, Bd. 70(2), S. 377—381.
84. *Zástěrová B.* Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren.— In: Actes du XIIe Congrès Intern. d'études byzantines. Bd. II. Beograd, 1964, p. 243—247.
85. *Гюселев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII—XI в.)— ГСУ, филос.-ист. фак-т, кн. 60. История, кн. 3. София, 1967, с. 133—157.
86. *Гюселев В.* Ичиргу боилите на първата българската държава.— ГСУ, филос.-ист. фак-т, кн. 65. История, кн. 3, 1973, с. 125—252.
87. Monumenta Germaniae Histrica. Scriptorum, Bd. V, p. 326—327.

САЛИВОН А. В.

ОБОДРИТЫ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Проблемы общественно-политического строя полабских славян, к которым принадлежали ободриты, их трагическая судьба издавна привлекали внимание исследователей. Речь идет о народе, подвергнутом в конце XII в. насильственной германизации и исчезнувшем с исторической карты Европы. Наряду с прогрессивными, положительными тенденциями литературы прошлого века [1—3] долгое время в буржуазной историографии, особенно в шовинистической немецкой, бытовало множество теорий, оправдывавших средневековый германский «натиск на Восток». Славяне рисовались отсталыми грубыми дикарями, значительно уступавшими по культуре своим германским соседям. Всячески оттенялся тезис о низком уровне земледелия, его подчиненной роли в хозяйстве полабов, «примитивное состояние» (*primitiver Kulturstand*) их экономической и политической жизни [4, с. 1]. Одновременно превозносилась германская миссия на восток и провозглашалось, что вся история Европы, ее культура — дело народа нордической расы.

Нет необходимости останавливаться на критике такого рода концепций о славянском прошлом. Она в 40-х годах остро и злободневно прозвучала в статьях Н. П. Грацианского [5—8]. В последние десятилетия появились исследования, где воссоздана объективная картина жизни славян в Полабье. Работы Я. Бранкачка [3], И. Германна [9, 10], Г. Брахманна [11], В. Хензеля [12], Г. Лябуды [13], Л. Лецевича [14], Г. Ловмянского [15] и других авторов позволяют утверждать, что полабы прошли длительный и самостоятельный путь общественно-политического развития, прерванный германским завоеванием. Не изученным, однако, остается вопрос о взаимосвязи между этническими и политическими процессами как у полабских славян в целом, так и у их отдельных ветвей — ободритов, лютичей. В нашей статье сделана попытка восполнить этот пробел и осветить некоторые черты этнических общностей и политических образований у ободритов в VIII—XII вв. Это вносит дополнительные штрихи в понимание факторов, обусловивших их трагическую историческую судьбу. Для написания статьи использованы письменные источники (анналы, хроники) и материалы специальной историко-этнографической литературы.

На рубеже I—II тыс. н. э. ободриты (в широком смысле)¹ занимали территории южного берега Балтийского моря и междуречья Лабы и

¹ Речь идет об ободритском племенном объединении. В него, по мнению большинства историков, входили вагры, полабы, варны, собственно ободриты.

Варны. Их соседями на востоке и юго-востоке были вильцы (лютичи) и лужицкие сербы (сорбы), на западе — саксы, на северо-западе — датчане.

В настоящее время доказано, что славян нельзя рассматривать автохтонами Полабья. В первые века нашей эры на этих землях жили германские племена. В период великого переселения в III—IV вв. основная их масса переместилась на новые территории и, как свидетельствуют археологические и палеоботанические данные, область по рекам Лаба—Сала почти полностью обезлюдела [10, с. 19]. Обезлюдение ободритских земель произошло несколько позднее. Пыльцевые исследования, проведенные немецкими палеоботаниками, показывают, что в Восточном Гольштейне (Вагрия и Полабия) германские племена жили до начала VI века. Лишь после этого наступает запустение [16, с. 173]. Оставленная германцами территория становится местожительством славян.

Наиболее вероятной датой расселения ободритских племен в районах Мекленбурга и Вагрии считают вторую половину VI—VII вв., о чем свидетельствует наличие здесь ранней славянской керамики [9, с. 74; 17, с. 55]. Примерно, к этому времени (по-видимому, к 595 г.) относится интересное сообщение византийца Феофилакта Симокатты о славянах, живущих «на самом краю западного океана» и до которых надо добираться 15 месяцев [18, с. 139]. Вполне вероятно, что речь идет об ободритских территориях [19].

Не исключается появление ободритских племен в районе Мекленбурга уже в первой половине VI в., так как вильцы, продвигавшиеся в приэльбские районы во второй половине VI — начале VII вв., якобы столкнулись с уже осевшими здесь ободритами [20; с. 21; 21, с. 139].

Первое упоминание имени ободритов в письменных источниках относится к 789 г. В Франкских анналах отмечается, что в этом году ободриты приняли участие в походе франков против славян (вильцев) [22, с. 56]. Называются последовательно ободритские вожди Витзан (Witzin, Witzan [22, с. 58, 64]), Драшко (Thrasuco, Drasco, Thrasco [22, с. 68, 88, 92]), Славомир (Sclaomir [22, с. 112]), Чедраг (Ceadrag [22, с. 118]). Они именуются в анналах *principes, duces Abotritorum* (ободритские вожди, ободритские князья), иногда *reges Abotritorum* (ободритские короли)². С франкскими королями эти вожди находились в союзнических отношениях. Неоднократно отмечается их совместное участие в походах против данов, саксов, вильцев [22, с. 58, 64, 68, 90]. Власть ободритских вождей была наследственной и все они, видимо, происходили из одного рода. Такой вывод вытекает из содержания анналов, где указывается, что Чедраг был сыном Драшко³, а несколько ниже вновь упоминается Чедраг, которому император Людовик Благочестивый в 823 г. простил провинности за «заслуги его предков» [22, с. 132]. Этими предками, вполне вероятно, был не только Драшко, но и его предшественник Витзан.

Анналы свидетельствуют, что кроме князя, у ободритов существовала родовая знать, обладавшая значительным политическим влиянием. Она обозначалась разными терминами *primores, meliores, praestantiores* (первые, лучшие, главенствующие). Содержание этих терминов трактуется неоднозначно. Н. С. Державин видит в них начальников родов [23, с. 30], В. Д. Королук — землевладельческую знать [24, с. 176]. К. Ваховский считал, что выражения *primores, meliores* — синонимы князей племен, объединенных в ободритский союз, тогда как термином *praestantiores* обозначались главы богатых родов [25, с. 107]. В. Фритце

² «Witzin Abodritorum rex...» [22, с. 64].

³ «... cum Ceadrago filio Thrasconis partiri...» [22, с. 114].

склонен видеть в *primores* вождей малых племен, а под *meliores ac praestantiores* начальников крепостей и представителей знатных родов [26, с. 181]. Г. Булин сомневается в подобной дифференциации, не имеющей аргументированного подтверждения в источниках, и видит в ободритских *primores, meliores, praestantiores* племенную верхушку — «аристократию племен» [27, с. 26]. Аналогичного мнения придерживается Г. Ловмянский [28, с. 101]. Действительно, попытка дифференцировать эти понятия на основе имеющихся данных не приводит к убедительным выводам. Авторы анналов не ставили целью детально описывать славянскую верхушку и разграничивать ее отдельные группы. Они называли ее традиционными лагинскими терминами. Эти знатные лица вмешивались в княжеские дела, обращались к императору с жалобами на своего князя [22, с. 146].

Анализ первых упоминаний об ободритах в конце VIII—IX вв. позволяет рассматривать их как политический организм (*regnum Abodritorum*) во главе с князем. Власть князя в основном сводилась к военному предводительству и была ограничена знатью, задававшей тон на собраниях. На эти собрания по старой традиции собирались представители всего свободного населения (*populus, vulgus*), но решающую роль играли «первые люди» (*primores, meliores, praestantiores*). Очевидно и роль самого народного собрания из года в год падала в общественной жизни ободритов. В последний раз народное собрание в источниках упоминается в 826 г. [22, с. 146]. Между тем внутрисполитическая жизнь ободритов в последующий период отражена хронистами сравнительно подробно и, вероятно, народные собрания, если бы они функционировали, не остались бы незамеченными для авторов хроник X—XII вв.

Ошибочно представлять ободритский политический организм VIII—середины IX вв. как одно племя. Это был союз племен. Состав его в анналах не указывается, но по косвенным данным можно сделать некоторые предположения. В Франкских анналах упоминаются линоны и смолинцы (*Linoges et Smeldingos*), на которых ободритский вождь распространял свою власть [22, с. 88, 92]. Смолинцы, по мнению некоторых историков, были составной частью крупного племени полабов [29, с. 114; 30, с. 129; 27, с. 7]. Если это так, то земля полабов находилась под властью ободритского князя. Входила в состав ободритского объединения, очевидно, и территория вагров. Вагры занимали земли Восточного Гольштейна и граничили на западе с Саксонией, а на востоке с племенем собственно ободритов. В 804 г. Карл Великий передал ободритскому князю западную часть Гольштейна⁴, то есть присоединил саксонские земли к вагрской территории. Вагры в таком случае тоже входили в состав ободритского союза.

Территориально-административная структура ободритов VIII—IX вв. устанавливается весьма приблизительно. Безымянный хронист Географ Баварский в сочинении с примечательным названием «Описание городов и областей, лежащих к северу от Дуная», которое, очевидно, относится к середине IX в. [31], сообщает, что в земле северных ободритов расположено 53 *civitates*⁵. Только ли укрепленный пункт — град, бург имел в виду автор под термином *civitas*? Очевидно, нет. Немецкие археологи выявили топографию расселения ободритов в Полабье — так называемые бурговые (градские) районы [3, с. 154; 33, с. 93; 34, с. 429]. Район пред-

⁴ «Imperator Aquisgrani hiemavit. Aestate autem in Saxoniam ducto exercitu omnes, qui trans Albiam et in Wihmuodi habitabant, Saxones cum mulieribus et infantibus transtulit in Franciam et pagos Transalbianos Abodritis dedit» [22, с. 78].

⁵ «...Nortabtrezi, ubi regio, in qua sunt civitates LIII, per duces suos partitae» [32, с. 2].

ставлял собой комплекс маленьких открытых поселений и крепость, то есть объединение, по словам К. Ваховского, несколько большее, чем род, и меньшее, чем племя [25, с. 93]. В таком «определении» есть свой смысл. В данном случае имеется в виду общность, где население объединялось не столько кровнородственными, сколько территориально-политическими связями. Она в литературе часто обозначается термином «жупа», что по мнению многих авторов идентично понятиям *civitas*, бурговый район [35, с. 34; 20, с. 13; 3, с. 148; 14, с. 57; 36, с. 38]. До сих пор четкого определения этого термина и скрывающейся за ним организации не выработано. Дискуссионным остается вопрос, в каком соотношении находились между собой род, племя и жупа. Употребляя термин «жупа» для градского раннеободритского района мы имеем в виду общность со сложным комплексом разнородных связей: территориальных, хозяйственных, политических, этнических [37]. Возникли ободритские жупы вследствие ослабления кровнородственных связей малых племен. В период переселения племена были сплочены чувством кровного родства. Они стремились общими усилиями завоевать землю. Когда цель была достигнута, кровнородственные связи в масштабах племени ослабли. Границы родов и малых племен все больше стирались, поглощались жупами. Земля делилась между общинами и те замыкались в своем мире. Уместно обратиться к взглядам Ф. Энгельса, интересовавшегося проблемой образования западноевропейского средневекового мира. Ссылаясь на пример германских народов, он указывал, что в их среде традиционные внутриплеменные связи после переселения в IV—V вв. на римскую территорию существенно изменились, «народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов» [38, с. 496]. Эти наблюдения, касающиеся превращения кровнородственных связей в территориальные, имеют важное методологическое значение для изучения истории любого народа на пороге создания государственной организации.

«Растворившиеся» в жупах малые ободритские племена несомненно были родственны между собой. Об этом свидетельствует, в частности, компактность их поселений. Говоря о переселении германцев, Ф. Энгельс отмечал, что «каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников» [39, с. 330]. Представление о родственности происхождения сохранялось как внутри жупной организации, так и между жупами. Это и стало, по-видимому, одним из благоприятных условий консолидации жуп в так называемые большие территориальные племена вагров, полабов, варнов, собственно ободритов. Причина консолидации — необходимость защиты земли. Таким образом, внешнеполитическая обстановка (внешняя опасность), социальные сдвиги, происходившие в процессе распада кровнородственных связей⁶, сохранение чувства общности происхождения породили в ободритском Полабье более широкие территориально-политические и этнические образования. Свидетельством территориальной основы интеграции жуп служат названия племен «вагры», «полабы», «варны» — от мест поселения в новых полабских районах [20, с. 10].

Спорным остается вопрос о характере власти в больших территориальных племенах VIII — середины IX вв. Несомненно, общность интересов жуп в защите территории от посягательств внешнего врага определила

⁶ Письменные источники не содержат данных о характере власти в ободритских *civitates* (жупах). Археологические исследования тоже не дают еще убедительных материалов для картины социальной жизни ободритов в VIII—IX вв. Можно лишь констатировать сам факт оформления жуп и больших территориальных племен и рассматривать это как признак интенсивного распада родовых связей.

появление общего военачальника. Он мог быть представителем одного из могущественных родов, но власть его на первых порах, очевидно, ограничивалась жупной знатью и народным собранием. Широкими правами над населением он не обладал. Фигура вождя олицетворяла военно-политическое единство жуп. С течением времени его роль приобретала все больший вес — опасность порабощения стимулировала усиление центральной власти в больших территориальных общностях. Одновременно оставались прочными позиции родоплеменной знати и жречества, ибо еще сильны были племенные традиции, чувства кровного родства у жителей территориально-племенных объединений.

Постоянная военная угроза обусловила появление не только больших территориальных племен. Силы объединений, подобные ваграм, полабам, варнам, собственно ободритам оказывались явно недостаточными, чтобы отстоять свое «право на жизнь». Общность интересов — защита земель — определила возникновение ободритского военно-политического союза. Трудно сказать, как он возник. Р. Венкус, например, отмечает, что племенные союзы германцев последнего периода варварства в большинстве случаев не были добровольными объединениями. Они образовывались в результате подчинения сильными племенами слабых [40, с. 460]. В отношении союзов полабских славян высказывались мнения, что они создавались на основе добровольного объединения [3, с. 149]. Возможно, ободритский союз в Полабье был возрождением существовавшей в период переселения военно-политической общности [26, с. 178]. Сохранение чувства этнического родства содействовало восстановлению союза. Интеграция происходила на новой территориальной основе. Это был уже не союз родственных малых племен, а объединение больших территориальных общностей. Вероятно, наиболее сильным и авторитетным издавна выступало племя собственно ободритов. На это указывает и его название, более древнее, чем «вагры», «полабы», «варны»⁷. Под эгидой ободритских вождей и возродился ободритский союз [47, с. 650; 45, с. 12]. Фактор внешней опасности был постоянным, поэтому союз приобрел политически устойчивый характер. Существенную роль при этом играло сохраняющееся чувство общности происхождения.

Крайне невыразительные сообщения Франкских анналов об ободритах порождают разные оценки раннеободритской политической структуры. Останавливаться на аргументах сторонников раннего возникновения государства у ободритов (конец VIII в.) [24, с. 176; 27, с. 36], а также и тех, кто отодвигает этот рубеж к середине X—XI вв. [35, с. 17; 3, с. 156; 47, с. 658; 9, с. 253; 36, с. 43] нет особой необходимости. Племенной строй несомненно достиг к этому времени своего высшего уровня. Однако установить точную дату смены первобытнообщинных отношений раннефеодальными вряд ли возможно. В. И. Ленин отмечал, что попытки «...определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм...», нельзя назвать иначе, как педантизмом [48, с. 46]. В полной мере это положение относится и ко времени смены первобытнообщинных отношений феодальными. Невозможно точно установить грань, когда союзы племен уступают место государству.

⁷ Существует обширная литература интерпретации термина «ободриты». Известный чешский славист П. Шафарик считал название «бодричи» патронимиконом — от «вождя или начальника племени Бодра» [41, с. 146], что представляется ряду ученых вполне допустимым [6, с. 22; 42, с. 310]. А. Ф. Гильфердинг связывал это имя с особым качеством членов племени — «люди бодрые» [43, с. 41]. Большинство же исследователей склоняются к мысли, что название «ободриты» происходит от места первоначального поселения племени по реке Одре [30, с. 4; 44, с. 58; 45, с. 8; 46, с. 206]. Объединяет спорящие стороны признание факта, что наименование «ободриты» восходит ко времени, предшествующему их переселению в Полабье.

Переходный период не ограничивается какими-то короткими строго очерченными временными рамками. Нам представляется правильным датировать это переходное время у ободритов VIII—IX вв. и рассматривать ободритскую общность как военно-политический союз с очевидной тенденцией перерастания в государство. Союз представлял собой объединение родственных по происхождению племен, занимающих большие территории. В нем отсутствовали еще существенные признаки сложившегося классового общества: классовые антагонизмы, ярко выраженная классовая эксплуатация. Но ростки классовых отношений интенсивно пробивали первобытнообщинную почву.

В середине IX в. единство целостного ободритского союза было насильственно упразднено. Людовик Немецкий после успешного похода актом 844 г. ликвидировал власть центрального ободритского князя Костомысла и разделил земли ободритов между так называемыми *duces*⁸. По мнению К. Ваховского, *duces* были не кем иным, как главами больших территориальных племен, входящих в состав ободритского союза [25, с. 109]. С этим можно согласиться. В приводимом подстрочном латинском тексте (сноска 8) четко выступает терминологическое различие в определении ободритского центрального князя как *rex* и низших племенных князей как *duces*. Названий этих племен в анналах мы не находим, но вполне вероятно, что это были те самые общности вагров, полабов, варнов, собственно ободритов, которые упоминаются в источниках X—XII вв. [50, с. 60].

Основной результат акта Людовика Немецкого сводился, таким образом, к укреплению позиций племенных правителей. Племенное княжество как политическая общность, покрывало племенную этническую общность, придавая ей устойчивость. До середины IX в. при известных нам общеободритских князьях можно говорить о консолидирующем значении центральной власти для политического и этнического развития ободритов. Изменение политической структуры в 844 г. консервировало племенную локальность, способствовало внутренним политическим распрям, тормозило образование ободритской государственности и народности.

Не ясно, поддерживали ли между собой какие-либо связи князья ободритских племен после акта 844 г. Это остается лишь предполагать. Окружающая обстановка не могла не возродить центростремительных тенденций. Фульдские анналы сообщают о новом походе Людовика Немецкого в 858 г. против славян, в частности, его младший сын направился против ободритов и линонов [49, с. 371]. Ободриты здесь, вероятно, вновь выступают одним политическим целым, а линоны, как и ранее, противостоят и ободритам и германскому государству. В сообщении не называется имени ободритского князя, но уже в 862 г. говорится о правлении князя Добомысла (*Tabomiuzl*) [49, с. 374], в котором угадывается князь ободритского союза, а не только племени собственно ободритов [27, с. 41]. Консолидация ободритов, видимо, и объясняет провал похода против них в 867 г. саксов и тюрингов. В 889 г. организуется еще один поход в ободритские земли, но и на этот раз по сообщению источников мощное сопротивление славян заставило короля Арнульфа вернуться во Франкфурт и распустить свое войско⁹. После этого похода, очевидно, утверждается независимость ободритов, сохранявшаяся вплоть до походов Генриха I.

⁸ «*Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum Goztomiuzli, terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit*» [49, с. 364].

⁹ Сообщения о событиях 867—889 гг. содержатся в Сен-Бертинских, Фульдских анналах. Их интерпретацию см. в статье Г. Булина [27, с. 42].

Таким образом, Восточно-Франкскому королевству, несмотря на попытки ослабить своего славянского соседа, пришлось вскоре вновь столкнуться с политически объединенным ободритским союзом. Его возрождение определялось в первую очередь потребностями защиты своей территории. Чувство этнического родства между ободритскими племенами облегчало политическую консолидацию, но осуществлялась она весьма болезненно.

Власть центрального князя в восстановленном союзе была шаткой и сам союз оставался военной конфедерацией слабо объединенных племенных территорий. Дело в том, что внешнеполитическая обстановка со второй половины IX в. не ускоряла, а тормозила государственное развитие полабских славян. Общественный прогресс на данном этапе был связан с развитием раннеклассовых отношений и предполагал «политическое подавление свободного и гордого своей свободой крестьянина-общинника» [24, с. 177]. Но это подрывало существовавшее военно-политическое устройство, связанное с непосредственным выполнением всеми свободными людьми военных и других обязанностей. Обстановка обуславливала сохранение свободных общинников как основы народного ополчения. Без него не мыслилась защита земли. В то же время усиливалась знать, с которой центральной власти приходилось вести тяжелую борьбу. Сепаратизм племенной знати выражался, в частности, в защите языческой веры, противостоящей христианству. В свою очередь язычество было традиционно связано со старым племенным членением и поддерживало не столько мероприятия центрального князя по политическому сплочению, сколько местную знать.

Неустойчивое положение центрального князя и территориально-племенная разобщенность в ободритском союзе были причиной военных неудач в борьбе с немцами в 20-е годы X в. Германскому королю Генриху I Птицелову удалось, используя противоречия между полабскими славянами, подчинить лютичей, ободритов и заставить их платить дань [51, с. 147].

С середины X в. источники начинают обстоятельней освещать события общественно-политической жизни ободритов. Объясняется это как резко возросшей активизацией политики немцев на востоке, так и серьезными сдвигами внутри славянского общества. Исследователи не без основания полагают, что именно в этот период у славян активно шел процесс становления раннефеодальных отношений [3; 9; 13]. Экономическая сторона этого процесса хорошо прослеживается по археологическим материалам. Анализ земледельческих орудий, характер ремесла не оставляют сомнений в высокой производительности труда, позволявшей получать в конце I тыс. значительный прибавочный продукт. И. Германн полагает, что сельскохозяйственное производство к X в. по сравнению с VI—IX вв. возросло примерно в 2—3 раза. В XI—XII вв. оно увеличилось еще вдвое [21, с. 143]. Это создавало предпосылки для роста имущественной и социальной дифференциации, которая зашла к тому времени достаточно далеко.

Ободритское общество по хроникам X—XII вв. делилось на знатных, свободных и зависимых людей. Первая категория включала приближенных князя, его советников, «благородных мужей» [52, с. 57, 209]. Особую группу ободритской знати составляло жречество, пользовавшееся в условиях борьбы с феодально-христианским немецким натиском огромным влиянием среди народа. Жрецы не только свершали культовые обряды, но и принимали участие в общественных делах, в частности, являлись судьями [52, с. 185]. Они к тому же владели огромными богатствами, которые складывались из приношений верующих [52, с. 46, 73].

Из письменных источников можно заключить, что в X в. на ободритских территориях уже складывалось крупное землевладение. Гельмольд в связи с распространением христианства говорит о церковных владениях. Сообщая о епископе Ваго, хронист отметил, что князь ободритов Биллуг предлагал Ваго во владение ободритские деревни и епископ «выбрал себе самые большие деревни... разделил земли между колонами, чтобы они ее обрабатывали...» [52, с. 58]. Из последующего текста явствует, что не только немецкие епископы, но и ободритская знать и прежде всего ободритский князь являлись владельцами подобных имений¹⁰. Археологи устанавливают резкое увеличение числа небольших укрепленных бургов в X—XI вв., вероятно, являвшихся резиденциями местной землевладельческой знати [34]. Основную массу населения по-прежнему составляли свободные общинники. Они были и непосредственными производителями материальных благ и воинами-ополченцами. Возрастают их повинности. Помимо участия в военном ополчении они обязаны были строить дороги и княжеские крепости, платить дань князю и делать приношения жрецам. В процессе распространения христианства ободритские князья принуждали свободных общинников нести повинности в пользу епископов [52, с. 55, 58].

К сожалению, подробных данных о категориях зависимого населения источники не содержат. Упоминания о слугах ободритских князей весьма расплывчаты. Речь идет, вероятно, о домашней челяди. Существовали и зависимые от князя люди, обрабатывающие его поля [34, с. 438]. Порой в «Славянской хронике» упоминаются пленники, которых ободриты захватывали во время военных экспедиций и потом продавали [52, с. 239]. Возможно, не столько эксплуатация рабского труда (источники об этом вообще не говорят), сколько получение прибыли от торговли рабами стимулировало ободритских князей захватывать пленников.

Таким образом, скупые свидетельства хроник дают все же основания утверждать о достаточно глубоко имущественном и социальном расслоении ободритского общества в X—XI вв. Одновременно оформлялось ободритское государство и ободритская раннефеодалная народность. Территориально-политической основой государственности и народности послужил военно-политический ободритский союз; территория расселения ободритских племен вагров, полабов, варнов, собственно ободритов и некоторых других более мелких.

Ободритское государство возникло как результат социальной дифференциации общества и как сила, противостоящая внешней угрозе. О его могуществе писал арабский купец Ибрагим ибн-Якуб, посетивший в середине X в. Ободритию князя Накона. Он ставит этого князя в один ряд с «царями» Болгарии, Чехии, Польши [53, с. 46]. Источники свидетельствуют о внутренней борьбе в государстве между княжеским родом Наконидов и вагрским — Крутидов. Вагры и собственно ободриты были наиболее крупными племенными княжествами и противоречия между ними имели давние истоки¹¹. В основе противоречий лежал не этнический, а политический антагонизм. Борьба шла за великокняжеский трон. В хрониках не встречается сведений о стремлении какого-либо ободритского княжества к выделению и политической самостоятельности, в отличие, скажем, от линонов. Это, очевидно, подтверждает предположение об исторической

¹⁰ Князь Биллуг жалуется Ваго, что разбойники разоряют не только владения епископа, но «не падают и его владений» [52, с. 59].

¹¹ Отголоски давней вражды вагров и ободритов отмечаются в хронике Гельмольда. Описывая главный город вагров Альденбург, хронист замечает: «Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на земли ободритчей» [52, с. 54].

родственности ободритских племен вагров, варнов, полабов, собственно ободритов, тогда как линоны имели, видимо, другое происхождение¹². Этническая близость оставалась фундаментом ободритского политического организма.

Наибольшего могущества ободритское государство достигло при Готшалке (1044—1066) и его сыне Генрихе (1093—1127) из рода Наконидов. По хроникам под их властью находились не только ободритские, но и лютические земли¹³. Ободритские князья стремились создать единое общеполабское государство и консолидационный курс их политики осуществлялся в разных направлениях. Они организовали систему княжеских крепостей с должностными лицами для контроля над прилегающими к крепостям округами, увеличили дружину [9, с. 247]. Они всеми мерами содействовали распространению христианства [52, с. 72, 76], делая это как для поднятия международного авторитета ободритского государства среди христианских стран, так и для подрыва местной племенной знати, связанной с племенными языческими культами. Во внешней политике наконидские князья пытались укрепить союзнические отношения с саксами, датчанами и по возможности использовать их помощь для усиления своих позиций внутри страны [52, с. 96, 99].

Казалось бы, все это должно было содействовать укреплению единства между племенными землями, сплотить славян как особый народ в борьбе с соседними враждебными этносами. Однако ободритское государство не представляло собой прочного политического образования. В условиях сложной внешнеполитической обстановки, внутренних противоречий процесса классового образования проводимая Наконидами политика не увенчалась успехом. Союз с саксами, датчанами оставался ненадежным. Сохраняла свою силу местная племенная знать. Она использовала народное недовольство феодалными поборами для борьбы с центральной властью. Не приживалось в ободритских землях и христианство. Славяне не без основания рассматривали распространение христианства как проникновение иноземцев, введение новых тягот, поборов и потому ревностно поддерживали эту борьбу и направляло ее против Наконидов¹⁴. Не прекращались выступления и покоренных лютичей¹⁵. Положение ободритского государства, таким образом, было весьма неустойчивым. Связи между княжествами и центральной властью оставались слабыми. Земли их по источникам на протяжении всей истории ободритского государства выступали в его рамках как мелкие политические образования [52, с. 72, 129]. Хронисты отмечают границы княжеств, центральные города (у вагров — Альденбург [52, с. 37, 53], полабов — Рацисбург [52, с. 37], ободритов — Мекленбург [52, с. 37, 199], у варнов, возможно, Пархим [54, с. 20]). В княжествах правили свои княжеские династии [52, с. 104, 129, 131].

Ободритские княжества проявляют и этнические черты единства. Жители каждого из них имели обособленную территорию, осознаваемую как «земля предков», свои локальные экономические связи, самобытный

¹² Вопрос о роли линонов в ободритской истории остается спорным [26, с. 208].

¹³ «И стали служить племена ран Генриху, платя ему дань, так же как вагры, полабы, бодричи, хижане, черзепяне, лютичи, поморяне и все другие славянские племена, обитающие между Альбией и Балтийским морем...» [52, с. 101].

¹⁴ Ярким подтверждением этому служат события в государстве Готшалка. Гельмольд в своей хронике отмечает, что в 1066 г. вспыхнуло восстание, в котором «муж (Готшалк. — А. С.), на вечные времена заслуживающий памяти за проявленную им верность богу и государям, был убит язычниками, которых он старался обратить в веру» [52, с. 76].

¹⁵ Антиготшалковскую оппозицию вполне вероятно поддерживали лютичи [10, с. 84].

языческий культ, обычаи, празднества. Четко проявлялось этническое самосознание, выражавшееся, в частности, в самоназваниях племенных территорий [55]. В литературе предлагалось множество разных терминов для обозначения этих общностей: «соплеменности», «терэо», «народцы», «областные общности», «этнографические группы» и другие. Их авторы справедливо отказываются видеть в такого рода общностях, как вагры, полабы, варны, собственно ободриты традиционные племена. Этот новый тип общностей стадильно соответствовал переходной эпохе от родоплеменного строя к классовому. На ранних этапах формирования больших территориальных племен у них не прослеживаются ярко выраженные местные особенности в культуре [56, с. 125]. Но по мере длительного пребывания на одной территории, судя по письменным и археологическим данным, формируются этнические черты общности. Подобные явления наблюдались и у восточных славян. В. В. Мавродин точно подметил: «Пусть это звучит парадоксально, но было именно так — чем дальше восточные племена уходили от племенного быта, тем ярче бросаются в глаза их территориальные областные особенности» [57, с. 75]. Ускоряется этот процесс как раз с констигуированием больших территориальных племен в княжества государственного характера. Два типа общностей, политическая и этническая, существуя в неразрывном единстве, взаимовлияют друг на друга. Княжества вагров, полабов, варнов, собственно ободритов как политические общности складывались на определенной этнической территориальной основе родственно близких по происхождению малых племен. В свою очередь, оформившись государственно, обладая политической автономией, княжества отграничились от территорий соседей. В их пределах укреплялись хозяйственные, религиозные, культурные связи, крепло самосознание единства населения. Поскольку территории ободритских княжеств были невелики и пользовались относительным политическим суверенитетом, все виды связей осознавались их населением как связи по кровному родству происхождения. Отсюда более острое проявление этнического чувства общности в рамках княжеств, чем в масштабах ободритского государства.

По мнению некоторых авторов, ободритское население на всем протяжении его истории не может приниматься за один народ, так как в Ободритии и в XII в. сохранялись внутритерриториальные различия (племенные границы, местные культы, обычаи) [25, с. 94; 35, с. 92]. С таким утверждением нельзя согласиться. Ободритские княжества не были полностью изолированными, самостоятельными этно-территориальными и политическими общностями. Процесс их складывания протекал одновременно с формированием большой политической и этнической общности — ободритского государства и ободритской народности. В хрониках достаточно четко проступает восприятие авторами ободритской общности в широком значении. Обозначается она разными терминами: *regnum Obodritorum* (ободритское государство), *principatus Sclavorum* (княжество славянское), *terra Sclavorum, provincia Sclavorum* (славянская земля, славянская страна [58; 59]), *Sclavia* (Славия)¹⁶. Показателен сам факт употребления конкретного названия *Abodriti* не только для племени собственно ободритов, а и ободритского государства. По мнению ряда исследователей, собирательные названия в средневековых источниках — ободриты, лютичи, сербы, полоны, болгары свидетельствуют об образовании на базе

¹⁶ Термином *Sclavia* Адам и Гельмольд обозначают не только полабских славян в целом, но иногда и ободритское государство. У Гельмольда записано: «Вследствие милосердия божьего и доблести благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви... достигло в Славии надлежащего расцвета» [52, с. 74]. Речь в данном случае идет об ободритском государстве Готшалка.]

племенной интеграции средневековых народностей [60, с. 15; 61, с. 37; 47, с. 666]. Можно предполагать, что для жителей ободритского государства название «ободриты» не ограничивалось только территорией племени собственно ободритов. Ободритским именовался племенной союз, где имя племени-гегемона внешне выражало политическое единство племен. Оно же традиционно перешло на образовавшееся государство и постепенно, видимо, укреплялось в сознании жителей ободритской политической общности как их самоназвание, осознание себя особым народом. Следует, однако, заметить, что общее название «ободриты» не вытеснило племенных названий составных частей ободритского государства, но это отнюдь не исключает факта формирования ободритской народности. Народность феодальной эпохи, как справедливо подчеркивает Н. Ф. Колесницкий, не только не исключала, а предполагала сохранение местных различий [62, с. 41]. Особо необходимо учитывать острые противоречия между центростремительными и центробежными тенденциями в раннефеодальный период. «Именно соотношение этих тенденций, — замечает Ю. В. Бромлей, — во многом определяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности» [63, с. 139]. В одних случаях оказывались интенсивнее процессы этнической консолидации в границах обширных политических образований, в других — в рамках небольших политических единиц (княжеств). Но, как правило, эти разновидности консолидационных процессов сосуществовали [63, с. 140]. Ободритская государственная власть играла роль объединяющей силы, но она была не в состоянии в условиях внешнеполитического натиска упразднить территориально-племенное деление. Территория племенных княжеств сохранялась. В опасные для страны периоды они спланивали свои усилия. Их население видело в центральном князе своего защитника¹⁷. В мирное время чувство сопричастности к ободритскому политическому организму снижалось. На первый план выступали локальные интересы, которые подогревались происками соседних государств.

Итак, взаимовлияние этнических и политических связей в Ободритии было весьма сложным. Главной тенденцией, несомненно, являлось становление раннефеодального государства и единой народности, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, которая отнюдь не способствовала укреплению единства. Центральной власти приходилось сдерживать давление извне и происки местной знати, идти на компромиссы с саксами, датчанами и сдерживать в своих пределах захваченные земли соседних славянских народов. В таких условиях невозможно было осуществить прочное объединение княжеств. Их этническая и политическая обособленность определяла неустойчивость ободритского государства. В конечном итоге оно оказалось не в силах противостоять феодально-католическому натиску с запада¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне в русской историографии. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 191—206.
2. *Лаптева Л. П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 171—191.

¹⁷ «И они (славяне князю Мстивою. — А. С.) сказали: „Ты страдаешь по заслугам, ибо, отвергая своих, ты стал почитать саксов, народ вероломный и жадный. Поклянись же нам, что ты бросишь их, и мы станем с тобой“» [52, с. 65]. См. также главу «О Никлоте» [52, с. 143].

¹⁸ В статье не рассматриваются причины отсутствия единства между различными частями полабских славян (ободритами, лютичами, поморянами). Этот вопрос требует специального анализа взаимосвязей политических и этнических общностей в общеполлабском масштабе.

3. *Brankač J.* Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe — Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964.
4. *Wienecke E.* Untersuchungen zur Religion der Westslawen. Leipzig, 1939.
5. *Грацианский Н. П.* Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу. — Уч. зап. МГУ, 1945, вып. 81, с. 116—135.
6. *Грацианский Н. П.* Карл Великий и славяне. — Исторический журнал, 1945, № 3, с. 21—27.
7. *Грацианский Н. П.* Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии. — В кн.: Против фашистской фальсификации истории. М. — Л., 1939, с. 135—155.
8. *Грацианский Н. П.* Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века (X—XII вв.). — В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944, с. 48—60.
9. *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder — Neisse und Elbe. Berlin, 1968.
10. *Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vineta. Berlin, 1976.
11. *Brachmann H. J.* Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978.
12. *Hensel W.* Die Slawen im frühen Mittelalter. Berlin, 1965.
13. *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowianszczyzny zachodniej, t. 1—3. Poznań, 1960—1976.
14. *Leciejewicz L.* Słowianszczyzna zachodnia. Wrocław, 1976.
15. *Łowmiański H.* Religia słowian i jej upadek. Warszawa, 1979.
16. *Jankehn H.* Dörfer, Burgen und Städte im nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen. — In: I Międzynarodowy Kongres Archeologii słowiańskiej, t. IV. Warszawa, 1968, s. 173—175.
17. *Vogel V.* Slawische Funde in Wagrien. Neumünster, 1972.
18. *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957.
19. *Herrmann J.* Byzanz und die Slawen «am äussersten Ende des westlichen Ozeans». — In: Klio, 1972, Bd. 54, S. 309—319.
20. Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin, 1974.
21. *Herrmann J.* Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtsforschung in der DDR in Jahren 1965—1970. — In: II. Internationaler Kongress für slawische Archäologie. Berichte, Bd. I. Berlin, 1970, S. 133—159.
22. *Annales regni Francorum.* — In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalter, Bd. V. Berlin, 1960, S. 10—162.
23. *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1946.
24. *Королюк В. Д.* Государство бодричей в правление князя Готшалка. — In: Slavia Occidentalis, t. 22. Poznań, 1962, s. 165—196.
25. *Wachowski K.* Słowianszczyzna zachodnia. Poznań, 1950.
26. *Fritze W.* Probleme der abodritischen Stammes und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat — In: Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960, S. 141—219.
27. *Bulin H.* Počátky státu obodriského. — In: Právněhistorické Studie, 1958, № IV, s. 5—50.
28. *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953.
29. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
30. *Первольф Й.* Германизация балтийских славян. СПб., 1876.
31. *Fritze W.* Die Datierung des Geographus Bavarus und die Stammesverfassung der Abodriten. — Zeitschrift für slawische Philologie, Bd. 21, Heft 2. 1952, S. 326—342.
32. *Horak V., Travníček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavarsky Geograf). — In: Rozpravy Československé Akademie věd, 1956, № 66, s. 1—72.
33. *Struve K. W.* Die slawischen Burgen in Wagrien. Neumünster, 1961.
34. *Herrmann J.* Anfänge und Grundlagen der Staatsbildung bei den slawischen Stämmen westlich der Oder. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Heft 3. Berlin, 1967, S. 424—446.
35. *Черниловский Э. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.
36. *Prochazka V.* Die Stammesverfassung der Elbslawen. — Zeitschrift für Archäologie, Heft 1. Berlin, 1969, S. 36—47.
37. *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. Критика теории «жупной организации». М., 1972.
38. *Энгельс Ф.* Франкский период. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 495—546.
39. *Энгельс Ф.* Марка. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 327—345.
40. *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Köln, 1964.
41. *Шафарик П. И.* Славянские древности. Т. 2, кн. 3. М., 1848.
42. *Urbańczyk S.* O pochodzeniu nazwy Obodrytów. — In: Studia linguistica Slavica Baltica. Lund, 1966, s. 309—313.

43. *Гильбердинг А. Ф.* История балтийских славян. СПб., 1874.
44. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— Вопросы языкознания, 1974, № 6, с. 48—67.
45. *Lehr-Splawiński T.* Plemiona słowiańskie nad Labą i Odrą w wiekach średnich. Wrocław, 1947.
46. *Отре́бски J.* Oder, Obodriten.— In: *Studia linguistica Slavica Baltica*. Lund, 1966, S. 203—207.
47. *Hrábova L.* K otazce vzniku a vyvoje statu u Polabskych Slovánů.— In: *Československý časopis historický*. 1955, № 3, s. 642—668.
48. *Ленин В. И.* мелкобуржуазный и пролетарский социализм.— Полн. собр. соч., т. 12, с. 39—48.
49. *Annales Fuldenses*.— In: *Monumenta Germaniae historica Scriptorum I*. Hannover, 1826, p. 333—415.
50. *Skowronek J., Tanty M., Wasilewski T.* Historia Słowian południowych i zachodnich. Warszawa, 1977.
51. *Видукин Корейский.* Деяния саксов. М., 1975.
52. *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963.
53. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах (Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена). СПб., 1878.
54. *Павинский А. И.* Полабские славяне. СПб., 1871.
55. *Сализон А. Н.* К вопросу об образовании народности ободритов.— Советское славяноведение, 1979, № 3, с. 42—55.
56. *Engel F.* Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg.— In: *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. Giessen, 1960, S. 125—140.
57. *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
58. *Adami Bremensis Gesta Hamburgensis ecclesiae pontificum*.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalter*. Bd. XI. Berlin, 1961, S. 136—499.
59. *Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum*. Hannover, 1868.
60. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
61. *Ангелов Д.* Формирование болгарской народности. София, 1978.
62. *Колесницкий Н. Ф.* Донациональные этнические общности.— Расы и народы, вып. 8. М., 1978, с. 21—46.
63. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.

КОРЕНЕВСКАЯ Н. М

УГЛУБЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО НАЧАЛА В ЮГОСЛАВСКОЙ ЛИРИКЕ 70-х ГОДОВ

Если отвлечься от множества ярких, но частных впечатлений, которые сопутствуют знакомству с литературой многонациональной страны, обладающей богатейшей песенно-поэтической традицией, то можно утверждать, что 70-е годы прошли для поэзии Югославии под знаком углубления философского начала в лирике. В предшествующие десятилетия югославские критики не раз писали о расширяющихся философских горизонтах отечественной поэзии, объединяя поэтов разных поколений и различающихся эстетических ориентаций в направление, которое именовалось то «философским», то «рационалистическим», а всего чаще — «интеллектуальным». Эти определения ныне постепенно исчезают со страниц югославских литературных изданий. А тогда, в 60-е годы, критика, казалось, старалась не замечать того, что перенесенное в сферу творчества увлечение поэтов новейшими философскими и научными теориями часто означало разрыв поэзии с ее исконной стихией — стихией чувства, эмоции, духовного переживания, врасплох захваченного словом. Сегодня очевидно, что интеллектуализм был «внешним знаком» [1] несравненно более существенного процесса, до поры развивавшегося «на глубине» и определенного общим для многих художников стремлением к масштабному, эпически широкому охвату действительности, к коллизиям надличностного характера.

В минувшее десятилетие этот процесс нашел конкретное выражение в значительных по мысли и художественно ярких книгах, в поэтическом слове которых закреплены сокровенные, глубинные связи человека с миром. Связи эти открыты лирикой как бы заново: «вечные» темы и мотивы, которыми издавна жила и дышала поэзия — «личность и природа», «поэт и творчество», «духовное и бездушное», «смертный человек и вечность, время» — выразили новые сущности, обрели высокий обобщенный смысл.

Особую значимость приобретает в современной поэзии представление художника о конечном и бесконечном в мире — о времени: для поэтов нашего века характерен напряженный поиск путей преодоления в слове человеческого «частного», биографического времени, поиск выхода во время всеобщее — историческое, вселенское. Эти искания чрезвычайно расширили границы поэтического мира: собственно лирическое, личностное, субъективное сопрягается теперь с объективной категорией бытия, понятой философски и исторически.

В современной югославской лирике это направление художнического мышления было вытеснено распространившимися в предшествующие десятилетия течениями, которые вывели на поэтическую орбиту героя, существующего вне времени и социальных обстоятельств; в которых

ощущение времени и самоощущение человека в нем заменялись по существу чувством крошечного страха перед неизбежностью конца человеческого существования. Тем более значительно появление в литературе страны произведений, противопоставивших этим тенденциям изображение человека, индивидуальное бытие которого слито с бытием мира, едино с ним по своей природе.

Крупнейшую сербскую поэтессу Десанку Максимович, чье восьмидесятилетие отметила три года назад литературная общественность многих стран, нет необходимости представлять советским читателям. Лирику ее переводили на русский язык А. Ахматова, М. Алигер, Б. Ахмадулина, Л. Мартынов, Д. Самойлов, Б. Слуцкий и другие мастера поэтического слова. В 70-е годы на родине поэтессы в свет вышли четыре новые ее книги — «Нет больше времени» (1973), примыкающий к ней по темам сборник «Ничья страна» (1979), книга стихов «Песни из Норвегии» (1976), большой стихотворный цикл «Летопись потомков Перуна» (1976).

Югославская критика, говоря о поэзии Д. Максимович, неизменно подчеркивает остроту присущего поэтессе чувства времени в плане сугубо личном: мотивы безвозвратности прошлого, неповторимости каждого прожитого мгновения высвечиваются как основные в ее творчестве. Действительно, шесть десятилетий поэтической судьбы Д. Максимович лежат между написанными в 1919 г. вдохновенными строками, обращенными к молодости:

О молодость, молодость!
 Говорят, ты исчезаешь, как тают миражи,
 но мне ли проститься с тобою...
 Для тебя насаждаю весну, для тебя же
 будет сад мой дышать и цветами и травами.
 Задержу я и солнце, и звезды, и зори,
 что румянцем горят в ожидании дня.
 Ты сама не захочешь путями лукавыми
 разминуться со мною, уйти от меня

(«К молодости», пер. М. Петровых)

и горькими словами, завершающими ее последнюю книгу, каждая строфа которой насыщена стремительно уходящим временем, убегаящими днями, часами, секундами:

Вот и все.
 Больше нет здесь дел у меня.

(«Дела закончены», сб. «Ничья страна»)¹

«Ничья страна» — это старость. Книга под таким названием написана женщиной, в недавнем прошлом лишившейся четверых самых близких ей людей. Десанка Максимович говорит в ней о том, что любая долгая жизнь оборачивается летописью потерь, что неминуемо наступает пора подведения последних итогов, суда над собою, приходит трагический час конечного одиночества человека перед неизбежностью ухода из мира людей. Личные утраты определили автобиографический характер книги, придали ей элегический тон: слово поэтической исповеди как бы ориентировано на тот отрезок времени, который осталось пребыть на земле и с живыми человеку, уже отшагавшему восемь десятилетий.

Можно сказать, что лирический мир сборника обладает несколькими временными измерениями. В одном любое жизненное впечатление обретает

¹ Там, где не указан переводчик, перевод автора статьи.

Смысл прощания, становится наполнителем стремительно уходящего, истекающего времени. В «стране ничьей» почти рельефно обозначено каждое мгновение, подчеркнута его абсолютная ценность: «чем ближе время уходить, тем каждый миг дороже, золота дороже...». На другом полюсе этого мира возникает некий временной сгусток, в котором годы и десятилетия спрессованы в огромные пласты памяти:

Под огромной плитой времени,
под золою угасших дней,
за метелью забвенья
мертвое воспоминание
вдруг встрепенется
и потянется к небу росток,
живой — как живо бывает зерно,
что в глыбе льда погребено...

(«Воскресшее воспоминание»)

Сборник построен как дневник воспоминаний, разрастающихся в многоплановую картину большой, нелегко прожитой жизни с ее радостями и драмами, страстями, заблуждениями, разочарованиями, счастьем и трагедией. Способность проникнуться чужой болью и радостью, как своею собственной, составляющая сердцевину лирического дара поэтессы, властно вывели ее за пределы замкнутого круга одиночества. Постепенно, исподволь в книге набирает силу мысль о связи человека с теми, кто был рядом с ним, не рвущейся и после их ухода из жизни. В повести о личных утратах («Когда уходят матери наших матерей», «Дом человечий», «Поэт» и другие стихи) крепнет убеждение в том, что в бесконечной веренице сменяющих друг друга поколений нет случайных звеньев. И человеческая жизнь, раскрытая художником в ее причастности ко многим и многим судьбам, уже не вмещается в рамки привычного, обыденного календаря, ее не измерить одними только днями и годами. Тревожный ритм истекающего частного времени, столь отчетливо слышимый в этой лирике, перекрывается иными ритмами — мощным гулом времени большого, всеобщего, вечного.

Эти новые ритмы могут быть зловещими, могут вторгаться в естественную картину мира и смещать ее — так бывает, например, тогда, когда личная память поэта вырастает в память человечества о трагедии двух мировых войн, потрясших в XX веке планету. Так, в стихотворении «Запись о войнах» страшные приметы предвоенной поры складываются в обобщенный, философски значительный образ, раскрывающий общечеловеческое, в веках сложившееся представление о войне как о зле и насилии, чуждых самой природе жизни:

И каждый раз в капун войны бывало:
седое воронье над нивой скрежетало
и рвались псы с цепи.
И человек
грозил другому человеку.
И если б кто-то вслух сказал слова,
которыми набрякла тайная молва,
то от него бы все бежали в страхе прочь.
И сад ронял червивые плоды,
и колосом пустым сухое поле колыхалось.
И рвались псы с цепи.
Так всякий раз перед войной случалось...

Эти новые ритмы могут быть и прорывом «в страну ничью, где пересчитаны удары сердца, шаги и часы» времени, устремленного только вперед, — времени природы в ее вечном движении, смене рождений и смертей, обновлений. Здесь, собственно, и скрыты доминанты лирического видения Десанки Максимович последних десятилетий, его внутренние движущие силы, наполняющие древний мотив быстротечности жизни новым, философски масштабным содержанием. Поэтесса стремится выразить в поэтическом образе включенность человеческого «я» в неиссякаемый поток живой и неживой материи и в самом этом единстве преодолеть то, что поэт Д. Самойлов назвал в одном из своих стихотворений «однократностью бытия». Отсюда — и пульсирующее в стихах «Ничьей страны» желание сломать преграду, разделяющую творчество и жизнь, найти их общий корень.

И первый мой день наступил,
 биллиардами дней предугадан.
 И свет ослепительный неба,
 как чудо, открылся.
 И детство взметнулось —
 вихрем снежинок и радуг,
 и царством существ бессловесных
 с тайной печалью на лицах,
 и были мы с миром одним существом
 и на одном языке
 говорили...

■ Так — утверждением человека наследником тысячелетий истории мира — начинается стихотворение «Лирическая родословная», ключевое в сборнике, обобщающее путь, пройденный человеком и поэтом, и как бы продолжающее его в бесконечность будущего. Человеческая жизнь увиденна в нем под двумя углами зрения одновременно — как естественное существование в мире земном и как бытие в мире творчества, поэзии. Она прослежена здесь с ее «первого дня» и измерена ее привычными мерами — детство, молодость, зрелость, старость. В соответствии с ними меняется мировосприятие его героини: от детского ощущения растворенности «я» в огромной вселенной («... и были мы с миром одним существом...»), в которой едва заметные движения, шевеления, порохи сплетаются в таинственный, но исполненный высшего смысла обряд жизни («Я каждого шороха скрытое знала значенье...»), до горького признания: «Я узнала: смерть — моя ближайшая соседка, куда ни повернусь — везде ее дома, ее окно глядит в мое окно...». Эта поэтическая ретроспекция сращена в произведении с лирическим повествованием о том, как необъятная вселенная, входя в человека, как бы сливаясь с его душой, вызывает к жизни мир новый, особый, существующий по своим собственным, внутренним законам, — мир поэзии:

И молодость вспыхнула —
 вдруг —
 словно лес, раскаленный июлем.
 И раскатами летнего грома
 грянул жизни призыв.
 И было надежд и предчувствий круженье,
 тайны были и были разгадки,
 были взлеты мечты и были крушенья,
 и явились слова на страницы тетрадки,
 и неожиданно-негаданно

рифмы пришли.
 Если камень я в реку бросала,
 они откликались,
 и горное эхо гремело, их повторяя,
 и песни слетались ко мне —
 птиц испуганных шумная стая,
 и гущу ветвей и туманов, и трав
 я тревожила, я ворошила,
 и мысли, как пчелы, клубились.
 И роем пчелиным слова зазвенели...
 ...И было в монахини пострижеенье.
 Как будто кто-то огненным мечом
 меня остановил и приказал цвести словам
 и слово зачинать.
 Я сотворила мир —
 не на земле, не в небе —
 свои пучины и свои материки,
 и много солнца.
 И его я поселила
 в пучине сердца своего...

Песня прощания вырастает в книге Д. Максимович в сложную и полную картину мира, созданную мужественным художником, плененным красотой жизни и утверждающим ее величие. Человек приходит в мир, чтобы уйти, но мир входит в человека, чтобы остаться — в делах людских, в стихах, в песнях:

...И подумалось мне,
 существующей рядом со смертью:
 время руки скрестить.
 Время просто смотреть.
 Время просто смотреть в миллиарды галактик.
 Просто слушать отклики сердца
 звону пространства.
 Но вновь
 в мир тревог и бессонниц призвала меня,
 взбунтовавшись во мне, демонов лирики стая.
 И снова песня была.

(«Лирическая родословная»)

Философские и эстетические искания многих югославских поэтов в последнее десятилетие воплотились в лирический пантеизм, опирающийся на идею кровной связи человека со всем живым и неживым в мироздании. Древнейшая поэтическая традиция, связавшая человека и природу, явилась здесь в новой ипостаси: природа перестала быть запасником подобию, аналогов, в котором поэт находит «дубли» переживанию, сместились издревле свойственные лирике параллельные планы жизни души и естественного мира. Осмысление бытия как диалектического единства многих противоположных начал выражается в живом, сложном единстве человеческого и природного, обладающем способностью существовать в большом, «планетном» времени. Этот лирический пантеизм присущ мироощущению далматинца Марина Франичевича (сб. «Жажда желтых отмелей», 1974; «Защита пространства», 1975), серба Стевана Раичковича (сб. «Записи», 1974; «Записи о черном Владимире», 1975; «Стихи», 1978), словенца Янеза Менарта (сб. «Под знаком чумы», 1977), хорватской поэт-

тессы; «Весны Парун (сб. «Сто сонетов», 1972; «И прохожу я жизнью», 1972; «Мне стыдно умереть», 1974; «Свинцовый голубь», 1975; «Стихи», 1979), молодого боснийского лирика Райко Петрова-Ного (сб. «Беззаконие», 1977; «Горы и истоки», 1978) и многих других поэтов Югославии.

Характерно в этом плане творчество молодого македонского поэта, представляющего опыт своего поколения, — Радована Павловского (род. в 1937 г., автор книг «Засуха, Свадьба, Переселение», 1961; «Корабль», 1964; «Высокий полдень», 1966; «Солнце, о котором змея не знает», 1972; «Пир», 1973), опубликовавшего во второй половине 70-х годов поэтические книги «Зерна» (1975) и «Молнии» (1978).

О Р. Павловском немало написано в югославской критике. И все, сказанное о нем, несет на себе печать своеобразной двойственности: говорят об ощущении соприкосновения с истинной поэзией, вызываемом каждым его новым сборником, пишут о его лирике как об одном из самых заметных явлений в литературе Македонии; но когда речь заходит о том, что же именно хотел сказать поэт своими образами, в которых «библейски простые» символы сплетаются со сложными ассоциативными построениями, формулировки критиков становятся расплывчатыми, ускользающими². Основное впечатление от книг Р. Павловского — образ красочного, светлого, но как бы ускользающего мира.

«Отворите дверь всему живому», — написал Р. Павловский в одном из ранних своих стихотворений. Любовь к каждому проявлению жизни на земле — это, пожалуй, исходный постулат лирического мышления поэта. Все живое — сама жизнь — как бы тождественно в его представлении стремительному движению и ослепительному свету.

Лирика Р. Павловского — стихия, в которой «камень обернулся скитальцем-ветром» и «меж горных громад ветра вьется веретено», в которой «чем ночь темнее, тем моя легучая звезда светлей и ярче» и где «свободной, словно быстрая вода, должна быть песня». Может показаться, что не существует констант, способных укрепить этот воздушный, почти неуловимый мир, как бы сведенный к порыву ветра, к вспышке молнии, к краткой жизни стремительно расцветающих и столь же стремительно увядающих растений, к полету птицы, прозрачности родниковых струй; что созданием образа таинственного, постоянно меняющегося и словно бы мерцающего мира исчерпывается задача поэта:

Вот и все мое достояние:
Ветер и молнии игла,
Яркий шпиль молнии, пронзающий
Сонный пласт времени...

(«Достояние», сб. «Молнии»)

В этой строфе, однако, уже заложен ключ к пониманию поэзии Р. Павловского: «сонный пласт времени» — тема, к которой этот певец вечных перемен возвращается с постоянством, заведомо не случайным. Время предстает в стихах Р. Павловского то гигантской глыбой реликтового льда, в глубине которого мерцает загадочное пламя прошлого («Ледник»), то — невидимой и неслышной рекой, медлительно несущей свои воды мимо изваянием застывшего на берегу могучего буйвола («Достояние»). И всегда в этих образах есть призыв неподвижности, неизменности. Всего чаще время видится поэту некоей необъятной, словно бы вязкой массой, в которой, как на срезе археологических раскопок, вдруг открывается

² Критик М. Джурчинов, к примеру, пишет о «нарочито дисгармоничных, своеобразных и чистых поэтических картинах Р. Павловского» [2].

взгляду какой-либо древний предмет — «осколок» былого, молчаливый свидетель таинственных событий минувшего. Тяжелая толща времени как бы вобрала в себя материальное и духовное — «песок и камень, грезы и любовь», впитала смутную память народа о пережитом — о стихийных бедствиях, опустошительных вражеских нашествиях, кровопролитных сражениях:

Кто знает, от каких времен осталось,
Чьей брошено рукой;
Оружие, ржавеющее под ливнями и солнцем,
Стон глухой вползает в грезу
Народов целых, целых поколений.
И под железом мертвым — мертвая земля...

(«Оружие», сб. «Зерна»)

Сходные образы можно найти в творчестве видного прозаика и поэта Славко Яневского, в лирике Ацо Шопова, Матеи Матевского и других македонских поэтов. Движение и свет, возобладавшие над временем, пробившиеся сквозь мощные и немые его толщи — основная идея поэтической философии Р. Павловского. Отсюда — и «яркий пшиль молнии, пронзающий сонный пласт времени», и дерево (издревле получившее в литературе символическое значение земного бытия, стремления к познанию мира), вырастающее «на огромных пространствах Времени, где некогда страдали и сражались» («Синтаксис молнии»). Отсюда и сквозные образы поэзии Р. Павловского — зерно, символ предельной концентрации, сгустка животворящих сил, кажущихся чем-то застывшим, мертвым, безликим, но способных дать начало новой жизни, продолженной в грядущее, в бесконечность, символ вечного, скрытого во всем преходящем; корни, символ кровной связи всего живого с родной землей, связи, которую не способно расторгнуть время:

Судьба времени
Вросла в мой корень.
Мой год, мой миг, моя пора придет
И будет буйство жатвы.
И из всего, что ныне спит во мне,
Мой сложится гимн.

(«Брошенное зерно». сб. «Зерна»)

Словно струи воды или света лучи,
к сокровенным глубинам земли
пробираются Корни
и бездонные очи цветов к небесам поднимают.
Кровь народа, что землю питала мою
в беспощадные лета нашествий,
бьется в жилах Корней,
переплавивших вражки клинки и доспехи
в бронзу хлебного поля.
Ни столетья, ни войны, ни руки владык чужеземных
вырвать их не могли из земли,
плодоносящей вечно.
Бьется в жилах моих та же кровь.
Та же кровь в моей песне струится.

(«Корни», сб. «Молнии»)

Еще одна особенность дарования Р. Павловского — обостренное чувство цвета. Поэт стремится, с одной стороны, к яркой, сочной палитре, пренебрегает полутонами, оттенками — качество, в котором сказалась традиция устного народного песенного творчества. С другой стороны, ему присуще умение улавливать «внутреннюю форму» цвета, воспринимать один тон в другом, видеть «в пене расцветающего сада — огонь и уголь» — свойство, восходящее к открытиям живописи новейшего времени.

В книге «Зерна» есть стихотворный цикл, посвященный Винсенту Ван Гогу. Обращение поэта к образу голландского живописца, того, кто, как сказано в одном из стихотворений, «ключи от цвета с собою носит», не случайно. Р. Павловскому близка, по-видимому, самая сущность творческих исканий великого художника, стремившегося передать на полотне, говоря словами его самого, «не позу, а жест» — не состояние, а действие, движение. Поэту близко и острое ощущение слитности, единства человеческого и природного, составляющее характерную черту мировосприятия художника; понятен ему, очевидно, и напряженный поиск связи цвета, света и движения, отличающий творчество Ван Гога:

Нет, это не краски.
 Это — звездные волны,
 это — скрытая дрожь горных громад,
 это — колыхание нивы.
 В громовых раскатах твоего Духа
 трубные звуки слышны — гимны Природе...
 Ты умеешь извлечь
 из пены расцветающего сада
 огонь и уголь,
 из камня — жатву,
 из искры подземной — звезду...

(«Гимн красок», сб. «Зерна»)

Жизнь и смерть, извечная диалектика бытия, виделись Ван Гогу в образах Сеятеля и Жнеца, встречающихся во множестве вариантов на его полотнах. Один из центральных мотивов его творчества — крестьянин, широко шагающий по вспаханному полю, размашисто бросающий в почву зерно. За фигурой человека, земной, коренастой, озаренной огромным солнцем, обещающим золото будущих урожаев, словно бы поднимается, как замечает один из исследователей творчества художника, иная — «образ Великого Сеятеля — природы, вечного источника жизни». Живописные образы Ван Гога и подсказали, может быть, Р. Павловскому его символы и метафоры — зерна, прорастающие в камне, ожидающие во чреве земли своего часа, «впитавшие в себя влагу океанов и твердь континентов», «жатвы вселенские, необъятные — как солнце, зачатые в борозде и в мечте, и — в моей песне...» («Восстание зерен»). Но истоки его лирического дара — в нерасторжимой связи поэта с народным укладом жизни (сущностью жизненной деятельности многих поколений земляков Р. Павловского, родившегося и выросшего в затерянном в горах селении Железная Река, было именно умение «извлечь... из камня — жатву»), в понимании исконной причастности тяжелого крестьянского труда к сокровенным тайнам земного бытия. Спелые хлебные поля видятся поэту апофеозом вечно свершающегося праздника жизни. В стихотворении «Рожь» образ волнующегося ржаного поля сопрягается в представлении поэта с Временем, Вечностью:

Рожь, которой засеян мой каменистый край,
 расцветает клейкими цветочками на склонах гор.
 Ее запах разносят раскаты грома — это случается
 обычно в июне, когда созревают зерна.
 Человек, чей взгляд погружен
 в зеленые и желтые волны ржаного поля,
 видит, как по ним пробегает Время.
 Эту рожь, связанную в снопы,
 носят на закате на гумно, носят на спине —
 чтобы стихли дневные горести,
 носят на плечах крестьянские женщины и дети...
 ...И срастаются они с древним родом ржи,
 который зачинался в камне и отделился от него,
 как когда-то отделилась и моя жизнь
 от тьмы и небытия...

Сущность такого художнического поиска — поиска коренных начал, объединяющих «я» и мироздание, связей каждой частички живого с необъятной, вечной вселенной подразумевает широчайшую клавиатуру поэтических средств — от самой смелой метафоры, сталкующейся противоположные «заряды» смысла в новом единстве, до образа аскетической простоты, «самодостаточной» ясности, отражающего стремление художника прорваться к первоосновам, первоэлементам бытия, освободившись из-под власти хаотических, случайных впечатлений.

И закрепляя в слове чувство свободы и вечности, которое дает человеку сознание его единения с природным миром, поэзия не может не быть обеспокоенной тем, что грозит этому единству распадом. Поэтому и сами эти случайные связи, наслоения обыденности, гуща повседневных наблюдений далеко не всегда отметаются лирикой как заведомо несущественные. Часто они служат своего рода отправной точкой на пути постановки новых значительных вопросов, ложатся в основу конфликтов, острых противоречий, помогающих поэтам раскрыть сложный внутренний мир современного человека. Истинный характер отношений людей друг с другом и с миром проступает как бы сквозь толщу вторичных напластований. Иными словами, самая способность или неспособность человека освободиться от всего неважного в повседневности, увидеть в ней ее высокий смысл все отчетливее осознается одним из критериев нравственной оценки личности. В самом широком виде эту тему современной поэзии можно определить как тему «испытания мирной жизнью», обыденностью, бытом. Десанка Максимович первой, может быть, в югославской поэзии заговорила об этом в одном из стихотворений сборника «Прошу помилования» (1963), с горькой иронией призвав людей к снисхождению к тем, «что думают, будто свобода — то лишь только, что можно добыть оружейем»:

Прошу...
 за тех,
 кто едва лишь люди мирно вздохнут,
 едва лишь увидят, что проясняются дали,
 что турки с мадьярами с нами боев не ведут,
 тотчас попадают в неволю к вещам,
 к тому, чем они, как отшельники, пренебрегали,
 ко всему, с чем они воевали...

(«В защиту тех, кто храбр. лишь погибая», пер. М. Алигер)

Своим путем приходит к этой проблеме и по-своему решает ее в новой книге стихов «Дикое око» (1978) поэт Юре Каштелан. Каштелан — один из ведущих мастеров поэтического слова Хорватии, драматург, эссеист, переводчик. Каждая его книга, начиная с первой («Красный конь», 1940), увидевшей свет в канун войны и запрещенной королевской цензурой, была событием в литературной жизни страны. Признание пришло к нему в годы сражений, когда стихи молодого поэта, в ту пору — партизана, участника народно-освободительной борьбы с гитлеровскими захватчиками, стихи о свободе, ратном братстве, будущем быстро находили путь к сердцам его товарищей по оружию, становились народными песнями. Послевоенные поэтические сборники Каштелана («Петух на кровле», 1950; «Быть или нет»; 1955; «Немного камня и много мечты», 1957; «Избранное», 1964; «Звездная ночь», 1966) не раз отмечались общегославскими и национальными литературными премиями. К советским читателям лирика Ю. Каштелана пришла в переводах М. Павловой, Ю. Мориц, Ю. Левитанского. Вершина художественных завоеваний поэта — трагическая поэма «Тифозные», посвященная подвигу борцов за свободу (русский перевод В. Виноградова).

Глубоко проникший в поэзию XX в. конфликт одухотворенного и бездушного, вызванный стремительным наступлением технического прогресса, властно навязывающего человеку свои законы и темпы, определяется в сегодняшнем творчестве Ю. Каштелана противоречием «человек и вещи». В заглавной метафоре последней его книги — «Дикое око», слышен призыв протеста против некоторых сторон современной цивилизации, цивилизации гигантских городов и мощных машин, отрывающей человека от его естественных корней, разрушающей его исконное единство с природным миром. Но не раз звучавшего в философии и литературе призыва «назад, к природе» в ней нет: она может пониматься и как естественный, не опосредованный вторичными впечатлениями и связями взгляд человека на мир и себя в нем, и как своего рода символ бездуховности, нравственного окостенения личности: ибо абсолютная власть предметов потребления над тем, кто их производит, — тоже дикость.

Двойственность заглавной метафоры повторяет своеобразную двойственность художественного мира книги. Ее лирическому герою, как и лирическому герою Д. Максимович и Р. Павловского, свойственно ощущение времени как гигантского всеобщего потока, властно захватывающего большое и малое, живое и неживое, одухотворенное и неодухотворенное:

Все, что исчезает, превращается в свет —
птица в ее стремительном кружении,
огонек надежды на вершине утеса.
Все, что было, не быть не может: продолжается,
возрождается одно в другом, в земле земной Земли...

(«Светильник Земли»)

И человек, который мыслится Каштеланом прежде всего как человек-созидатель, приобщен к вечному времени мира именно через свою способность к творчеству:

Синий камень и не узнает, что я ушел.
Он — вне времени, он может без меня.
Ветка шелестящая, вечное небо —
могут без меня.
А я не могу без их смертоносной любви.
Только умирающее слово превращается в память.

Так и моя безжизненная песня, как зернышко жита,
оживет в новых жатвах.
Сладкий каравай на соленой слезе замешан.

(«Быть и будущее»)

Но на другом полюсе лирического видения Ю. Каштелана возникает, как бы в противовес сложному единству человека с природой, своего рода сфера суррогатов, муляжей, масок, псевдоэквивалентов, подменяющих живое разнообразие жизни. Это некая «страна Нигдешина» — мир, лишенный естественных корней, «истока и устья», как сказано в одном из стихотворений. Поэт рисует гротескный образ страны вещей, созданных человеком, но словно бы вырвавшихся из-под его власти и вытесняющих из своего мира все живое, все духовное. Этот мир опасен — ибо, разрастаясь, он превращается в стену, разделяющую человека и природу; он тем более опасен, что по-своему — совершенен, все в нем — «как настоящее». Есть в «Нигдешине» и свои цветы, деревья, птицы: в миниатюре «Чучело», например, возникает образ механической, однообразно щебевающей птицы («Эти перья — не перья, хотя и дрожат, как перья...»). Есть в ней и своя «поэзия», тоже «совершенно как настоящая», но существующая вне человеческого чувства, как некий его заменитель:

Мелет крупно и мелко
На всех языках,
Во всех направлениях,
С божьей помощью
И без,
По вдохновению
И без него,
Все, что можно и чего нельзя,
На этом языке можно.
Словом, — совершенство.

(«Мельница слов», цикл «Распродажа»)

Это и есть основная антитеза, организующая лирический мир книги: бездушное царство ненастоящего, мир видимости, «кажмости» в его противопоставлении подлинности, естественности. Здесь — завязь главного вопроса, волнующего сегодня Ю. Каштелана: поэзия — химера или истина? маскарад слов, никчемная продукция чудовищной «мельницы слов» или присущая человеку способность проникнуть в тайны мироздания?

Ключевой образ лирики Ю. Каштелана, в котором сконцентрировано активное, действенное начало его дарования, — устремленный к далекой цели всадник, отдавшийся стихии движения. С самого начала творческого пути поэта, с первого его стихотворного сборника, названного «Красный конь», можно проследить в его поэзии вариации этого мотива:

— Эй, всадник, всадник мой,
длина твоя дорога? и где
твоя звезда?
Ты слышишь ржанье? И барабан. И топот.
И лезвий звон.
Ты слышишь, конь мой милый?..

(«Всадник», пер. Ю. Морич)

Всадником, озаренным солнцем, является поэту память о прошлом: «Товарищ юности моей, откуда явился ты на пламени коня?» («Все, что

рождается, несет свою кончину», пер. Ю. Мориз). И мысль об устремленной в будущее эстафете поколений: «Если вернется взмыленный конь издалека, его напои ты, уздечку укрась для нового седока...» («Безымянный», пер. М. Павловой). Пристальная сосредоточенность художника на сокровенных связях поэзии и бытия вызывает к жизни новую ипостась ключевого каштелановского образа-мотива. Мысль о жизненной основе истинного творчества воплощается в стихотворении «Как это случилось» в фигуре могучего кентавра, «окрыленного солнцем и Дионисом», прозревающего «все предсказания, начала и концы богов и людей». Утверждение кровной причастности искусства к вечному потоку жизни — стержень лирической философии, развернутой в новой книге хорватского поэта.

Трудно поставить рядом с именем Ю. Каштелана имя его более молодого соотечественника, хорватского лирика Славко Михалича (автор книг «Камерная музыка», 1954; «Дорога в никуда», 1956; «Щедрое изгнание», 1959; «Время года», 1961; «Любовь к действительной земле», 1964; «Изгнанная баллада», 1965; «Озеро», 1966; «Сад черных яблонь», 1972). В 60-е годы С. Михалич был ведущей, может быть, фигурой направления «интеллектуальной» поэзии. Разнятся и стилевые манеры Каштелана и Михалича. Каштелан лаконичен, лапидарен. Символы его поэзии тщательно очищены от всех второстепенных, косвенных значений, тяготеют к знаку: слово как бы очерчивает контур явления, которое читатель сам волен конкретизировать, расцветить. Поэту, к примеру, достаточно сказать:

Земля и камень. Дерево. И человек.
И птицы, птицы, птицы, птицы, птицы...

(«Стол жизни», сб. «Дикое око»),

чтобы возникла картина, которая, если употребить сравнение с изобразительным искусством, отличается скорее графической четкостью, чем живописной яркостью.

В символике лирического языка С. Михалича связи с конкретностью всегда очевидны, всегда подчеркнуты. У поэта есть любимые деревья (каштаны), любимые предметы (часы, книга), любимые цветы и птицы. Ему свойственна акмеистическая чуткость к звуку, запаху, оттенку, а особенно — к бытовой детали, к вещи, ко всему тому, на чем обычно не заостряется внимание. Поэтический мир последнего сборника стихов С. Михалича «Ловушка для воспоминаний» (1977) чрезвычайно густо «заселен» вещами. На первый взгляд, именно они, их бесшумный голос — главное в этой лирике, в то время как люди словно бы отодвинуты на второй план, вытеснены «вещностью»:

Чай на столе. Никто не произнес ни слова.
Вот только ярче засверкали вещи.
Часы стенные. И сундук. И накрахмаленная юбка
какой-то женщины или какой-то куклы...

(«Послеобеденный чай»)

Кажется, что любое пространство, попадающее в поле зрения поэта, ограничивается и сгущается, до отказа наполненное примелькавшимися лицами, предметами, — можно говорить о стремлении создать некий образ тесноты, гуащи: если дом, то «дом, гостями переполненный», если тишина, то «от слишком густой тишины лопаются барабанные перепонки», даже если мир, то «мир кончается на углу...». Обострению нарочитого желания сузить пространство служит постоянное присутствие в поэзии С. Михалича своего рода геометрии, воплощающей идею заданности, огра-

ниченности. Власть мира прямых линий, углов, осей резко вторгается в непредсказуемое разнообразие жизни: «Каждая ветка вращается вокруг нескольких осей...» («Дикий каштан»), «Слишком узка квадратная рама дня...» («Просто: день»).

Однако эта концентрация самой идеи заданности обманчива, ибо не к ней идет поэт; напротив, он от нее отталкивается. Замкнутая сфера, в которой господствуют вещи, символизирует гнет и насилие над личностью, тюрьму, клетку. Вещная, бытовая теснота окостеневает в скорлупу, тут-то и превращается «какая-то женщина в какую-то куклу», лицо — в маску. Случается в этой лирике и обратное: вещь-оборотень притворяется человеком, подменяет его. Это происходит, например, в стихотворении «Красавица сходит с плаката», в котором рекламная картинка, символ расхожих представлений о красоте, «оживает», превращается в целую армию одинаковых, словно бы с конвейера сошедших женщин, подчиняет себе людей.

Человека, — утверждает поэт, — не способного сломать панцирь быта, не умеющего найти выход в большой мир, неизбежно ожидает крах. В арсенале С. Михалича, доводящего до абсурда апологию вещиности, — гипербола, фантастика, сатирический гротеск. Мир как бы раздваивается, на одном полюсе возникает некое нагромождение примелькавшихся предметов, заурядных впечатлений, расхожих мнений, загустевших в страшную скорлупу, на другом — нечто, из ряда вон выходящее, изнутри взрывающее и уничтожающее душное пространство. В стихотворении «Мир кончается на углу» — это призрак Петрушки Керемпуха (героя снискавших европейскую известность баллад классика хорватской литературы М. Крлежи), площадного скомороха и провидца, вестника надвигающейся катастрофы, предсказывающего гибель всему, что превращает человека в раба. В гротескной миниатюре «Раздвоение» таким символом абсолютного действия, раскованности является пожар:

...Втиснусь в шкуру старого каштана
(правда, тотчас прибегут дровосеки).
Заберусь под кровать,
буду спички зажигать.
Кровля занялась.
Вспыхнули ветки.
Город горит.

Есть, разумеется, у поэта и менее экстравагантные «способы» выхода из искусственного, ненастоящего мира. Михаличу присуща способность увидеть в привычном, обыденном — поэтическое, сказочное. Так рождается лирическая история о маленьком гостеприимном трамвае, вынужденном передвигаться только по кругу рельс, но мечтающем о гнезде в ветвях высокого каштана («Ночной трамвай»). Поэт умеет проникнуться высшим смыслом тех явлений повседневности, которые издревле получили в человеческом сознании значение первоэлемента, первою клетки бытия. Так, в стихотворении «Хлеб на столе» поэт, обращаясь к своему невидимому противнику, говорит о готовности выслушать приговор своему творчеству «пред тем, что долговечней всех знамен — пред этим темным караваном хлеба». И можно сказать, что в творчестве С. Михалича последнего десятилетия наметился поворот к «земным», актуальным темам; что его поэтическим словом управляют импульсы, соотносимые с ведущими началами лирики Ю. Каштелана: отрицание всего искусственного, застывшего, неприятие любых «масок», духовных стандартов, любых суррогатов, подменяющих жизнь, стремление к подлинности, непосредствен-

ности человеческих отношений. Чувство, вызывающее к жизни образы, можно определить словами, ставшими названием одной из книг С. Михалича — «любовь к земле земной».

Еще одно яркое проявление роста философского потенциала поэзии — повышение внимания поэтов к национальной истории. Все чаще она понимается не как самоценный объект творческой мысли, а как ключ к постижению истин, значение которых выходит далеко за рамки времени, привлечшего художника. Именно такой подход к историческому прошлому страны характерен для югославских прозаиков XX в. — И. Андрича, М. Селимовича и других. С появлением в 1963 г. книги стихов Д. Максимович «Прошу помилования. Лирический спор поэта с Законником царя Душана» атмосфера этого поиска прорвалась в поэзию [3]. А с выходом в свет книг «Евангелие от Лукавого Пейо» (1966) С. Яневского, «Летопись потомков Перуна» (1976) Д. Максимович [4], «Княжеская канцелярия» (1976) Р. Зоговича само явление уже не может считаться случайным в лирике.

С творчеством черногорца Радована Зоговича, в довоенном прошлом — подпольщика, потом — партизана, участника всенародного сражения с фашистскими оккупантами, советские читатели знакомы по книге избранных стихов «Упрямые строфы», предваренной вдохновенным предисловием Назыма Хикмета, по переводам Л. Мартынова, М. Зенкевича, Н. Тихонова, Д. Самойлова, Б. Слуцкого, Р. Рождественского. Подобно тому, как делом жизни поэта-коммуниста стала борьба за торжество идеалов новой жизни, главной темой его поэзии стала тема борьбы за свободу.

Радован Зогович понимает историю прежде всего как историю многовековой борьбы людей с насилием человека над человеком. Обращаясь в книге «Княжеская канцелярия» к прошлому сербского народа, поэт останавливается на чрезвычайно насыщенном и сложном отрезке его истории и на одной из самых противоречивых ее фигур — на времени правления Милоша Обреновича. Обренович выдвинулся в годы Первого сербского восстания (1804—1813) — первой национально-освободительной революции на Балканах. Восстанием предводительствовал Георгий Петрович, прозванный в народе за крутой нрав и яркую внешность «Черным» — Карагеоргием, — уроженец Шумадии, в прошлом гайдук, участник австро-турецкой войны, бесстрашный и хитроумный военачальник, личность, значение которой в истории Сербии Ф. Энгельс определил словами «основатель сербской независимости». Зажиточный купец Милош Обренович вместе со своим старшим братом Миланом руководили повстанцами в одном из округов страны.

В 1815 г., два года спустя после поражения Первого восстания, в ответ на попытки турецких властей вернуть былое могущество в Сербии, в стране поднимается новая волна освободительного движения. Вождем Второго восстания избирается Милош Обренович. Результатом нескольких побед повстанческого войска, одержанных под его началом, были состоявшиеся в конце 1815 г. переговоры между Милошем и белградским визирем Марашли-Али-пашой. Долгое время единственной правовой основой отношений Сербии с Турцией оставалось заключенное ими устное соглашение, по которому Милош Обренович назначался верховным князем Сербии, а его соотечественники получали ряд незначительных правовых привилегий. Одной из них было право участвовать в суде наравне с турками: в Белграде был создан высший суд, названный Народной канцелярией.

Документы этой канцелярии, которая действительно очень скоро превратилась из «народной» в личную, княжескую, и послужили Р. Зоговичу основой для большого стихотворного цикла.

Период княжения Милоша был в истории Сербии порой своеобразного двоевластия: умело используя внешнеполитические затруднения Турции, чье могущество было сильно подорвано бесконечными войнами с Россией и Австрией, восстаниями в Греции, Албании, Боснии, Милош постепенно расширял сербскую автономию за счет сужения компетенций турецких органов власти. В этом смысле его политика соответствовала коренным интересам народа и была прогрессивна. Но Обреновичем двигала прежде всего корысть — стремление к обогащению (он и стал в очень краткий срок самым богатым человеком на Балканах) и стремление к установлению самодержавного государства (он и купил в итоге у султана наследственный княжеский титул, заплатив полмиллиона из награбленных у народа денег). Постепенно чиновники «Народной канцелярии» превратились в раболепных придворных князя, а сама канцелярия — в орган расправы с теми, в ком Обренович видел соперников. В борьбе за власть в полную силу проявились личные качества князя — его неслыханная алчность, его изуверская даже по тем полусредневековым временам жестокость, его лицемерие и коварство. Все это вызвало сначала глухой, а затем решительный протест крестьянских масс: бунты вспыхивали один за другим (и подавлялись со зверской жестокостью). «Отец и слуга народа» (так подписывался Обренович под своими указами) переродился в палача.

Обо всем этом и повествует в своей книге Р. Зогович. Во всем цикле нет, по свидетельству автора, ни одного стихотворения, за которым не стояла бы историческая действительность или письменное свидетельство того времени. Вместе с тем, событийная сторона отодвигается поэтом на второй план. Стихи, — пишет Зогович в послесловии к книге, — «возникли из более или менее свободной комбинации фактов и на их основе — как развитие их внутренней логики, как результат проникновения в среду, отношения и ситуации, в психологию, понятия и методы князя Милоша и его окружения». Духовная атмосфера первой трети XIX в., самый строй мышления, мироощущение князя и его приближенных воспроизведены в книге Зоговича с поразительной точностью, достоверны в каждой детали, в бытовой мелочи, языковой подробности. И, тем не менее, создание психологического портрета времени и портрета личности, воплотившей в себе сложнейшие процессы перехода одной общественной формации в другую, явилось для поэта хотя и важной, но не главной задачей.

Зогович начинает повествование с весны и лета 1817 г. Весной Милошем был раскрыт очередной крупный заговор против княжеской власти, бунтовщики во главе с воеводой Симой Марковичем были схвачены и уничтожены. А в июле жертвой князева коварства пал Карагеоргий, возвратившийся в Сербию с целью поднять новое восстание против турок. Карагеоргия убили и голова «основателя сербской независимости» была отправлена в Стамбул, султану — в знак дружбы, преданности, покорности. В самом начале книги есть стихотворение «Приятный князя Милоша разговор с головою Карагеоргия». За внутренним монологом Милоша, торжествующего победу над соперником, и вырисовывается сложный узор проблем, интересующих автора книги. Конфронтация двух «собеседников», один из которых повержен, мертв, а второй обладает не только жизнью, но и богатством, властью, славой, явилась внешним обозначением главного вопроса, поднятого Зоговичем, — проблемы подлинного и мнимого героя истории. Содержание книги при всей ее многоплановости и определено конфликтом между временно победившей властью, опирающейся на насилие, несправедливость, ложь, и теми идеями свободы, независимости, равенства, которыми вдохновлялось движение Карагеоргия, и которым — в преобразованной самой историей форме — суждено победить и утвердиться в грядущем. В рамках этого конфликта Зоговичем осмыслены

и другие философски масштабные понятия — власть и общественное благо, власть и личное достоинство, право казнить и миловать, распоряжаться чужой жизнью, мораль.

В одном из стихотворений книги Милош называет себя «героем новейшей истории сербской». Эта формулировка — не упущение автора, тщательно следившего за тем, чтобы его герои говорили языком своей эпохи. «Творец государства нового типа», «обновитель державы», «герой новейшей сербской истории» — это термины, утвердившиеся в консервативной буржуазной историографии, которая пыталась представить Милоша гуманным и мудрым государственным деятелем, добившимся кардинальных изменений современного ему общественного строя мирным, бескровным путем — реформами, законами, гибкой внешней политикой.

Произведение Р. Зоговича, по собственному его признанию, полемически заострено против подобной трактовки исторического прошлого его страны. Задачу особой важности поэт увидел в том, чтобы изобразить время «мирного правления» таким, каким оно было в действительности, — буквально пропитанным кровью жертв князя, число которых отнюдь не ограничивалось теми, в ком «гуманный правитель» видел соперников в борьбе за власть. Каждый документ канцелярии становился свидетельством преступлений князя против его народа. Чередой проходят перед читателем истории многочисленных крестьянских семей, обреченных на смерть неслыханными поборами, рассказ о страшной судьбе мальчишки-брадобрея, насмерть запоротого князем за пустячную оплошность, трагическая история вдовы священника Яники, полюбившей женатого односельчанина и расплатившейся за запретное чувство позором и смертью — по специальному приказу Милоша, чье распутство было открытым, а потому и известным всем. Вскрывая социальные противоречия, раздиравшие «государство нового типа», Р. Зогович и подходит вплотную к решению узлового, главного для него вопроса — вопроса о подлинном герое истории. И ответ на него имеет глубокий лирический, поэтический характер.

Судьбы истории вершатся не в канцеляриях. Книга Р. Зоговича построена таким образом, что стихотворные переложения документов неправого княжеского суда перемежаются стихотворениями, которые носят одинаковые названия — «Вне канцелярии». В них явственно слышны древние мотивы народных календарных, обрядовых песен, плачей, пританий. Большею частью это картины природы, которая, кажется, живет в произведении своей особой, таинственной жизнью. В ней постоянно совершается какое-то скрытое, исполненное загадочного смысла движение: миллионы молодых гибких побегов незаметно вырастают на месте погибшего могучего дерева; вековые дубы-исполины, разбросанные по равнине, вдруг сплетаются корнями и кронами — «солнцем в один тугой узел связанные»; наливаются соком и силой нивы и луга. Природа, изображенная Р. Зоговичем, копит, набирает силы, как бы готовясь к какому-то невиданной мощи взрыву, перевороту. И в самом сцеплении живых, мускулистых корней и ветвей, в густом переплетении трав, стеблей, упругих побегов, словно бы слившихся в единый могучий организм, ощущимо присутствие человека — труженика и бунтаря. Мирная песня крестьян, обрабатывающих кукурузное поле, вдруг оборачивается притчей о том, как «солнца ком золотой в землю упал, меж корней зарылся, в брус превратился», об этот кусочек солнца «мотыги точились, в ножи заострились» («Вне канцелярии: работа на кукурузном поле, которое сперва богу принадлежит, а уж потом турку»); светлое росистое утро, напоенное ароматами трав и цветов, внезапно запахло порохом («Вне канцелярии: рассвет на лугу Радованском»); весенний луг бережно хранит следы заговорщи-

ков, чьи изуродованные мертвые головы уже смотрят слепыми глазами с высоких стен Калемегданской крепости («Вне канцелярии: Арнаевский луг в канун весны»); стремительные ласточки — «заговорщицы, разведчицы, колдуньи» — оказываются в тайном стоворе с майскими ливнями, которые «ни князю, ни визирю не подвластны» («Вне канцелярии: майские дожди над Калемегданом»). Все живет в этом мире ожиданием взрыва, бунта, сражения. Жизнь природы становится в произведении Р. Зоговича образным синонимом жизни народа, чья неиссякаемая сила, мощь, воля до поры скрыты, но неизбежно заявят о себе в грядущем.

Рассмотренные здесь книги — очень разные. Нам и хотелось «свести» на этих страницах поэтов, разительно не похожих друг на друга, — чтобы яснее проступили крупные, неслучайные черты, их объединяющие: живое ощущение идеала, понимание активной роли поэзии в сегодняшнем мире, которому многое угрожает, напряженный поиск жизненной правды и философской истины, в основе которого лежит большое и осознанное чувство — любовь к Земле земной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверев А. М.* Философские и эстетические искания в поэзии стран социализма. — В кн.: *Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы*. М., 1977, с. 234.
2. *Гурчинов М.* Критички сведоштва (1953—1973). Скопје, 1976.
3. *Дорокина Р. Ф.* Поэзия Десанки Максимович. — В кн.: *Зарубежная литература и современность*, вып. 1. М., 1970.
4. *Кореневская Н. М.* Образ времени в поэзии Десанки Максимович. — *Советское славяноведение*, 1980, № 3.

ВИТТ В. В.

ПОЛЬСКИЙ РЕАЛИЗМ КОНЦА XIX ВЕКА И РОМАН БОЛЕСЛАВА ПРУСА «ЭМАНСИПИРОВАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

С 90-х годов XIX в. польская литература вступает в новый этап своего развития. Существенные изменения происходят в польском реализме. Они особенно наглядно проявились в творчестве молодого поколения прозаиков, вступивших в литературу под конец века и принесших обновленное видение мира, иной художественный темперамент и поэтические средства [1]. Но польская реалистическая литература вступала в новый этап не только благодаря притоку свежих сил. Новые ее качества, оперативно улавливаемые современниками, ярко проступали и в том, как менялось нечто, ставшее уже объективной данностью, целостной художественной системой.

Такой целостной художественной системой был для польской литературы конца века «старый», классический реализм Б. Пруса, Э. Ожешко, М. Конопницкой, Г. Сенкевича. Польская литература рубежа веков была отмечена активной деятельностью этих писателей старшего поколения, выступивших связующим звеном между новой литературной эпохой и классическим реализмом 60—80-х годов. Они жили и творили до начала второго десятилетия нового века, и их изменяющийся художественный мир продолжал оставаться неотъемлемым компонентом литературной действительности.

Но проблемы эволюции «старого», классического реализма, его роли и места в литературном процессе рубежа веков нельзя считать достаточно проясненными. Не решает вопроса в целом правильное, но достаточно общее положение о том, что наибольшие достижения этих писателей приходятся на 80-е годы прошлого века (когда были созданы такие эпохальные произведения как «Кукла» Пруса, «Над Неманом» Ожешко, «Трилогия» Сенкевича), а начиная с 90-х годов они постепенно теряют свои позиции в литературе.

Поэзия и новеллистика Конопницкой, «Без догмата» и «Крестоносцы» Сенкевича, «Фараон» Пруса несомненно относятся к тем вершинам польской литературы 90—900-х годов, без которых немисливо представить себе ее панораму. Но и ряд менее значительных произведений польских писателей старшего поколения не могут рассматриваться нами лишь как свидетельство кризиса и деградации «старого» реализма.

Создание великих произведений — не единственный показатель развития и обновления литературы. Подчас произведения, которые нельзя считать совершенными по форме, исполненные внутренних противоречий, отмечены печатью новаторских поисков и говорят о новом в развитии

литературы не менее, чем признанные ее образцы. И хотя в своем позднем творчестве польские классики не были, подобно Толстому и Чехову в русской литературе в полном смысле слова пролагателями новых художественных путей, их творческий опыт этих лет в высшей степени интересен для выяснения изменений, охвативших литературу.

Целью данной работы является попытка рассмотреть разнонаправленные тенденции, характерные для эволюции «старого» реализма в польской прозе рубежа XIX и XX в. на примере романа Болеслава Пруса «Эмансипированные женщины» (1894).

В момент своего появления произведение это вызвало самые разноречивые отклики. Было в нем нечто новое, не свойственное прежде творчеству Пруса и едва намечившееся в тогдашней польской литературе. Высоко, вровень с «Куклой», оценили его два таких разных критика, как историк и теоретик польского реализма П. Хмелёвский и пропагандист нового модернистского искусства И. Матушевский. Замечен был роман и левой, близкой к марксистским кругам литературной публицистикой: реализм, правдивость изображенных Прусом характеров отметил Л. Кшивицкий, упрекавший в то же время писателя в неспособности увидеть революционные силы польского общества. Книгой, «непригодной для чтения в доме, где тщательно и бережно воспитываются молодые девушки», назвал «Эмансипированных женщин» один из рецензентов консервативной прессы [2].

Современное польское и советское литературоведение, считая, что по художественной ценности «Эмансипированные женщины» уступают «Кукле», видит в этом романе свидетельство драматического мировоззренческого кризиса писателя, который под влиянием усилившихся классовых противоречий утратил веру в позитивистский идеал общественного прогресса. Высоко оценивая критический, бальзаковский реализм первого тома романа, последующие его части ученые склонны рассматривать прежде всего как большое идейно-художественное поражение писателя: «роман Пруса был очень чувствительным сейсмографом духовных перемен, сопутствовавших его написанию. Созданный в годы великого перелома, он с удивительной, прямо-таки хрестоматийной наглядностью демонстрирует процесс кризиса реализма и регресс части литературы на пороге империализма. Более того — выдвинем тезис почти парадоксальный — кривая идейной и художественной ценности очередных томов „Эмансипированных женщин“ как бы в сокращении повторяет линию развития польского романа второй половины XIX в. — от его вершинных реалистических достижений к более или менее явной защите существующего строя, к иррациональному и мистическому бездорожью» [3].

Приведенная цитата взята из написанной около 30 лет назад и с тех пор неоднократно переиздававшейся статьи крупнейшего современного историка и теоретика литературы Г. Маркевича, содержащей обстоятельный и глубокий анализ произведения. Его дифференцированная, но в целом суровая оценка общественной и художественной роли «Эмансипированных женщин» наиболее характерна для отношения к этому роману польского и советского литературоведения 50—60-х годов [4, 5]. И хотя за последнее время в польской научной печати появились работы, в известной степени признающие художественные искания автора «Эмансипированных женщин» (главным образом в области новаторских приемов композиции, перспективы повествования [6—8]), принципиальная оценка романа не подвергалась сколько-нибудь существенному пересмотру. Общее суждение об «идейно-художественном поражении» Пруса и о всеобъемлющем кризисе «старого» реализма на пороге нового века продолжает сохранять устойчивые позиц и в польской науке.

В значительной степени это связано с традиционной для польского литературоведения точкой зрения на реализм как на исторически ограниченный период в польской литературе, завершающийся к началу 90-х годов и уступающий свое место модернизму. В обобщающих исследованиях о литературе рубежа веков проблема реализма либо вообще не ставится [9], либо реализм рассматривается как плоскость соотнесения, одна из традиций, продолжаемых младопольской (модернистской) прозой [10—11]. Исключением на этом фоне является недавно выпущенная книга Г. Маркевича, посвященная польской литературе второй половины XIX в. [12]. Автор ее, во многом уточняя свои прежние воззрения, объективно приближается к признанию необходимости исследования позднего творчества старших реалистов в контексте новых историко-литературных условий.

Вопрос о судьбах критического реализма на пороге XX в., отмеченного великими социальными революциями и зарождением социалистического искусства, об определенных кризисных явлениях в нем и путях их преодоления относится к числу наиболее актуальных методологических проблем современного литературоведения. То обстоятельство, что он не сходит с повестки дня и в дискуссиях советских литературоведов, указывает на важность и неисчерпанность проблемы. Нельзя закрывать глаза на то, что сложнейшая и противоречивейшая историческая действительность начала века, сметающая многие старые представления и ставящая художника перед невиданным ранее масштабом революционных преобразований, вела к колоссальной ломке, подчас к движению вспять и в области художественного творчества. Но важно помнить, что симптомы кризиса в искусстве — понятие не однозначно отрицательное. Вопреки распространенному мнению, понятие кризиса — очень сложное, многоплановое, богатое разнообразным содержанием, в том числе положительным, ибо в муках кризиса, в попытках преодолеть духовно-мировоззренческий тупик, обрести новые творческие перспективы и рождается новое качество. Поначалу оно может быть лишь робким прообразом новаторского решения, лишь крупницей нового, небольшим вкраплением в сложное и противоречивое целое художественного произведения, но «достаточно, если более позднее, новое в каком-то отношении превосходит старое, дополняет его теми или иными существенными чертами... Новое — это иное, другое. Когда оно только зарождается, проходит стадию становления, оно обычно не превосходит старое по глубине содержания и выразительности формы» [13].

Задача историка литературы не может ограничиваться констатацией того, какие социальные и эстетические проблемы стали для писателя импрек камнем преткновения, как он (чаще всего иллюзорно, наивно — с нашей сегодняшней точки зрения) пытается их разрешить. Ученый обязан разобраться, чем была для того далекого времени сама постановка жгучих, не разрешенных в произведении (а может быть и неразрешимых в тех конкретных условиях) проблем, какой нравственно-эстетический урок вынесла, передала нам литература из взлетов и провалов, озарений и мрака великих кризисов прошлого.

Если, помня об этом, мы перечитаем «Эмансипированных женщин», которые бесспорно являются одним из наиболее «кризисных» произведений польской реалистической литературы конца XIX в., то у нас не сложится представление о «защите» писателем капиталистического строя. Неравноценность отдельных частей этого романа, его многослойность и многоаспектность предстанут не только как превалирование иррационалистических блужданий и наивных социальных ошибок над исходными реалистическими позициями писателя, а как исполненные драматизма,

поучительные в своем непрямом движении и в конечном счете плодотворные поиски литературой нового содержания и новых средств выражения.

В преддверии новой исторической эпохи со всей очевидностью обнаружилось банкротство позитивистского сциентизма, крах потерпели оптимистические иллюзии о возможности достигнуть социальный прогресс путем правильного, «органичного» развития буржуазных отношений, о решающей роли естественных наук и техники для подъема благосостояния, нравственного и духовного уровня нации. Ощущение исчерпанности определенных форм жизни, кризис социального оптимизма были очень остры у писателей старшего поколения, творчество которых формировалось в героический период варшавского позитивизма.

«Религиозные чувства исчезают из сердец, наука не удовлетворила умы, так называемые гуманные идеи оказались неспособными победить силы, им противостоящие. Отринутые от неба и бессмертия, мы убеждаемся, что знание не вручает нам молота, который разбил бы сжимающееся кольцо гнетущих нас тайн, что тысячи поколений вырабатывали понятия братства и справедливости для того лишь, чтобы сегодня на наших глазах сила попирала братство и справедливость» [14], — это признание, сделанное в 1896 г. Элизой Ожешко, было выражением разочарования и угнетенности не только самой писательницы, но и большинства ее литературных соратников.

В творчестве Пруса свидетельством растущего беспокойства и попыткой взамен утраченных иллюзий найти новый символ веры стал роман «Эмансипированные женщины». Прилежание и добродетель не вознаграждаются, честным людям все тяжелее становится заработать себе на хлеб, достойна сожаления судьба «эмансипированных» женщин, которых экономическая необходимость делает солдатами армии наемного труда, — к таким печальным итогам приходит писатель, некогда оптимистически смотревший на перспективы буржуазной цивилизации.

Так же как и вершина романного творчества Пруса «Кукла», новое его произведение явилось своего рода польской «человеческой комедией». Свойственный Прусу «дар „видения“ общественных организмов», «бальзаковское чутье социальных общностей» [15, с. 87, 89], отмечали многие его современники. Примечательно, что в рассуждениях о «социологическом» типе реализма Пруса ими высказывались тонкие замечания, касающиеся самой природы аналогий, типологических сходжений в литературе. «Само собой разумеется, что речь не может идти о каком-либо особом влиянии, ибо неизвестно даже, читал ли Прус когда-нибудь Бальзака, — писал, например, И. Матушевский. — Мы имеем дело, таким образом, не с родством „по выбору“, а со случаем какой-то врожденной близости двух аналогично — не одинаково! — организованных интеллектов. Как дуб, не теряя своей индивидуальности, может быть похожим на другой дуб потому только, что является дубом, так один писательский талант может припоминать другой исключительно благодаря тому, что оба принадлежат к одному духовному семейству. Это натуры в известной степени „конгениальные“: Бальзак, если бы он родился на Висле, может стал бы Прусом, а Прус на Сене — Бальзаком... Параллель между этими писателями может быть не выдержала бы критики, если бы мы взяли взвешивать и анализировать частности. Но контуры, очерченные в крупном плане, имеют много общего» [16].

«Души и деньги» (название одной из глав первого тома романа) — это главная проблема, главный ракурс предпринятого писателем исследования «водоворота общественной жизни». («Поэт — это тот, кто ясно видит и ясно описывает каждое течение в водовороте, называемом общественной жизнью», — писал Прус в 1891 г., во время работы над «Эмансипирован-

ными женщинами» [17]). Деньги еще всевластны в «Эмансипированных женщинах», как в произведениях Бальзака и Диккенса, и лишь отдельные люди, резко отличающиеся от своего окружения и непонятные ему, вызывающие насмешки, равнодушны к богатству и его благам.

Такая сосредоточенность на выявлении зависимости человека от материальных законов общества, где «люди гибнут за металл» — характерная черта европейского реализма середины XIX в., находящегося на стадии наибольшего соответствия термину «критический». Позднейшая реалистическая литература постепенно перестала доказывать эту аксиому социальной детерминированности, перейдя к следующему этапу — постижению разнообразнейших последствий и проявлений этой обусловленности в человеческой натуре, психологии, поведении. Человек стал трактоваться не как прямая иллюстрация общего социологического закона, а как одна из миллионов возможностей его проявления, одна из многократно осложненных разновидностей. По-иному стала разрабатываться тема собственности, образ стяжателя: вместо Гобсека — значительно более разносторонний в проявлении характера Сомс Форсайт и одержимые анти-собственники Г. Бёлля, вместо Чичикова и Плюшкина — отступник капитала Фома Гордеев.

Роман Пруса отражает ту стадию польского реализма, когда раскрытие прямых социально-экономических мотивировок поступков и судеб людей еще продолжало оставаться для литературы актуальной художественной задачей. Души, поставленные перед испытанием деньгами, души, погубленные деньгами, — это и гордая начальница пансиона пани Ляттер, разоренная и доведенная до самоубийства своими расточительными детьми, и соблазненная Казимежем Норским учительница Иоанна, и бедный почтовый чиновник Цинадровский, не перенесший оскорбительной измены невесты, которая предпочла ему богатого старика. «Разве не ясно, — писал в свое время С. Бжозовский, — что психология пани Ляттер, Норских, Сольских, Бжеских является отражением целой сети сложных социальных связей. Прус, так же как и Бальзак, не довольствуется созданием единичных образов. Он рисует целые социальные общности, преобразование и развитие которых формирует человека» [15, с. 87].

Мир, увиденный писателем в Варшаве и провинциальном городке Иксинове, где происходит действие романа, твердо живет по законам всевластия денег. Он опутан хитросплетением интриг, мотором которых являются деньги, подчиняющие себе личные и семейные отношения персонажей. «Кто нуждается, тот должен уступить» — этому принципу следует пани Ляттер, тщетно пытаясь строжайшей экономией и снижением платы учителям удержать приближающееся банкротство; им же руководствуется ростовщик Згерский, назначая директрисе огромные проценты за ссуженный (под залог предполагаемого богатого замужества дочери) заём. Призрак разорения и голодной смерти неотступно стоит перед вдовой пани Бураковской, хозяйкой меблированных комнат, которая, несмотря на всю свою энергию и трудолюбие, не может свести концы с концами, теряя остатки своих сбережений.

Прус проявляет себя в «Эмансипированных женщинах» мастером емкой, лаконичной детали, объективного, внешне бесстрастного повествования, легко переходящего, однако, в богатую эмоциональными оттенками иронию. Иронический ключ преобладает в описании суеты и интриг провинциального светского общества Иксинова; в юмористических, близких Теккерею, красках воссозданы дела и дни варшавского пансиона благородных девиц; в тоне сатирической карикатуры разработаны многие женские образы, связанные с существенной для романа темой женской эмансипации (властная и вздорная воительница против «тирании мужчин»

учительница панна Говард, радостно сменившая свое стародевичество на брак с первым же претендентом на ее руку, занятые бесплодными словопрениями и удовлетворением собственного тщеславия члены дамского комитета и др.).

Прус, впрочем, нельзя упрекнуть в односторонней, только шаржированной трактовке этой важной темы. Сарказм писателя направлен в первую очередь против мещанского, извращенного представления об эмансипации, против буржуазного феминизма, отдающего «флаг эмансипации... в руки флиртующей дамы, которая ищет свободы от обязанностей» [19]. Карикатурны в романе барыньки и барышни, от скуки либо корысти ради бросившиеся в погоню за удовольствиями, модными разговорами о женском равноправии прикрывающие тривиальную ловлю женихов. Но с сочувствием и уважением писатель относится к другой категории «эмансипированных» — к женщинам, жизнь которых исполнена труда и тяжелой борьбы за существование.

Еще до создания романа Прус в своих еженедельных «Хрониках» неоднократно выступал в поддержку политического и экономического равноправия женщин; вопрос о женском труде и образовании всегда вызывал его сочувственный интерес: «Вытащить женщин из униженного состояния, сделать их людьми и эмансипировать — это задача первостепенной важности для страны. Трудно себе представить, сколько здоровых сил скрывается за словом „равноправие“, — писал Прус в 1888 г. [20]. И проблема женской эмансипации в романе (там, где писатель пишет о ней всерьез, без иронии) выступает прежде всего в связи с проблемами труда и общественной активности личности, которые к концу века становятся в польской литературе, как и в русской, поистине знаменем времени.

В этой связи интересным и новым для творчества Пруса и для польской прозы в целом представляется образ центральной героини романа Мадзи Бжеской, в котором были реализованы некоторые существенные для понимания поздних произведений писателя его прогаммные эстетические установки.

Стремясь противодействовать натуралистическим тенденциям, в которых он видел нежелательные крайности развития реалистического искусства, Прус размышлял над тем, как уравновесить критический заряд реализма положительным идеалом: «Реализм вернул искусство к его извечному источнику: к наблюдению и объяснению природы. Но убегая из святыни магов и фокусников так разбежался, что одной ногой попал в хлев. Поэтому сейчас нам нужна новая реформа, нужно, чтобы реальное искусство пошло на сближение с идеализмом, и остановилось бы где-то посредине», — писал он в 1885 г. [21, с. 359].

Нетрудно заметить, что понимание польским писателем задач развития реализма в отечественной литературе в некоторой степени перекликалось с исканиями русской демократической эстетической мысли, которая в конце века была воодушевлена идеей романтического «обновления» реализма (разработка категорий героического, возможной реальности А. М. Горьким, В. Г. Короленко). Но при этом художественные поиски Пруса вели не к насыщению реализма непосредственным героико-романтическим пафосом, а к возрождению своеобразного гуманистического лиризма и поэтики трогательного. Подобная стилевая тенденция, объективно сходящая к традициям сентиментализма и характеризующаяся соединением эмоционально-чувственного начала с доминирующим нравственным пафосом, была одной из распространенных стилевых модификаций и русского реализма 80—90-х годов XIX в. [22].

«Нарисовать наших польских идеалистов на фоне общественного разложения», — так в 1890 г. определил писатель идею «Куклы» [21, с. 424].

Она же осталась актуальной и для следующего романа, где трезвому и суровому реализму тоже сопутствует определенная доза сентиментально-романтической идеализации.

Противостояние «общественному разложению» осуществляется в «Эмансипированных женщинах» исключительно в сфере психологии личности и связано со всевозможным возвышением естественного, непосредственного чувства, защитой права человека на сострадание. Подобно Элизе Ожешко, Прус противопоставляет скептической рациональности человеческую сердечность, альтруистическое начало, которое персонифицируется в романе в образе «гения чувств» Мадзи Бжеской.

Мы встречаемся с этим юным наивным существом на первых же страницах романа. Дочь провинциального доктора Магдалена Бжеская была воспитанницей пансиона пани Ляттер и по окончании осталась в нем классной дамой. Дальнейшие жизненные перипетии героини цементируют действие «Эмансипированных женщин», которые по жанровому признаку тяготеют к роману воспитания. После банкротства пани Ляттер Мадзя некоторое время живет у родителей в Иксинове, затем работает гувернанткой в доме богатых варшавских пивоваров Корковичей. Ее приближают к себе просвещенные миллионеры брат и сестра Сольские, но беззаботной жизни в доме богатой подруги Ады Сольской девушка предпочитает борьбу с лишениями и труд. Она отказывается также от двух прекрасных, по мнению общества, партий, в том числе от предложения полюбившего ее Стефана Сольского, видя свое призвание в том, чтобы учить детей, помогать бедным. Самостоятельность и независимость Мадзи навлекают на нее гонения со стороны мещанского окружения. Ставшая объектом интриг и сплетен, пережившая тяжелый внутренний кризис, она уходит в монастырь.

В отличие от многих других изображенных Прусом «эмансипированных женщин», которые трудятся просто в силу необходимости зарабатывать на пропитание, понятия не имея ни о каких теориях эмансипации (учительница Цецилия, певица Стелла, хозяйка меблированных комнат пани Бураковская), выбор Мадзей удела трудящейся женщины не был определен суровой нуждой. Правда, ее отец небогат, но все же подобно другим девушкам ее круга она могла бы, поработав год-другой классной дамой, выйти замуж, воспитывать собственных детей, удовлетворяя свою потребность делать добро обычной благотворительностью. Но это путь не для Мадзи. Неравнодушная среди равнодушных, она ощущает боль людей как свою боль. Не задумываясь, забывая о себе, она бросается на помощь пани Ляттер, странствующим артистам Стелле и Сатанелло, умирающему от чахотки брату. Мадзя обуреваема жаждой общественного служения людям, жаждой приносить пользу, быть полноценным членом общества. Это образ, в котором персонифицирована идея активности добра.

Причем если энергия ее предшественника в творчестве Пруса шляхтича-купца Вокульского («Кукла») была направлена на безуспешные, заранее обреченные попытки найти гармонию в личном счастье, в любви, то в жизненных перипетиях Мадзи любовный мотив сведен к минимуму. Мадзя не строит никаких личных планов и поистине живет для других. Она вся выражается и растворяется в помощи людям, вначале с равной готовностью откликаясь на зов каждого нуждающегося в ней — будь то бедный столяр или лишенная ласки богатая сирота Ада, — со временем же понимая, что истинное ее призвание — помогать самым бедным и обездоленным.

Образ Мадзи — воплощение жертвенного, безоглядного служения людям, служения ценой самозабвения, отказа от личного счастья — был новым в польской литературе и в известной степени предвосхищал гале-

рею героев-«общественников» Жеромского — одиноких социальных реформаторов, непонятых, неудачливых, но неизменно одерживающих моральную победу над сытым и самодовольным мещанством.

Глазами детски непосредственной Мадзи увидены в романе царящие в мире жестокость и бездушие, что особенно подчеркивает контраст между здоровой естественностью человеческой природы и ее извращением в буржуазном обществе. Мадзя весьма наивно, но горячо и жертвенно пытается отстаивать добро всюду, где только ей приходится соприкасаться с жизнью. Писатель сравнивает свою героиню с вишенкой, которую обрывает каждый, кому не лень, ломая ветки, сучья, не щадя даже неспелых ягод и цветов.

Безмерная доброта и готовность нести людям помощь («гением чувства», «святой») называют Мадзю другие персонажи романа) составляют основу этого трогательного, хотя подчас и чрезмерно наивного характера. Польская критика в свое время много и осуждающе писала о наивности и неглубоком интеллекте главной героини и других женских персонажей романа [23]. Несомненно, нарочитая подчас «детскость» Мадзи отражала в определенной степени и мировоззренческие противоречия самого писателя, пытавшегося спрятаться в своей оценке буржуазной действительности за эмоциональную, продиктованную непосредственным чувством реакцию героини.

Неправильно было бы, однако, видеть в этом лишь слабость реализма Пруса. Эмоциональная перенапряженность, появляющаяся в романе в связи с линией Мадзи, скоро станет в польской реалистической прозе отчетливо выраженной новой стилевой тенденцией. «Нищета вокруг мучит нас, ходит за нами, не дает нам спать. Это рана, которая не заживет, пока мы не поможем бедняку всем, что только в наших силах» [18, т. IV, s. 217], — в этой полной обостренного переживания чужой беды тираде Мадзи виден уже будущий Томаш Юдым Жеромского с его болезненной впечатлительностью, чувством личной ответственности за все царящее в мире зло.

С линией Мадзи в роман вводится тема поисков смысла жизни, форм общественной активности человека. Вопрос «что делать?», как реагировать просвещенной интеллигенции на нужду народа, бездуховность общества, торжество богатства и пошлости в конце века очень остро стоял и перед русской демократической литературой. И в решении Прусом этих вопросов есть некоторые точки соприкосновения с русскими писателями рубежа веков, в частности, с Чеховым.

Так же как «Скучная история», «Дом с мезонином» и другие произведения русского писателя, «Эмансипированные женщины» пронизаны ощущением несостоятельности культурнической программы, обреченности каких-либо попыток в единичных, частных масштабах решить социальные и нравственные проблемы времени. Все попытки Мадзи помочь бедным, учить и просвещать их разбиваются не только о стену мещанского равнодушия, подозрительности, цинизма, но и о главный камень преткновения: невозможность что-либо изменить в жизни путем благотворительности и частной инициативы. Мадзя понимает, что «всего состояния Сольских не хватило бы для удовлетворения нужд и устранения недостатков, из которых она соприкоснулась лишь с частицей» [18, т. III, s. 14]. Всего лишь «машиной для выжимания дивидендов... мельницей, перемалывающей человеческие жизни», как с горечью убеждается Сольский, может стать «образцовый» сахарный завод, который уговаривает его построить профессор Дембицкий.

Дембицкий играет в «Эмансипированных женщинах» классическую для польского романа «à thèse» роль резонера. Его устами писатель изла-

гает многие знакомые по раннепозитивистскому этапу формирования польского реализма идеи о научно-технических достижениях, «разумных» социальных отношениях как достаточных условиях прогресса общества. Они изложены в главе «Сахарный завод с идеальной точки зрения», представляющей собой развернутую публицистическую вставку, нечто вроде лекции на тему об экономически целесообразном и нравственно справедливом общественном устройстве. «Современные заводы стоят еще на очень низкой ступени организации, — убеждает Дембицкий благородного богача Сольского. — Не думаешь ли ты, что сегодняшних беспорядков в мире труда могло бы и не быть, если бы в фабриках процветало добро? Если бы горе одного рабочего разделяли остальные, если бы руководители заботились о том, чтобы оградить рабочих от огорчений, порадовать их?» [18, т. II, с. 222].

Значение этого эпизода, отразившего мировоззренческие заблуждения писателя, обычно чересчур преувеличивается. Между тем нельзя забывать, что высказанная Дембицким идея создания «моральной», «честной», «разумной» фабрики, представляющей собой живой организм, наделенный гуманной волей и индивидуальностью, остается в романе не только не реализованной, но и по существу не включенной в фабульное действие. Поначалу взявшийся было горячо за дело, Сольский постепенно остывает к этой затее, перестает она интересовать Мадзю, да и самого Дембицкого. Тема «разумного» сахарного завода теряется в системе сюжетного развития романа, являясь лишь следом противоречивости общественно-политических взглядов Пруса, отзвуком не изжитых им до конца позитивистских иллюзий.

В целом же рассуждения Дембицкого, Сольского, Мадзи, Ады и других персонажей в первую очередь свидетельствуют об идейной многозначности романа. Писатель не солидаризуется полностью ни с одним из своих героев, позволяя им вести многоголосные дискуссии, оспаривать высказанные мнения, находить слабые места в аргументации противника. При этом жизненный опыт Мадзи, господствующая тональность ее раздумий и чувств свидетельствуют о том, что отношение Пруса к возможностям мещанской программы малых дел было в сущности очень скептическим. Пожалуй не будет натяжкой увидеть в нем некоторую переключку с чеховским страстным неприятием буржуазного культурничества, выраженным, в частности, в гневных словах героя «Дома с мезонином»: «По-моему, медицинские пункты, школы, библиотеки, аптечки при существующих условиях служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья — вот вам мое убеждение»; «Мужицкая грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада» [24].

Закономерно, что личная судьба Мадзи не может быть счастливой. Не состоится ее брак со Стефаном Сольским, хотя он — человек неординарный, ищущий дела, энергичный и серьезный. Однако миллионы Сольских — не залог, а помеха для счастья Мадзи.

Сольский был задуман Прусом как в чем-то продолжающий Вокульского образ «человека переходной эпохи» [24, с. 424], человека, способного на многое, но не видящего перед собой цели. Так же как Вокульский, как Леон Плошовский — герой близкого по времени известного польского романа о «лишнем человеке» «Без догмата» Г. Сенкевича, «современный Тантал» — Сольский может реализовать свою жизненную энергию лишь в сфере чувства, любви к женщине. Мотив любви магната к бедной учительнице разработан, однако, по мелодраматически-сентиментальным канонам

вам. Как поклонник и искатель руки Мадзи, Сольский напоминает персонажей Л. Чарской или ее польского аналога Х. Мнишек, автора известного салонного романа «Прокаженная».

Правда, чутье писателя-реалиста убергло Пруса от счастливого финала этой «трогательной» любовной истории. Богатство, ум и доброта Сольских, притягательность интеллектуального общения с ними, роскошь их дворцов и заграничных вояжей, так тщательно и заманчиво выписанные писателем, не спасли простушку Мадзю от сокрушительного соприкосновения с правдой жизни. В стенах монастыря она находит приют и тихую пристань, откуда может быть и вернется в мир, может быть и ответит еще на любовь Сольского, но... «только богу это известно», — звучит последняя фраза «Эмансипированных женщин».

В романном творчестве Пруса после «Куклы» это еще один открытый конец. Открытый конец вообще станет характерен для русского и польского реализма рубежа веков, — достаточно вспомнить такие эпохальные произведения, как «Воскресение» Л. Толстого, а в польской литературе — вышедшие в том же 1899 г. «Бездомные» Жеромского. Небезынтересно отметить, что Прус, так же как и Толстой, в финале своего романа «заслонился евангелием», хотя именно концовка «Воскресения» вызывала у него при всем восторженном отношении к этому произведению, некоторую неудовлетворенность¹.

Новым в «Эмансипированных женщинах» была также акцентировка онтологической проблематики. Философская дискуссия о происхождении жизни и бессмертия души становится здесь сюжетослагающим фактором: героиня переживает подлинный духовный кризис, «сокрушительную бурю терзаний не любовных, а если так можно выразиться — метафизических» [18, т. IV, с. 269]. Ее наивная детская вера, поколебленная в жестоком мире, подвергается суровому испытанию во время спиритического сеанса, где — Мадзя отчетливо понимает это — обыкновенный подлог выдается за общение с потусторонним миром (отметим, кстати, функциональную близость мотива спиритического шарлатанства у Пруса и в «Плодах просвещения» Л. Толстого). Потрясенная, Мадзя начинает поддаваться вульгарно-материалистическим идеям нигилиста Норского и впадает в тяжелейшую трагедию неверия. И лишь имеющие форму научного доказательства рассуждения профессора Дембицкого о неисчезновении духовной энергии возвращают Мадзе веру в смысл жизни, избавляют ее чахоточного брата от страха смерти.

Как уже говорилось, Дембицкий, хоть и не с прежней, характерной для польской прозы 70—80-х годов категоричностью, продолжает играть в «Эмансипированных женщинах» роль резонера, призванного разъяснить сложные проблемы науки, морали и общественного устройства. Его монологи перерастают в обширные философские трактаты и отступления (3, 8, 17—20 главы IV тома), утяжеляющие композицию произведения, но оправданные с точки зрения развития его внутреннего действия. Ибо помимо внешнесобытийной канвы сюжет имеет и другой слой: его глубинной пружиной является мировоззренческий и духовный рост героев, вовлеченных в большой философский спор о смысле бытия².

¹ «Разве не было бы лучше, если бы Нехлюдов, вместо того, чтобы ехать в Сибирь за Масловой, поехал в деревню к своим крестьянам и руководил бы их капиталом и хозяйством. Но Нехлюдов был не реформатором, а только „кающимся грешником“, — писал в дневнике автор «Эмансипированных женщин» [25], словно забыв о том, что и его собственный Сольский тоже выступил реформатором лишь в проектах.

² Прус дорожил в своем романе прежде всего разработкой философской проблематики. «Я согласен на перевод „Эмансипированных женщин“, — писал он А. Водзинскому в 1901 г. — Принимаю Ваши условия, но прошу Вас обратить особое внимание

Стремящаяся сочетать научное мировоззрение с религиозным теория мироздания Пруса — Дембицкого может служить характернейшим примером осязаемого в европейской научной и художественной мысли конца века поворота к субъективному идеализму, сущность которого блестяще раскрыл В. И. Ленин в своей известной работе «Материализм и эмпириокритицизм». В споре с вульгарно понимаемым материализмом и пессимистической философией Шопенгауэра писатель утверждает внетелесное существование души, в духе солипсизма трактует механизм человеческого познания («То, что мы называем природой, является суммой наших ощущений — зрительных, слуховых, осязательных, мускульных, то есть является созданием нашего духа» [18, т. III, с. 416]).

Уязвимость подобных теорий не требует доказательств для читателя, воспитанного в школе марксистско-ленинского материализма и диалектики природы. Но критика гносеологии Пруса не должна затемнять того знаменательного факта, что само по себе настойчивое, поставленное в эпицентр сюжетного действия обращение к онтологической проблематике свидетельствовало о включении польской прозы в общеевропейский процесс усиления философской ориентации реализма. Прус в этом процессе, наметившемся в польской литературе в 90-е годы, проявил себя как один из новаторов.

И если рассуждения писателя о загробном продолжении жизни в научном отношении малоубедительны, а в художественном мертвы, то его мысли об истории Земли, попытки реконструкции доисторических событий и прогнозирования будущего интересны не только как черта индивидуального реалистического стиля, но и как характерная тенденция развития реализма. Комментарий Пруса к библейской легенде о всемирном потопе, базирующийся на данных современной ему физики и астрономии (глава «Летний вечер»), по форме является чем-то вроде «воспоминаний о будущем», сочетающих научно-философское объяснение произошедшего катаклизма с обоснованием возможности его повторения.

Подобная научно-философская ориентация вообще характерна для реализма Пруса конца 80—90-х годов: напомним, что уже летательные аппараты Охоцкого и исследования Вокульского над металлом, который был бы легче воздуха, поставили «Куклу» у истоков польской научной фантастики XX в. Направление мысли писателя еще в конце прошлого века предвещало последующую эволюцию этого жанра, который в наши дни из научной фантастики все более становится жанром научно-художественного предвидения.

Как своеобразный результат переживаемого Прусом мировоззренческого кризиса и как показатель тенденций развития польского реализма интересны также изменения в поэтике, которые можно проследить на уровне сюжета и композиции «Эмансипированных женщин». В построении романа заметно стремление к панорамности, установка следовать потоку жизни со всеми ее разветвленными причинными связями, случайностями. «Реалистический роман, особенно такой, темой которого является важное общественное явление, при первом чтении всегда производит впечатление чего-то сложного и хаотического; это лес, в котором видны отдельные деревья, но не сразу можно увидеть... лес», — писал в 1890 г. Прус, обосновывая принципы своей характеристики и композиции в полемике с А. Свентоховским [21, с. 420].

Этот новаторский для польской литературы принцип успешно был осуществлен еще в «Кукле», «эмоциональную неуравновешенность, не на IV том романа, где имеются очень важные физические и астрономические рассуждения... Вы сами понимаете, как для меня важно, чтобы соответствующие главы „Эмансипированных женщин“ были представлены иностранцам» [26].

сколько беспорядочную, как бы нервную конструкцию» которой тогдашняя критика не без основания считала чертой подлинно современной прозы, отличающей ее от «эпического спокойствия и классических форм исторического романа Сенкевича»³. Но в «Эмансипированных женщинах», которые были наиболее ярким в творчестве Пруса 90-х годов отражением ломки и перестройки идейно-художественной системы, проявилась и неспособность писателя создать стройный синтез описываемой действительности, ее художественно-функциональную модель. Теряются, не раскрыв полностью авторской мысли, некоторые из намеченных линий, внешняя занимательность интриги достигается подчас за счет потерь в психологической убедительности образов (так, например, возвращение из Америки мужа пани Ляттер создает совершенно новое и неожиданное для читателя представление о существе разделившей их коллизии).

Нередко как недостаток композиции отмечалось, что роман распадается на две мало связанные между собой части. Упреки эти представляются малоосновательными. Сюжетное построение «Эмансипированных женщин», как бы объединившее два романа о двух разных героинях (кстати, подобный композиционный принцип был продемонстрирован Л. Толстым в «Анне Карениной») не исключает глубинной внутренней связи между параллельными сюжетными линиями. И если у Толстого две плоскости романа были объединены темой губительности жизни эгоистической и борения с собой человека нравственного, способного ощутить эту губительность, то у Пруса линия пани Ляттер и линия Мадзи тоже внутренне увязаны: и та и другая являются жертвами общества, хотя одна жила по его законам и поражена ядом, проникшим внутрь, а другая — пыталась им противостоять и поражена в борьбе.

В целом поэтика романа, помимо определенного движения вспять, видимого, в частности, в возрождении принципа «тезисности», свидетельствует и об усвоении ряда новых средств художественной выразительности: переходе от описательности к «представлению» — к диалогам, приемам лаконичного письма, обобщающим формулам [12, с. 140—141, 96; 23, с. 278—288].

Уступая «Кукле», «Эмансипированные женщины» тем не менее остаются произведением, чрезвычайно существенным для понимания тенденций, определивших развитие творчества писателя и всей польской прозы конца века. Обращение к этому интересному явлению польской литературы со всей определенностью свидетельствует о плодотворности изучения «нешедров» с точки зрения проблемы новаторства и прогресса в литературе. Новое и старое, перспективное и архаичное, художественные открытия и литературная рутина находятся в этом произведении в тесном переплетении и внутреннем противоречии, что раскрывает реальную внутреннюю сложность и многообразие путей и форм процесса обогащения литературы.

Характерная в целом для «Эмансипированных женщин» противоречивость, нестройность и несогласованность отдельных компонентов была сама по себе структурной чертой польского реализма сумбурного, переходного времени конца XIX — начала XX в. Роман с большой степенью напряженности передал саму атмосферу эпохи, пронизанной ощущением кризиса существующих общественных отношений и предчувствием необходимости перемен, эпохи, ставящей художника перед рядом новых жизненных явлений, требующей правдивых, глубоких ответов на злободневные вопросы времени. И при всем несовершенстве, подчас утопичности и на-

³ Немаловажно, что прототипом «Куклы» — панорамного произведения Пруса, вместившего синтез национальной жизни в ее усложнившихся формах, где «каждый факт, каждое явление суть части большого целого, где они переплетаются, взаимодействуют», назывался роман Толстого «Война и мир» [27].

ивности этих ответов общий художественный итог рассмотренного произведения говорит о том, что Прус не искал легких путей и легких решений. Отходя от назидательности и всеведения, характерных для предшествующей стадии польского реализма, смело ставя вопросы, оставшиеся в рамках произведения без ответа, создавая новый тип героя, не вменяющегося в общепризнанные рамки общественного поведения, он подготавливал почву для дальнейших художественных поисков и достижений польской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bumt B. B.* Польская проза конца XIX — начала XX века. К вопросу о типологии реализма. — В кн.: Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.
2. *Bolesław Prus.* 1847—1912. *Kalendarz życia i twórczości.* Warszawa, 1969, s. 453—460.
3. *Markiewicz H.* Prus i Żeromski. Warszawa, 1964, s. 118, 93.
4. *Kulczycka-Saloni J.* Bolesław Prus. Warszawa, 1967.
5. *Цыбенко Е. З.* Болеслав Прус. — В кн.: История польской литературы, т. I. М., 1968, с. 552—556.
6. *Pieścikowski E.* «Emancypantki» Bolesława Prusa. Warszawa, 1970.
7. *Głowiński M.* Anioł wśród fałszywych języków. In: *Gry powieściowe.* Warszawa, 1973.
8. *Martuszevska A.* Poetyka polskiej powieści dojrzałego realizmu. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1977.
9. *Krzyżanowski J.* Neoromantyzm polski 1890—1918. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971.
10. *Wyka K.* Charakterystyka okresu Młodej Polski. In: *Obraz literatury polskiej XIX i XX wieku.* Seria piąta. Warszawa, 1968, t. 1.
11. *Głowiński M.* Powieść młodopolska. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1969.
12. *Markiewicz H.* Pozytywizm. Warszawa, 1978.
13. *Бушмин А. С.* О преемственности в развитии литературы. Изд. 2. Л., 1978, с. 171.
14. *Orzeszkowa E.* Pisma zebrane. Warszawa, 1979, t. XXVIII, s. 7.
15. *Brzozowski St.* Współczesna powieść i krytyka literacka. Warszawa, 1971.
16. *Matuszewski J.* O twórczości i twórcach. Warszawa, 1965, s. 51.
17. *Prus B.* Wybór kronik i pism publicystycznych. Warszawa, 1948, s. 108.
18. *Prus B.* Emancypantki. Warszawa, 1953.
19. *Krzywicki L.* Emancypantki (1894). Цит. по [3, s. 101].
20. *Цыбенко Е. З.* Примечания. — В кн.: Б. Прус. Сочинения. М., 1963, т. 5, с. 465.
21. *Orzeszkowa, Sienkiewicz, Prus o literaturze.* Warszawa, 1956.
22. *Каминский В. И.* Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. Л., 1979, с. 166—174.
23. *Szweykowski Z.* Twórczość Bolesława Prusa. Wyd. 2, Warszawa, 1972, s. 275—276.
24. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. т. IX. М., 1948, с. 96, 97.
25. *Цыбенко Е. З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. М., 1978, с. 156.
26. *A. Głowacki (B. Prus).* Listy. Warszawa, 1959, s. 299.
27. *Obraz literatury polskiej.* Seria czwarta, t. 2, s. 166—167.

УЧАСТИЕ ПНР В РАБОТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ В ЖЕНЕВЕ

18 сентября 1973 г. в Женеве начался второй этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Он продолжался с перерывами почти два года — по 21 июля 1975 г. Главным его рабочим органом являлся Координационный комитет, в который входили главы всех делегаций, принимавших участие в совещании. Направляя деятельность специальных комиссий, Комитет занимался и решением вопросов подготовки третьего этапа совещания.

Перед совещанием в Женеве стояла задача выработать на основе Заключительных рекомендаций, подписанных в Хельсинки (текст см. [1]), документы, которые должны были быть приняты на заключительном этапе совещания. На втором этапе в совещании участвовало более 500 дипломатов [2, с. 23], которые проделали весьма большую работу. Было проведено около 2500 заседаний Координационного комитета, комиссий, подкомиссий и специальных рабочих групп и рассмотрено около 4700 проектов и предложений [3, с. 98].

Работа совещания по договоренности между его участниками проводилась «при закрытых дверях», и сведения о ней, по образному выражению К. Лаврова, определялись «информационной диетой» [2, с. 20]. Это обстоятельство пытались использовать противники разрядки ряда западных стран [4, с. 171].

На ходе совещания сказались изменения, происходившие в мировой обстановке: за это время сменились правительства в ФРГ, США, Франции и Англии, возникли конфликты на Ближнем Востоке осенью 1973 г. и на о. Кипр летом 1974 г. Эти негативные события, как отмечает глава делегации ПНР М. Добросельский, явились «своего рода лакмусовой бумажкой на постоянный и необратимый характер процесса разрядки» [5, с. 12]. Вместе с тем продолжалось оздоровление политического климата в Европе, усилилась общая тенденция к разрядке. Позитивно изменялась на континенте обстановка: произошел крах фашизма в Португалии, распад португальской колониальной империи, ликвидация режима черных полковников в Греции.

Созданные совещанием три комиссии и специальная группа при Координационном комитете работали одновременно. Заключительные рекомендации составили основу всех трех «корзин», как называли в Женеве документацию трех комиссий.

К компетенции первой комиссии относились рассмотрение комплекса проблем безопасности в Европе и подготовка основного политического до-

кумента. Первая подкомиссия занималась политическими и международно-правовыми основами нормальных и дружественных отношений между странами—участниками совещания, в компетенцию второй подкомиссии входило изучение мер по ликвидации напряженности между государствами.

Обсуждение принципов международно-правовых отношений велось на основе советского проекта, а также предложений Франции и Югославии. Делегация ФРГ предложила включить в формулировку принципа нерушимости границ оговорку о «возможном изменении границ в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности» [6, 1973, s. 738; 7, с. 401]. Принятие такой оговорки открывало бы возможности изменения статус-кво в Европе. Бонн, таким образом, пытался избежать подтверждения на многосторонней основе существующих границ, уже закрепленных договорами ФРГ с СССР, ПНР и ЧССР, и поставить под сомнение их незыблемость. Это противоречило интересам не только социалистических стран, но и ряда западноевропейских государств.

Проект Франции учитывал предложения ФРГ и других западных государств. Характеризуя его, министр иностранных дел Франции М. Жюбер отмечал, что «предлагаемый Францией текст признает важность принципа нерушимости границ, но также подчеркивает значение принципов суверенного равенства государств, их права распоряжаться своей судьбой, уважения прав человека и основных свобод» [8, с. 16].

СССР, ПНР и другие социалистические страны считали предложение ФРГ неприемлемым. Они рассматривали принцип нерушимости границ как самостоятельный и наиболее важный для сохранения мира в Европе и убедительно обосновывали свою точку зрения. Активное участие в обсуждении этого вопроса приняла польская делегация. М. Добросельский на заседании Комиссии 13 марта 1974 г. сказал: «Решающее значение, какое мы придаем этому принципу [нерушимости границ], не вытекает только из частных польских интересов. У Польши сейчас границы окончательно установлены и общепризнаны. Мы придаем значение этому принципу, исходя из заботы о безопасности и мирном развитии европейского континента, каждой из стран. Если мы хотим на совещании ликвидировать одну из главных причин возникновения напряженности и недоверия, мы должны придать этому принципу, который мы редактируем в настоящий момент, понятие ясное, четкое и однозначное. Одновременно формулировка принципа нерушимости границ, делающая невозможной иную его интерпретацию и понятная всем государственным деятелям, ученым и всем людям — это именно то, чего ждут от нас правительства и народы» [9, 1974, 15 III; ср. 7, с. 11—12]. По мнению ПНР, принцип нерушимости границ «вместе с четко сформулированными принципами суверенного равенства, территориальной целостности, отказа от применения силы и другими мог бы быть самым важным вкладом совещания в мирное развитие нашего континента» [9, 1974, 15 III].

В конце второго этапа совещания США предложили зафиксировать возможность мирного изменения границ в связи с принципом суверенного равенства и уважения прав суверенитета государств. Это предложение оказалось приемлемой основой для достижения договоренности. Суверенное право каждого государства предполагает, естественно, возможное изменение государственных границ в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности [10, с. 17]. Поэтому социалистические страны согласились на включение в принцип суверенного равенства государств положения о возможности мирного изменения границ, что не затрагивало существа принципа нерушимости границ [11, с. 194], который был зафиксирован в предложенной социалистическими государствами формулировке, исключающей возможность различных его интерпретаций.

Вместе с тем принцип нерушимости существующих границ приобретал самостоятельное значение, что означало дальнейшее развитие международного права, поскольку в Уставе ООН этот принцип фигурирует в контексте принципа неприменения силы.

Немалые споры вызвал и принцип равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой. Рассматривались три проекта. Первые два были столь близкими, что получили наименование франко-венгерского проекта. В нем говорилось о неотъемлемом праве государств определять свой экономический, политический и общественный строй. Третий проект — голландский — акцентировал внимание на праве наций на развитие, адаптацию и изменение общественно-экономического строя. При этом возник вопрос, следует ли, а если да, то как сформулировать положение о необходимости государственного единства в целях предотвращения раздела государств вследствие осуществления права на самоопределение [6, 1975, s. 208]. После длительной и трудной дискуссии была принята формулировка принципа равноправия и самоопределения наций в соответствии с советским предложением, которое поддержала и польская делегация.

Среди вопросов первой «корзины» важное значение имела также проблема укрепления взаимного доверия между государствами и некоторые аспекты безопасности и разоружения. Представители ряда западных государств пытались расширить военную проблематику за рамки, намеченные Заключительными рекомендациями [5, s. 14]. В связи с вопросом о взаимном уведомлении о военных учениях и об обмене наблюдателями они настаивали на предоставлении сведений даже о мелких передвижениях и учениях воинских частей, пытаясь таким образом установить контроль над вооруженными силами стран социализма [7, с. 402]. Разумеется, что социалистические страны не могли допустить этого. Предложение Советского Союза о том, чтобы информация о крупных военных маневрах осуществлялась по доброй воле, способствовало успеху работы Комиссии. К началу 1975 г. было достигнуто согласие о предварительном уведомлении об учениях сухопутных войск численностью более 25 тыс. солдат, если они происходили в пределах 250 км от границы с другими государствами — участниками совещания [10, с. 28—29]. По предложению ПНР было принято решение об обмене наблюдателями на военных учениях [5, s. 14]. Такой обмен должен был происходить на двусторонней основе и в добровольном порядке, в духе взаимности и доброй воли в отношениях между государствами — участниками совещания [7, с. 402]. Договоренность по этой проблеме имела большое значение, поскольку страны НАТО связывали с ней решение важных вопросов.

Во второй комиссии рассматривались вопросы экономического и научно-технического сотрудничества. При этом ярко проявились различия в позициях социалистических и капиталистических государств по вопросу торговли. СССР, Польша и другие страны социалистического содружества выступали за применение принципа наибольшего благоприятствования в торговых отношениях между государствами Востока и Запада. Напротив, западные государства, особенно члены Общего рынка, резко противились этому. Они заявляли, что переговоры по вопросу торговли может вести только организация Европейского экономического сообщества, участники же совещания должны ограничиться лишь признанием экономических выгод для торговли от применения этого принципа [6, 1975, s. 739]. По их мнению, экономические связи должны развиваться на основе так называемой взаимности и равенства прав и обязанностей, что позволяло бы им навязывать свои условия [5, s. 15]. Не обошлось и без нападок на социалистическую экономику, монополию внешней торговли и т. п. [3, с. 96]. Делегация ПНР вместе с делегациями других социалистических стран,

осуждая дискриминацию в экономической области, решительно отстаивала принцип равноправия в экономических отношениях между странами. Участники совещания признали необходимым всемерное содействие развитию экономических и научно-технических связей на основе полного равноправия [7, с. 402]. Были приняты решения, касающиеся функции межгосударственных соглашений, форм промышленной кооперации, тематики научно-технического сотрудничества и охраны окружающей среды [5, с. 15].

Третья комиссия занималась вопросами сотрудничества в области культуры, просвещения, информации и личных контактов. Западные государства добивались такого решения, которое позволило бы им вмешиваться во внутренние дела социалистических государств, оказывать прямое воздействие на их идеологическую сферу [7, с. 402]. «Мозаика западных предложений;— отмечал М. Добросельский,— складывалась в определенную программу, нацеленную на так называемую либерализацию или „улучшение“ социализма, т. е. ослабление социалистического сотрудничества, навязывание ему критериев и ценностей капиталистического общества в подходе к оценке сотрудничества в области информации, контактов, просвещения и культуры» [5, с. 15]. При этом открыто говорилось, что характер и формы сотрудничества между западными государствами должны стать примером развития контактов Восток — Запад [6, 1975, с. 739]. Возражая против принципа взаимности, западные делегации стремились подменить культурное сотрудничество личными контактами, обеспечить им различные преимущества [5, с. 15]. Предпринимались попытки оказать давление на социалистические страны.

СССР, ПНР и другие социалистические страны при рассмотрении проблем гуманитарного характера исходили из принципов равенства государств и невмешательства в их внутренние дела, что обеспечивало условия для духовного взаимообогащения в процессе культурного сотрудничества.

ПНР была автором и соавтором 14 предложений, касающихся сотрудничества в области культуры, просвещения, контактов и информации, на основе которых составлялись окончательные документы [12, с. 177]. Основная дискуссия развернулась вокруг польско-болгарского проекта, в котором развитие контактов и информации подчинялось проблеме укрепления мира и взаимопонимания между народами и духовному обогащению личности. При этом контакты должны регулироваться заинтересованными сторонами путем межгосударственных переговоров и соглашений [13, 1973, № 7].

Польская делегация последовательно отстаивала принцип взаимовыгоды в культурных отношениях, представляя страну, которая внесла значительный вклад в развитие культурного сотрудничества между Востоком и Западом. Об этом свидетельствовал обмен Польши со странами Западной Европы фильмами, произведениями художественной литературы, печатной продукцией и туристами [14—16]. Этот обмен мог быть гораздо большим, если бы на Западе распространение польской культуры не сдерживалось различного рода пережитками «холодной войны». В связи с этим М. Добросельский говорил: «Мы хотели бы, чтобы нашему знакомству с западноевропейской культурой и нашему знанию о Западной Европе соответствовало бы знание Запада о нашем обществе. Так как в сотрудничестве и культурном обмене, обмене идеями, людьми, информацией с Западом существует ярко выраженная асимметрия, мы целиком выступаем за то, чтобы европейское сотрудничество действительно основывалось на взаимном, неограниченном обмене наилучшими культурными достижениями и честной информации на основе принципа равноправия» [9, 1973, 19 III].

Важное значение для улучшения сотрудничества в области просвещения имела постановка польской делегацией вопроса о школьных учебниках, с тем, чтобы они служили сближению и взаимопониманию между народами. Польша предлагала урегулировать этот вопрос на основе двусторонних соглашений. Однако некоторые государства Запада восприняли предложение.

В результате усилий, конструктивной и гибкой позиции социалистических стран были приняты важные решения по вопросам так называемой третьей «корзины». В преамбуле документа указывалось: «Сотрудничество должно осуществляться при полном соблюдении принципов, регулирующих отношения между государствами-участниками, как они изложены в соответствующем документе» [10, с. 63; 7, с. 403]. При этом значительно расширялась сфера сотрудничества в гуманитарных и других областях по сравнению с первоначальным предложением западных государств.

Вопрос практической реализации постановлений совещания решался на основе представленных ЧССР, Финляндией, Югославией и Швецией проектов. Страны социалистического содружества поддерживали предложение ЧССР, предусматривавшее создание постоянного консультативного органа, который служил бы соединительным мостом между первым общеевропейским и последующими совещаниями. Это позволило бы сохранить преемственность в продолжении коллективных усилий по строительству прочного мира на европейском континенте и служило бы делу налаживания сотрудничества между странами — участниками общеевропейского совещания [7, с. 403].

Датский проект, отражавший позицию Северо-Атлантического блока, содержал предложение о созыве в 1977 г. конференции с целью оценки реализации хельсинкских постановлений, а также всего комплекса отношений между государствами — участниками встречи. При этом имелось в виду продолжение начавшегося диалога скорее на контрольно-техническом уровне (встречи экспертов, специалистов), а не на политическом (постоянный орган по безопасности и сотрудничеству в Европе) [17, с. 99]. Финский и югославский проекты носили компромиссный характер, сочетая элементы как чехословацкого, так и датского проектов.

Перелом в дискуссии по этому вопросу наступил в конце 1974 г.: по предложению польской делегации была начата работа над редакцией формулировки о реализации постановлений совещания. В конце февраля 1975 г. при активном участии польской делегации удалось согласовать вступительную часть документа о практических шагах, которые должны быть предприняты после окончания совещания по вопросу политического сотрудничества в Европе, о будущих общеевропейских встречах [6, 1975, с. 208]. Участники совещания одобрили окончательный текст документа «Дальнейшие шаги после совещания». В нем определялись меры по выполнению положений Заключительного Акта: односторонние действия, двусторонние переговоры, двусторонние встречи экспертов, деятельность существующих международных организаций и периодические совещания представителей, назначенных министрами иностранных дел, первое из которых намечалось провести в 1977 г. в Белграде [10, с. 90—92].

Проблемы, рассматриваемые совещанием в Женеве, были весьма сложными и важными, их решение требовало немало времени и усилий. При этом делегации некоторых западных государств всячески тормозили достижение соглашений. Советский Союз обращал внимание западных стран на недопустимость затяжек и проволочек в работе совещания, на несостоятельность и неправомерность их попыток торпедировать уже достигнутые договоренности и, как отмечал Л. И. Брежнев, «топить в несущее».

ственных мелочах те крупные, принципиальные дела, которые фактически близки к урегулированию уже на сегодняшний день» [18, с. 118].

Политический Консультативный Комитет стран Варшавского договора на своем заседании 17—18 апреля 1974 г. заявил: «Попытки создавать искусственные помехи, затягивать работу общеевропейского совещания, уводить его в сторону от стоящих перед ним конкретных задач противоречат высоким целям, во имя которых созвано совещание» [19, с. 177]. Он призвал государственных и политических деятелей направить их усилия на обеспечение успеха общеевропейского совещания, на дальнейшее развитие и углубление процесса разрядки напряженности и нормализации обстановки в Европе [19, с. 118]. «Трибуна люду», комментируя заседание ПКК в Варшаве, писала, что ПКК имеет «полное моральное и политическое право обращаться с таким призывом ко всем европейским правительствам, поскольку именно он выдвинул идею создания системы коллективной безопасности в Европе и созыва совещания по этому вопросу, задуманного как начало важного исторического процесса, основанного на нормах и принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем...» [9, 1974, 21 IV; ср.: 20, с. 12]. Оценивая значение состоявшейся встречи, газета писала: «Варшавская сессия еще раз показала миру ведущую роль социалистического содружества в борьбе за мир и безопасность, за миролюбивые отношения между государствами» [9, 1974, 21 IV].

Политбюро ЦК ПОРП одобрило решения ПКК и поручило соответствующим органам претворять их в жизнь. В резолюции говорилось, что «заседание ПКК и принятые на нем документы имеют большое значение для успешной реализации совместной миролюбивой политики государств Варшавского договора, для укрепления европейской безопасности, для углубления процесса международной разрядки и придания ему необратимого характера» [9, 1974, 21 IV].

Желая ускорить работу в Женеве, Л. И. Брежнев 11 марта 1975 г. направил письмо к руководителям западных государств с предложением завершить женевские переговоры в конце мая и открыть третий этап совещания в начале лета, примерно 30 июня. Правительства западных стран, ссылаясь на отсутствие договоренности по некоторым вопросам, предлагали отнести заключительный этап на более поздний срок.

После урегулирования спорных вопросов в ночь с 19 на 20 июля было принято решение о проведении заключительного этапа совещания в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. 21 июля 1975 г. был одобрен текст Заключительного Акта совещания.

Советский Союз, придавая важное значение решениям, которые предполагалось принять на заключительном этапе совещания, предложил провести его на высшем уровне. Это предложение было поддержано остальными участниками общеевропейского форума.

18 июля на совместном заседании Политбюро ЦК ПОРП и Президиума правительства был заслушан отчет Ст. Ольшовского о работе второго этапа совещания и рассмотрены подготовленные им проекты документов. Участники заседания единодушно признали, что принятие и реализация решений совещания отвечает жизненным интересам польского государства и польского народа, интересам его безопасности и мирного развития. Одновременно был подчеркнут существенный вклад Польши в строительство прочных основ мира на европейском континенте [9, 1975, 19—20 VII].

Важную роль в успешном завершении второго этапа совещания сыграла конструктивная и гибкая позиция Советского Союза, ПНР и других социалистических стран. Большое значение имели миролюбивая политика стран социалистического содружества и ослабление напряженности

между социалистическими и капиталистическими государствами и активная поддержка прогрессивными силами капиталистических государств дела строительства прочного мира и прогресса на европейском континенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная жизнь, 1973, № 8.
2. *Лавров К.* Общеевропейское совещание — большие задачи второго этапа. — Международная жизнь, 1974, № 4.
3. *Зиборова М. С.* Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. — В кн.: Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. М., 1976.
4. *Свистюкова Л. В.* Борьба ПНР за мир и безопасность в Европе (1955—1975 гг.): Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГИМО, 1977.
5. *Dobrosielski M.* Konferencja w sprawie bezpieczeństwa i współpracy w Europie. — Sprawy międzynarodowe, 1975, № 10.
6. Biblioteka Sejmowa, Kronika PAP.
7. *Поклад Б. И.* Борьба СССР за укрепление мира и безопасности в Европе. Общеевропейское совещание (1971—1977 гг.) — В кн.: 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность. М., 1979.
8. *Славянов М., Юргов Н.* Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. — Международная жизнь, 1974, № 2.
9. Trybuna Ludu.
10. Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки. М., 1975.
11. *Ковалев А. Е.* Историческое значение совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. — В кн.: Советская программа мира в действии. Материалы Всесоюзной научной конференции. Баку, 23—24 декабря 1975 г., М., 1977.
12. *Dobrosielski M.* Z teorii i praktyki pokojowego współistnienia. Warszawa, 1976.
13. Zbiór dokumentów PISM. Warszawa.
14. *Sojka B.* Współistnienie w praktyce. — Trybuna Ludu, 1973, 30 VIII.
15. *Plaza B.* Trzeci koszyk. — Kultura, 1974, 3 XI.
16. *Urban J.* Spójrzanie poza opłatki. — Polityka, 1975, 26 IV.
17. *Rotfeld A. D.* Kontynuacja bez instytucjonalizacji. Formy współpracy europejskiej po KBWE. — Sprawy międzynarodowe, 1975, № 10.
18. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., 1976.
19. Организация Варшавского договора. Документы и материалы. М., 1975.
20. *Поклад Б. И.* Народная Польша и европейская безопасность. — Новая и новейшая история, 1978, № 3.

ГРАЧЕВ В. П.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

С 1974 по 1979 гг. вышли в свет три тома многосерийного издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века» [1—3], которые открывают вторую серию публикации документов российского министерства иностранных дел¹. В них содержатся 630 документов без учета материалов, которые частично или полностью приведены в комментариях. Публикуемые документы относятся к периоду с ноября 1815 г. по февраль 1821 г. В подавляющем большинстве они представляют собой инструкции и предписания руководителей российского министерства иностранных дел русским дипломатическим представителям в различных государствах мира, донесения этих представителей в МИД России, ноты и памятные записки русских посланников правительствам иностранных государств, годовые отчеты и доклады МИД России царю, отчеты и другие акты о деятельности международных комиссий и компаний, ноты и письма представителей зарубежных государств и народов русскому правительству и ряд других сопутствующих материалов (о торговле, организации таможен и т. д.).

Количественное распределение документов по тематике определяется важностью направлений внешнеполитического курса России. В соответствии с этим главное место отведено тем из них, которые показывают, как царское правительство России добивалось вывода оккупационных войск с территории Франции, восстановления последней в рядах великих держав Европы, установления более прочных связей с Прусским королевством и другими германскими государствами, урегулирования разногласий между ними, возникших в ходе выполнения решений Венского конгресса 1815 г. Хорошо освещены русско-английские отношения. Значительно меньшая часть документов отобрана для характеристики политики России в отношении ее северных, восточных и южных соседей. Периодически встречаются документы, дающие представление об отношении царского правительства к национально-освободительному движению южноамериканских народов.

Мы не ставим перед собой цель дать характеристику всей совокупности опубликованных материалов; наша задача — сделать обзор лишь

¹ Обзор восьми томов первой серии публикации сделан в рецензиях А. Л. Нарочницкого, Е. И. Дружининой, А. М. Станиславской, А. В. Фадеева, И. С. Достяги и др. Об этом подробнее см. [4, 5].

той части документов, в которых прослеживаются события, относящиеся к истории зарубежных славянских и балканских народов. Такие сведения прежде всего содержатся в документах, освещающих отношения России с Австрийской и Османской империями. Для изучения истории национально-освободительных движений и процессов возрождения государственности у славянских и балканских народов, входивших в состав этих империй, русские дипломатические документы при крайней скудости собственных источников по национальной истории этих народов, во многих случаях приобретают первостепенное значение.

Из опубликованных в рецензируемых томах документов хорошо видно, что активность русской политики на Балканах в рассматриваемый период несколько снизилась по сравнению с предшествующим десятилетием. Решения Венского конгресса ограничили сферу русского влияния в этом районе. Часть балканских областей, вопреки желанию населявших их народов, перешла в сферу влияния Австрии и Англии. Так, например, из письма Нессельроде от 17(29) марта 1820 г. мы узнаем, что Аахенский конгресс не смог вынести какого-либо постановления о судьбе черногорского народа ввиду того, что «этот вопрос, — пишет Нессельроде, — отнюдь не входил в его компетенцию, поскольку положение черногорцев было точно определено существующими соглашениями, и по сему е.в.о не имеет законного права выносить какие-либо решения в пользу черногорского народа» [3, № 106]. На том же основании русское правительство не разрешило черногорцам переселиться в Россию, поскольку это переселение, по словам документа, «требовало предварительного согласования и соображения с союзною австрийскою державою вследствие предоставленного ей права покровительствовать Черной Горе и заведовать всеми областями, прибрежными Адриатическому заливу» [2, № 65]. Не менее сложной оказалась ситуация в районе Ионических островов, которые по условиям Парижского договора 1815 г. перешли под протекторат Англии [6]. Но несмотря на ограничение сферы русского влияния на Балканах, Россия все же пыталась продолжать свою традиционную покровительственную политику в отношении этих народов. Публикуемые источники, например, свидетельствуют, что жители Адриатического побережья, проживавшие в некоторых районах Далмации, в Дубровнике и Боке Которской и имевшие в личном владении торговые суда, по-прежнему продолжали пользоваться русским флагом на правах подданных России. После вхождения этих районов в состав Австрии власти пытались лишить их русского подданства. Однако в ноте русского правительства австрийскому послу в Петербурге с полной определенностью было заявлено, что судовладельцы, получившие патент на право пользования русским флагом, могут ходатайствовать об освобождении их от принесенной ими ранее присяги, в силу которой они добровольно стали русскими подданными. Но если же эти люди, несмотря на предложенный им выбор, захотят пользоваться правом русского подданства, то они не могут быть отвергнуты державой, принявшей их в подданство [1, № 88].

Гораздо шире и полнее представлена история балканских народов в документах, характеризующих русско-турецкие отношения. Опубликованные документы российского министерства иностранных дел позволяют последовательно и порой в деталях проследить развитие в отношении Османской империи русской политики, основная задача которой в данный период сводилась к тому, чтобы заставить султанское правительство выполнить решения Бухарестского договора 1812 г. Между тем Порты под любыми предлогами пыталась уклониться от их выполнения. Она добивалась пересмотра статьи о передаче России некоторых завоеванных ею на Кавказе населенных пунктов. Эту статью еще в 1812 г.

отказался ратифицировать султан. Разъясняя такую позицию турецкого правительства, русский посланник в Константинополе Г. А. Строганов писал: «Заключенные с этой державой договоры, неукоснительного выполнения которых мы требуем, также ее не удовлетворяют, ибо они дают нам слишком значительное влияние на внутренние дела Порты и слишком мешают укреплению ее тиранической власти над райей. Один только страх может сдерживать вспыльчивый нрав султана и не давать ему порвать означенные (Бухарестские.— В. Г.) соглашения». Строганов писал далее, что Турция еще не в силах вести войну, но «...пока Россия будет сохранять свои связи с христианскими подданными Порты с помощью своих средств и своего права на защиту последних..., турки будут рассматривать мир с нею лишь как перемирие» [3, № 119, 125]. Предостерегая своего посланника от использования «строгих и грозных форм», какие применялись в отношении Порты раньше, царское правительство предписывало ему решать спорные вопросы путем ведения переговоров и умеренных уступок, но только не за счет интересов «...христианских подданных Порты, в частности сербов, молдаван и валахов» [1, № 55; 2, № 111, 136, 164]. Чтобы побудить султанское правительство к выполнению решений Бухарестского договора в отношении Дунайских княжеств (ст. V) и Сербии (ст. VIII), русское правительство дало понять, что Россия могла бы пойти на некоторые уступки при решении вопроса о населенных пунктах на Кавказе, возвращения которых добивался султан, если Порта согласится рассматривать их совокупно, т. е. от скорейшего решения двух первых будет зависеть судьба последнего вопроса [2, № 98, 117]. Политика умеренных уступок долгое время не давала желательных результатов. Так, например, еще в ноябре 1820 г. МИД России было вынуждено констатировать: «Наши отношения с турками пребывают в таком же состоянии, в каком они находились в годы всеобщего кризиса (...1812 и 1813 гг.) с той лишь разницей, что с 1816 г. княжества (Дунайские.— В. Г.) пользуются в некоторой мере своими привилегиями и Сербия не отдана больше на поток и разграбление. Разумеется такой результат мало удовлетворителен... Но мы можем спокойно ожидать благотворного действия времени. Населенные пункты, которых от нас требуют на азиатском побережье, находятся под нашей властью. А внутреннее положение княжеств и Сербии тоже может постепенно улучшиться под косвенным влиянием самой обстановки переговоров. Остается только пожелать, чтобы не пострадали наши торговые интересы и текущие дела» [3, № 74]. Из последующих документов видно, что эти предположения петербургского двора стали оправдываться уже в конце 1820 г. и начале 1821 г., когда в Валахии, Молдавии и на Ионических островах начались волнения, которые затем постепенно переросли в греческую революцию 1821 г. Под влиянием этих событий Порта после четырех лет бесплодных пререкательств, уловок и проволочек все-таки была вынуждена дать согласие на совокупное решение этих вопросов, а Россия — пойти на обещанные уступки.

Переходя к обзору источников, отражающих положение Дунайских княжеств, нужно сказать, что общая позиция России по этому вопросу прослеживается почти во всех документах, в которых идет речь о выполнении Портой условий Бухарестского договора. Однако конкретные сведения о Молдавии и Валахии встречаются нечасто. Такие сведения можно найти в немногочисленных донесениях русских консулов из Бухареста и Ясс, в их нотах господарям княжеств и других документах. Из них можно узнать о внутреннем положении княжеств [1, № 165], о недоброжелательном отношении их господарей к России и ее дипломатическим представителям [1, № 198], о недовольстве бояр и местной знати

политикой преданных Порте господарей [2, № 38, 42] и т. д. Инструкции МИД России предписывали консулам не вмешиваться в дела внутреннего управления Дунайских княжеств и проводить там сдержанную и умеренную политику [1, № 165, 168]. Однако при просмотре подборки источников, посвященной молдавско-валахской тематике, обращает на себя внимание тот факт, что ни в документах, ни в комментариях к ним не упоминаются такие важные, на наш взгляд, события как крестьянское восстание в Малой Валахии, начавшееся в январе 1821 г. под предводительством Тудора Владимиреску [7], и начало греческой революции 1821 г., призыв к которой был опубликован в Молдавии 24 февраля (8 марта) 1821 г. [6]. Но есть некоторые основания надеяться, что упомянутые события и их связь с греческим национально-освободительным движением получат должное отражение на страницах следующего, четвертого (XII), тома данной публикации [8].

Одним из центральных в развитии русско-турецких отношений рассматриваемого пятилетия был так называемый сербский вопрос. Поэтому в рецензируемых томах этой тематике уделено значительное внимание. Ей посвящается около 30 документов, не считая тех, в которых рассматриваются общие проблемы русско-турецких отношений. Эти источники позволяют последовательно проследить, как и какими методами пользовалась русская дипломатия, чтобы заставить турецкое правительство дать сербам автономное управление в объеме, предусмотренном ст. VIII Бухарестского договора [1, № 147, 150, 202; 2, № 46, 68]. Из них же отчетливо выясняется и позиция Порты, которая, предоставив сербам самые минимальные привилегии, пыталась с помощью различных ухищрений и провокационных приемов убедить русских дипломатов в выполнении своих обязательств по данному пункту Бухарестского договора [2, № 85, 129, 182]. Сравнительно хуже прослеживается линия поведения Милоша Обреновича, но эти пробелы частично компенсируются комментариями. Документы свидетельствуют, что сербский вопрос оставался нерешенным до 1820 г. и, по словам русского посланника в Константинополе Г. А. Строганова, «...породил ряд осложнений, снова вызвавших полное расхождение во взглядах» [3, № 79]. В своих депешах Строганов писал в Петербург, что Диван, иностранные посланники и вся Греция с большим нетерпением ждут разрешения споров по сербскому вопросу, так как от этого зависит «дальнейшее поведение угнетателей и угнетенных» [2, № 68]. Строганов, как видно из его писем к консулу и донесений в Петербург, опасался, что М. Обренович для достижения личных выгод может поступить в интересах сербского народа и покровительством России [3, № 68], и поэтому намеревался лишить его надежды на поддержку со стороны России [3, № 159]. Но в феврале 1820 г. царь распорядился предписать посланнику в Константинополе, чтобы он ценой некоторых уступок добился от Порты хатт-и-шерифа, в котором были бы определены общие принципы административного устройства Сербии и право М. Обреновича на наследственное княжение. Строганов лично известил М. Обреновича об этом [3, № 110], но прибывшая в Константинополь сербская депутация во главе с Г. Поповичем передала свое прошение султану без согласования с русским посланником [3, № 44]. В результате Портой был издан фирман, которым Милош признавался наследственным князем Сербии, но без определения его прав и обязанностей. Взамен этого Порты потребовала от Милоша письменно признать выполнение ею договорных обязательств в отношении сербов. По совету Строганова Милош отказался принять фирман и подписывать требуемое признание [3, № 172]. После этого Порты была вынуждена начать новые сербо-турецкие переговоры, которые проходили в условиях нарастающей волны освобо-

дительного движения на Балканах. Насколько можно судить по последним документам третьего (XI) тома, это обстоятельство сделало более уступчивым не только Порту, но и Россию. Например, русское правительство, опасаясь за исход сербо-турецких переговоров, было вынуждено отказаться от посредничества в этих переговорах и от назначения консула в Сербию [3, № 183].

Характеристика этой группы источников была бы неполной без учета одного досадного, на наш взгляд, упущения, которое теперь вряд ли можно будет устранить в последующих томах. Насколько нам удалось проследить, в документах и комментариях, опубликованных в восьмом томе первой серии и в первом томе второй серии, отсутствуют сведения о втором сербском восстании (апрель — ноябрь 1815 г.). Остались нераскрытыми также и некоторые последовавшие за этим события, о которых идет речь в публикуемых документах. Поэтому остаются неясными причины пребывания сербской депутации в Константинополе в ноябре 1815 г. [1, № 2], с какого времени сербы стали, как читаем мы в турецкой ноте, «послушными поданными» Порты [3, прим. № 5 к док. № 79] и др.

Политика России в отношении греческого населения Османской империи до начала революции 1821 г. в публикуемых материалах представлена фрагментарно. Всего несколько документов [1, № 24, 28, 70, 95] характеризуют деятельность русского правительства, направленную на то, чтобы добиться от Порты признания решений Парижского договора от 24 октября (4 ноября) 1815 г. о предоставлении Ионическим островам статуса независимого государства под английским протекторатом. На примере двух-трех документов освещен вопрос о предоставлении греческим судопроизводителям права пользования русским флагом [2, № 185, 186]. И только в последних документах третьего (XI) тома появляются первые сведения о начинающихся волнениях греков на Ионических островах. По ним же можно проследить и отношение к этим событиям русского правительства, которое предпринимало попытки, с одной стороны, не допустить распространения этих волнений на остальные греческие области и всю Европейскую Турцию, а с другой стороны, — убедить англичан в своей непричастности к этим событиям [3, № 49, 81, 95]².

Во всех трех рецензируемых томах представлена интересная и достаточно большая подборка материалов о положении польских земель после их раздела между Россией, Австрией и Пруссией. По этим источникам можно судить о ходе работы смешанной комиссии по разделу польских земель, деятельности русских представителей по согласованию результатов этой работы с правительствами Австрии и Пруссии [1, № 135, 136], политике России в отношении вошедших в ее состав польских областей [1, № 4, 60], а также о работе самостоятельной русской комиссии, которая занималась учреждением таможен, разработкой системы таможенных пошлин и т. д. Эти документы дают также представление о политике царского правительства, стремящегося ограничить чрезмерные претензии Австрии и Пруссии, которые добивались для себя более выгодных преимуществ в торговле на территории Королевства Польского [1, № 3, 60, 92, 115]. Отчеты и записки членов комиссии знакомят с новыми регламентами по транзитной торговле, с размерами таможенных пошлин на территории польских земель, отошедших к Австрии и Пруссии [3, № 62]. Другая часть подборки дает представление о положении дел в Краковской республике. В ней содержатся сведения о назначении русского консула, о его правах и обязанностях [2, № 106], об отрицательном отношении русского

² Подробную характеристику сведений о греческой революции 1821 г., содержащихся в русских дипломатических документах, см. [8].

правительства к политике Австрии, которая добивалась введения льготных пошлин на ввоз в Краковскую республику своих товаров [2, № 114]. Документы о работе аграрной комиссии дают возможность познакомиться с характером новых реформ, подготовлявшихся для введения в Краковской республике, которые, по словам русского царя, должны были улучшить положение польских крестьян, обеспечить им «...зажиточное и независимое существование», а также повысить их «нравственность, просвещенность и культуру» [3, № 174]. Ряд донесений русского посланника в Париже Поццо-ди-Борго, а также его ноты французскому правительству позволяют проследить ход русско-французских переговоров по урегулированию взаимных финансовых претензий Франции и бывшего герцогства Варшавского. Из них можно узнать также о принципах расчета между конфликтовавшими сторонами, о политическом статусе этих земель после их раздела и т. д. [1, № 56; 3, № 26].

По поводу комментариев к подборке о польских землях следует заметить, что в основном они представляют собой сокращенный пересказ донесений и писем, упоминаемых в публикуемых документах. Это, безусловно, расширяет круг интересных источников, но, вместе с тем, остаются без пояснений малоизвестные события и факты. К тому же многие документы этой подборки оказались вообще непрокомментированными [1, № 3, 4, 135, 139; 2, № 106, 114].

В заключение обзора можно сделать следующие выводы. Опубликованные в трех последних томах документы российского министерства иностранных дел второго десятилетия XIX в. характеризуют не только политику России в отношении великих держав Европы и мира, но и содержат дополнительные материалы по истории отдельных народов. В частности, они освещают события, связанные с историей национально-освободительных движений сербов и греков, положение в Дунайских княжествах и польских землях после их раздела, на отдельных примерах иллюстрируют состояние русско-черногорских отношений и т. д. Все это не только расширяет круг источников славяноведческих и балкановедческих исследований, но и позволяет объективнее оценить политику России в отношении как государств, так и входящих в них отдельных народностей. К сожалению, следует отметить, что в данной публикации пока не получили никакого отражения связи России со славянскими и балканскими народами, входившими в тот период в состав Османской (болгары, босняки, герцеговинцы и др.) и Австрийской (венгры, чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы и др.) империй. Освободительное движение этих народов тогда еще не проявлялось в форме вооруженных восстаний и революций, но уже приобрело своеобразный и ясно выраженный политический характер. Среди этих народов сформировалась и получила широкое распространение известная политическая доктрина о славянской взаимности, центральное место в которой отводилось России.

Правящие круги ряда заинтересованных европейских государств несомненно знали и учитывали этот немаловажный фактор при разработке своих внешнеполитических курсов. Эта сложная и пока еще недостаточно изученная сторона внешней политики России, на наш взгляд, вполне заслуживает того, чтобы получить должное отражение в последующих томах такой систематизированной и многоплановой публикации, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века».

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 1 (IX) ноябрь 1815 — сентябрь 1817 гг. М., 1974.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 2 (X) октябрь 1817 — апрель 1819. М., 1976.

3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 3 (XI) май 1819 — февраль 1821 г. М., 1979.
4. *Достян И. С.* Политика русского правительства на Балканах в 1801—1812 гг.— Советское славяноведение, 1968, № 6, с. 94.
5. *Достян И. С.* Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813—1815 гг.— Советское славяноведение, 1973, № 5, с. 107—109.
6. *Ариш Г. Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М., 1976, с. 83—84.
7. *Семенова Л. Е.* Восстание 1821 г. в Валахии и Россия.— В сб.: Международные отношения на Балканах. Балканские исследования. М., 1974, с. 61—70.
8. *Нарочницкий А. Л.* Греческое национально-освободительное движение и Россия.— Вопросы истории, 1980, № 12, с. 57—68.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

K. TROST. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. («Forum Slavicum», Bd. 43.) München, 1978, 381 SS.

К. ТРОСТ. Исследования по теории и практике перевода в поздних церковнославянских текстах. Абстрактные имена в переводе Шестоднева из Загребского сборника 1469 г.

Исследование переводческой техники, примененной в старославянских, церковнославянских текстах, имеет длительную и развитую исследовательскую традицию. Достаточно напомнить, что уже патриарх славистики И. Добровский, автор первого научного труда, специально посвященного Кириллу и Мефодию [1], много внимания уделил конкретному анализу и общей оценке переводческой деятельности славянских первоучителей. Клаус Трост в библиографическом разделе своей книги называет немало статей и монографий, в которых целенаправленно рассматривается та же или близкая проблематика — указаны работы Э. Бернекера, Ф. Гривца, О. Грюненталя, И. В. Ягича, А. Лескина, К. Шумана, Р. Вечерки. Этот список, правда, можно пополнить [2—4]; в частности упущены некоторые важные исследования отечественных ученых¹. Тем не менее, совершенно очевиден длительный, устойчивый и возрастающий интерес к технике, бла-

годаря которой были выполнены переводы с греческого на первый литературный язык славян (ср., в частности [9]).

Монография К. Троста представляет собой подлинное событие в изучении переводческого искусства и переводческой техники древнеславянских книжников. Она значительна своей конкретной, второй, частью (с. 75—294) — здесь детально изучены и систематизированы имена существительные с абстрактным — преимущественно богословским и философским — значением. Материал извлечен из так называемого Загребского сборника 1469 г., составленного и переписанного знаменитым Владиславом Грамматиком (ок. 1410/20 — ок. 1480). Слова (термины?) сгруппированы по формальным признакам (в порядке следования суффиксов: непродуктивных *-къ, -отъ, -ьць, -знь* и др., малопродуктивных *-ьба, -ота, -ица, -ость* и др. и высокопродуктивных *-ие, -ние, -тие, -ьство* и др. В какой-то мере аналогичным образом построена кн. [10].

Монография К. Троста, на наш взгляд, еще более ценна своей теоретической, первой, частью, в которой изложена оригинальная концепция смены идей в об-

¹ Как ни парадоксально, в книге К. Троста, посвященной Шестодневу Василия Великого и построенной на последовательном учении Шестоднева Иоанна Экзарха, нет упоминания о составившем эпоху исследовании К. Ф. Калайдовича [5]. К. Ф. Калайдович подробнейшим образом разбирает переводческие принципы, которыми руководствовался Иоанн Экзарх. Скажем, кстати, что в прошлом году исполнилось 150 лет со дня выхода в свет этого замечательного издания.

Шуменский симпозиум, который состоялся осенью 1979 г. и был посвящен Иоанну Экзарху, одновременно явился почтением светлой памяти Константина Федоровича Калайдовича. Мы бы назвали и еще несколько отечественных исследований по вопросам переводческой техники [6—8].

ласти задач и целей перевода. К. Трост различает по крайней мере три этапа в понимании адекватности или просто приемлемости славянских переводов с греческого. Первый этап связан с именами Кирилла и Мефодия. Согласно Тросту, Константин-Кирилл был сторонником переводов, верных подлиннику как со стороны формы, так и со стороны содержания (с. 33: *eine wort- und zugleich sinngetreue Übersetzung*). Первоучители славян старались по возможности подыскивать соответствие каждому греческому слову источника, сохраняли количественное равенство слов в исходном и результирующем текстах, калькировали синтаксические конструкции (тщательно соблюдая греческий порядок слов). Если лексического соответствия не находилось, переводчики прибегали к образованию славянского слова из славянских элементов по греческой модели словопроизводства или словосложения. Второй этап смены переводческих идей связан с трудами Иоанна Экзарха. Трост считает, что Иоанн требовал от переведенного текста лишь смыслового соответствия источнику, а на соответствии в области формы не настаивал (с. 34: *eine nur sinngemäße und nicht mehr zugleich am Ausdruck orientierte Übersetzung*). В противоположность Кириллу, для которого, например, сокращение или расширение переводимого были бы недопустимы, Иоанн настолько вольно обращался с исходным текстом, что некоторые исследователи переведенный им Шестоднев действительно могли считать его оригинальным трудом. Трост полагает, что Иоанн вынужденно остановился на своем принципе «свободного перевода-пересказа» — Шестоднев и Богословие в отличие от Евангелия или Псалтыря очень сложны по содержанию, и славянский язык времени Иоанна не располагал выразительными возможностями для утонченной христианской систематики Василия Великого или Иоанна Дамаскина.

Третий этап, по Тросту, наблюдается в теоретической позиции и в конкретной практике Тырновской школы; он неотделим от имен патриарха Евфимия, Григория Цамблака, Константина Костенечского и самого Владислава Грамматика (хотя Трост не уверен, что Владислав,

помимо переписывания и составления сборников, занимался переводческой деятельностью). Перед нами принцип неограниченного формального и смыслового соответствия между исходным греческим и переводимым славянским текстами (с. 36: *eine Idee der uneingeschränkten Wort- und Sinnidentität von Vorlage und Übersetzung*). Если Кирилл и Мефодий все же допускали принципиальную возможность отклонения от греческого подлинника, — в свое время мы предприняли попытку собрать те чтения в евангельских переводах, которые такие отклонения содержат и в которых просвечивает богословская позиция, вообще личность первоучителей [9, ч. 2, с. 84—123], — то Евфимий и его последователи в отступлениях от греческих текстов (вполне в духе исихазма) усматривали явную ересь. Переводчик, который не смог бы в своем переводе указать на греческий эквивалент источника, подозревался в самом непростительном проступке, потому что для исихастов слово было не выражением, а сущностью обозначаемых явлений. Кроме того, Трост указывает на качественные перемены в словарном составе и синтаксисе церковнославянского языка к XIV—XV вв. — благодаря росту терминологического запаса и образованности читателей, переводчику уже не было нужды (как Иоанну Экзарху) пропускать или своими словами пересказывать «непереводимое». В согласии с другими учеными, Трост признает, что «рабское следование» оригиналу иногда приводило к невразумительности переводов (И. В. Ягич говорил, например, что Константина Костенечского без греческого подлинника невозможно понять, и в «Рассуждениях южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» перелагал его мысли по-своему). Однако Трост выступает решительно против глобального отрицательного подхода к переводам эпохи и к предпринятой справе ранее переведенных книг. По его мнению, образованный читатель, знакомый с греческой книжностью, вполне понимал «словоплетение» греков, воспроизводившееся переводчиками Тырновской школы (об этом см. на с. 71—74).

Наблюдения К. Троста интересны в чисто познавательном отношении. Однако

одновременно они имеют и практическую ценность, потому что анализ переводческих принципов, представленных в тексте, позволяет его датировать и даже предложить авторскую атрибуцию. Например, в недавно открытом так называемом Германовом сборнике (1359) содержится «Похвала апостолу и евангелисту Иоанну», надписанная именем Иоанна Экзарха. Эта «Похвала» компилятивна и состоит из различных переводов. Г. Кейперт на основании ряда аргументов высказал предположение, что надписание неверно, т. е. что Иоанн Экзарх не является ни составителем «Похвалы», ни ее переводчиком [11]. Между тем, хотя сборник восходит к XIV в., в «Похвале» реализованы переводческие принципы по преимуществу смыслового соответствия источнику², т. е. как раз те принципы, которые, по Тросту, характерны для Иоанна Экзарха. Этот аргумент, на наш взгляд, способен отклонить предположение Кейперта и, напротив, поддержать авторство Иоанна Экзарха.

В рамках очень небольшого отзыва трудно высказать критические соображения. Аргументация потребовала бы много места. Тем не менее заметим, что в число абстрактных существительных Трост неправомочно включает такие слова, как *болѣнь*, *вина*, *вѣме*, *гласъ*, *гнѣвъ*, *коньць*, *лѣто*, *мысль*, *недоугъ*, *образъ*, *печаль*, *родъ*, *сила*, *слово*, *сънь*, *трудоу* и т. п. Если все другие Abstrakta на практике являются богословскими и философскими терминами, то слова типа *болѣнь* хотя и могут употребляться терминологически, все же не порывают связи и с конкретной семантикой. Именно поэтому они полисемичны и способны быть эквивалентами не одного греческого слова, а нескольких (например, та же *болѣнь* в Загребском сборнике эквивалентна *ἀρρωστία*, *δδύνη*, *πόνος* и *ὄδις*, а в других источниках к этому числу прибавляются еще *ἀσθένεια*, *μαλακία*, *βίνασος*, *λόπη*). Кроме того, в пользу конкретной семантики слова *болѣнь* и ему подобных свидетельствует их развитая славянская синонимика (с безусловным включением в синонимический ряд явно конкретных лексем); например, *болѣнь* имеет сино-

нимами *немоуць*, *недоугъ*, *наза*, *трудоу*, *страсть*, *моука*, *скръьбь*, *тоуга*, *печаль*. Таким образом, слова подобного типа принципиально отличаются от терминологических Abstrakta, составивших основную исследовательский материал книги К. Троста.

Остается повторить, что мы оцениваем монографию Клауса Троста как важное событие в современной славянской филологии.

Е. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровский И. Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. М., 1825.
2. Von Arnim B. Beiträge zum Studium des altbulgarischen und altkirchenslavischen Wortbildung und Übersetzungskunst.— Sitzungberichte der Preuss.— Akad. der Wissenschaften. Phil.—hist. Klasse. Berlin, 1931, B. 31.
3. Rešetar M. Zur Übersetzungstätigkeit Methods. Archiv für slavische Philologie, B. 34, H. 1—2. 1912.
4. Stoński S. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908.
5. Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX—X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824.
6. Архангельский А. С. Кирилл и Мефодий и совершенный ими перевод Свщ. Писания.— Уч. зап. Казанского ун-та по историко-филолог. ф-ту, 1885. Казань, 1886.
7. Невоструев К. И. Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном Кириллом и Мефодием. Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
8. Мецкерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.— ТОДРЛ. Л., 1964, т. 20.
9. Верецагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян, ч. 1. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971; ч. 2. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
10. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977.
11. Keipert H. Ein neues Werk Johannis des Exarchen?— Zeitschrift für slavische Philologie, B. 37, H. 2. 1974, S. 360.
12. Иванова-Мирчева Д. Иоанн Экзарх Български. Слова. София, 1971, т. 1.

² «Похвала» издана в кн. [12].

M. SOTAK. Dejové substantíva v slovenčine a v ruštine. Bratislava, 1978, 184 s.

M. SOTAK. Имена существительные со значением действия в словацком и русском языках.

Рецензируемое исследование, явившееся итогом многолетней лексикографической и переводческой работы автора, предназначено для специалистов в области сравнительной грамматики славянских языков и может быть использовано при решении теоретических и практических проблем перевода. На основе анализа отглагольных имен существительных со значением действия в русском и словацком языках проф. М. Сотак определяет характер некоторых подсистем в терминологии, устанавливает соотношения между генетически родственными типами словообразования, решает вопрос о явлениях эквивалентности и интерференции.

Опираясь на материал, извлеченный из специальных словарей и текстов, и привлекая для сравнения данные русско-словацкого словаря [1] и словообразовательного словаря русского языка [2], автор проводит исследование русских и словацких отглагольных имен действия в формальном, семантическом и функциональном планах. При обобщении результатов анализа проф. М. Сотак опирается на новейшие положения теории частей речи, словообразования, генеративной грамматики, лексикографии и стилистики.

Работа состоит из пяти глав и заключения. В первой, вводной главе определяются цели, предмет и методы исследования, формулируются исходные теоретические положения. Основными принципами, которые выдвинуты в работе, являются системность и учет единства формы и содержания, что соответствует положениям марксистского языкознания. В этой же главе обосновывается принцип продуктивности, которого автор последовательно придерживается при практическом анализе. Основной метод исследования — деривационный, т. е. исходящий из учета отношений не только в паре производящее — производное, но и во всей структуре словообразовательного

гнезда. Важная роль при этом отводится межкатегориальным связям. Основная задача — исследование законов деривационных отношений и связанных с ними особенностей семантических изменений, а также определение факторов, от которых зависит семантическое становление производных и характер семантических корреляций с производящим.

Во второй главе «Категория отглагольных имен действия и их словообразовательная структура» решается вопрос о статусе анализируемых имен существительных, об их производящей основе и функциях элементов словообразовательной структуры производного. Значение производной лексики рассматривается как результат многоступенчатой деривации на последней стадии ее действия. Для установления степени близости значения производящего глагола и производного имени М. Сотак использует прием, называемый номинализацией: путем трансформации производящего и производного определяются модификации значения. Но в отличие от ряда лингвистов автор принимает во внимание лишь категориальные значения.

В качестве основной единицы системы словообразования, как и большинство современных лингвистов, автор рассматривает словообразовательный тип. Производные с многозначными или синонимическими словообразовательными формантами объединяются как семантические варианты «комплексного типа» (с. 11). Подобная постановка вопроса неизбежно приводит к выходу в область номинативной деривации. Важное место отводится взаимосвязям разных языковых уровней.

Третья глава посвящена анализу имен действия в словацком языке. Автор стремится к охвату всего пласта данных имен существительных с исконными суффиксами -n(ie), -t(ie), -øø, -k(a), -ok(ø), -b(a), что позволяет обнаружить систему

словообразовательных формантов, несущих соответственно функциональную нагрузку при образовании отглагольных имен существительных.

Вызывает возражения выделение словообразовательного форманта *-n(ie)*, *-t(ie)* [в четвертой главе *-n(ue)*, *-t(ue)* для русского языка], так как это препятствует различению отглагольных имен существительных по их образованию от основ страдательных причастий прошедшего времени или от основ неопределенной формы глагола (прошедшего времени глагола), тем более, что автор не ограничивается синхронным состоянием русского и словацкого языков, а стремится исследовать деривационные системы «во всей исторической глубине» (с. 25).

Отглагольные имена М. Сотак распределяет по трем группам в зависимости от модификации значения: 1. глагольные образования; 2. имена действия; 3. постдевербативы. Эта классификация не отличается от традиционной своим содержанием и объективно отражает процессуальные и непроцессуальные значения имен. Интересно отметить, что к первой группе отнесены не только отглагольные существительные, входящие в основной словарный фонд, но и терминологические новообразования. Заслуживают внимания замечания о связи продуктивности модели с сохранением значения действия. Однако нам представляется не вполне удовлетворительным способ подачи иллюстративного материала, когда указанные выше значения выделены только графически. Фактически за пределами публикации остались материалы, свидетельствующие о реализации значений имен существительных в определенных контекстах, о разных видах мотивации и декорреляции, о живом процессе семантической лексикализации, хотя имеющиеся в работе таблицы содержат ценный статистический материал, особенно — иллюстрирующий употребляемость суффиксов: *-n(ie)*, *-k(a)*, *-øø*.

Интересно отметить, что в качестве основных носителей типологических и эквивалентных значений в словацком материале представлены суффиксы: *-øø*, не имеющий в основном значения действия, и *-n(ie)* — преобладающим значением действия.

Почему-то вне анализа остались словацкие отглагольные существительные с возвратным местоимением, которые являются более конкретными выразителями глагольного действия по сравнению с формами без возвратного местоимения, тем более, что словацкий язык занимает особое место среди западнославянских по употребляемости возвратного местоимения при отглагольных существительных с суффиксами *-n(ie)*, *-t(ie)* [3].

Четвертая глава «Имена действия в русском языке» строится по такому же плану. В теоретической части обсуждаются проблемы наличия видовых значений в отглагольных существительных, что автор связывает с именами первой группы, вопросы лексической оппозиции форм, связанных с разнообразными глагольными основами. Наиболее продуктивным в русском языке признан суффикс *-n(ue)* со значением действия, наименее продуктивным — нулевой суффикс с вещественным значением. Выдвигается положение о конденсации суффиксов *-n(ue)* и *-k(a)* в русском языке.

Стремление выявить инвариантную функцию словообразовательных формантов в рамках единого деривационного гнезда вызвало выход к материалу, находящемуся как за пределами современной системы словообразования, так и за пределами литературного языка. Привлечение диалектных и исторических фактов вполне закономерно, но работа с ними требует сугубого внимания, на что указывал акад. В. В. Виноградов [4]. В рецензируемой работе специального комментирования требуют архаизмы и диалектизмы, но в первую очередь — случаи возведения к одной глагольной основе исконно русских и старославянских по происхождению форм, например, статьи: *миловать* (с. 120), *отрекать* (с. 136), *читать/считать* (с. 158—159) и многие другие. В некоторых случаях сближение основано лишь на фонетических соответствиях, без учета этимологии (*/от/рекать* и др.). В ряде случаев не учитываются факты деэтимологизации, например: *охранка* из пол. *ochronka*, *награда*, *награждение* и др. из чеш. *náhrada* через западнорусское посредство [5].

Пятая глава «Типологические различия в дистрибуции русских и словацких

отглагольных имен существительных» показывает употребляемость анализируемых образований в текстах по сельскому хозяйству, как переводных, так и оригинальных. Делаются выводы об определенном влиянии русской терминологии на словацкую, как менее устойчивую, в том числе, и на уровне словообразования.

В заключении обобщены результаты анализа.

Книга М. Сотака отличается последовательностью кондепции, содержит новые языковые факты, интересные наблюдения сопоставительного плана и является заметным достижением словацкой лингвистики.

Рупосова Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dorotjaková V., Filkusová M., Kučerová E., Maliková M. O., Sekaninová E. Velký rusko-slovenský slovník. Bratislava, 1960—1970, zv. 1—5.*
2. *Worth D. S., Kozák S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970.*
3. *Рупосова Л. П. Отглагольные имена существительные с возвратным местоимением в современном словацком литературном языке.— Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 194, вып. 19. М., 1968, с. 151—159.*
4. *Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка.— ВЯ, 1969, № 2, с. 15—16.*
5. *Кожман С. К вопросу о неославянизмах.— В кн.: Вопросы исторической лексикологии. М., 1974, с. 153—161.*

М. Г. РОЖНОВСКАЯ. Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением. М., 1979, 205 с.

Очередная книга известной советской болгаристики М. Г. Рожновской, перу которой принадлежит серия исследований по грамматике болгарского языка, посвящена так называемому именованному сказуемому. Вопрос о предложениях с именованным составным сказуемым, несмотря на давнюю традицию его изучения, продолжает оставаться одним из спорных и многоаспектных вопросов языкознания. Это видно, в частности, из обзора соответствующей болгарской лингвистической литературы, приведенного в вводной части книги М. Г. Рожновской. В дальнейшем изложении мы будем, вслед за автором, употреблять термин «конструкция предикативного определения», под которым понимается простое предложение, состоящее из существительного-подлежащего, глагола-сказуемого и существительного или прилагательного, согласованного с первым существительным.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются конструкции с предикативным определением именем существительным, во второй — конструкции с предикативным определением-прилагательным. Наиболее значительной по объему и кругу затронутых проблем является первая часть книги.

Предикативное определение-существительное подвергнуто детальному и многостороннему анализу. В первую очередь, М. Г. Рожновская исследует закономерности синтаксической связи существительного-предикативного определения и существительного-подлежащего. На многочисленных примерах автор убедительно показывает, что существительное-предикативное определение дублирует лишь падежную форму подлежащего (именительный падеж), а тот факт, что род и число предикативного определения часто одинаковы с родом и числом подлежащего, является с точки зрения законов синтаксической связи простым совпадением.

Очень удачен в первой части книги раздел, посвященный принципам распознавания существительного-подлежащего и существительного-предикативного определения. М. Г. Рожновская показала, что, поскольку форма падежа у них совпадает, единственным дифференциальным признаком синтаксических функций существительных становится согласование по числу и роду с глаголом. Для выявления согласования в затемненных случаях, когда число и род у обоих существительных одинаковы, автор применяет метод субституции. Процедура подстановок,

позволяющая выяснить, с каким из существительных согласуется глагол, разработана четко и выглядит очень корректной. Вообще надо сказать, что и в других разделах книги часто применяются субституции и иные лингвистические эксперименты. Это свидетельствует о приверженности автора к точным методам в лингвистическом описании; мы видим здесь не только логичность в аргументации, не только систематичность и детальность в изложении, но и использование специальных приемов исследования, характерных для современного языкознания. В этом отношении рецензируемая книга выгодно отличается от некоторых других работ по болгаристике, не всегда достигающих высокого методологического уровня.

В первой части книги затронут также важный и до сих пор не до конца выясненный вопрос о психологическом и логическом ч л е н е н и и предложения и о средствах его выражения. М. Г. Рожновская справедливо утверждает, что для синтаксиста неприемлем психологический и логический анализ при разграничении функций двух существительных в рассматриваемой конструкции, несмотря на то что параллелизм между грамматической и логической сторонами в конструкции предикативного определения несомненно существует. На основе детального анализа собственного материала и с учетом исследований других авторов М. Г. Рожновская приходит к важному выводу о том, что существительному-подлежащему всегда свойственна определенность, тогда как существительное-определение является неопределенным. Оно может иметь артикль, но только в силу действия иных закономерностей, помимо закона построения конструкции предикативного определения.

М. Г. Рожновская справедливо критикует утверждение болгарских лингвистов об обязательности членования существительного-предикативного определения, считая этот взгляд результатом узкого понимания проблемы. Автор убедительно показывает, что употребление артикля — это лишь частный случай детерминированности (определенности) существительного. Детерминированность выражается также с помощью указательных, при-

тяжательных и прочих местоимений, она заключена в личном местоимении и имени собственном.

Очень логично и последовательно М. Г. Рожновская убеждает нас в том, что детерминированность подлежащего является элементом самой конструкции предикативного определения; возможность же появления признаков определенности (например, артикля) у предикативного определения зависит от общих правил употребления артикля в болгарском языке, она лежит вне основной нормы построения рассматриваемой конструкции.

Тщательный и глубокий лексико-синтаксический анализ материала позволил автору сделать еще один важный и интересный вывод: конкретные формы детерминированности, свойственные существительному-подлежащему и существительному-предикативному определению, могут быть описаны только по отношению друг к другу. На с. 130 приводится таблица, в которой сведены все конкретные формы детерминированности двух существительных в их взаимодействии.

Этот раздел книги, посвященный категории детерминированности существительного, вызывает особый интерес, потому что он является новым словом в болгаристике, где в этом случае принято говорить только об артикле, только о так называемом членовании. Концепция М. Г. Рожновской соответствует современному пониманию детерминированности в лингвистике. В связи с этим вызывает сожаление тот факт, что в книге не чувствуется учета работ по этой теме, выходящих за пределы болгарского языкознания. Между тем таких работ по разным языкам появилось в последнее время довольно много (см. [1] и содержащуюся там библиографию).

Также весьма убедительно М. Г. Рожновская оспаривает не вполне обоснованное мнение болгарских синтаксистов о том, что основным лексическим отношением между подлежащим и предикативным определением является отношение род — вид. В действительности, как показывает автор, это отношение по своей сущности логическое. Нельзя не согласиться с автором, что в конструкции предикативного определения имеется противопоставление лексических значений

конкретность — абстрактность. Конкретному существительному свойственна подчеркнутая предметность, она соответствует грамматическому значению подлежащего. Абстрактная предметность существительного соответствует функции предикативного определения.

Вторая часть книги посвящена предикативному определению-прилагательному. Здесь выявлены признаки разграничения в предложении прилагательного-предикативного определения и прилагательного-простого определения. Надо сказать, что отличие схем построения предикативного определения от простого определения еще более детально рассмотрено в предыдущей книге М. Г. Рожновской [2].

Значительное место во второй части книги отводится классификации глаголов, участвующих в конструкции предикативного определения. Автор показывает, что круг полнозначительных глаголов, употребляющихся при прилагательном, шире, чем при существительном. Это не только непереходные глаголы движения и состояния, но также и глаголы речи, мысли, чувства и др. Что касается прилагательных, то М. Г. Рожновская выделяет среди них группу так называемых приглагольных, не способных употребляться перед существительным. Они состоят преимущественно из причастий, но не только из них. Выделение этой группы прилагательных произведено на основе анализа окружения, с использованием метода подстановки и других приемов структурной грамматики. Приятно отметить, что все рассуждения ведутся полно, последовательно, строго логично. Перечни прилагательных и полнозначительных глаголов, сочетающихся с ними, очень обширны. Это лишний раз свидетельствует о том, что автор опирается на большой корпус языковых данных.

В качестве общего итога обеих частей книги М. Г. Рожновская приводит очень существенный для болгарского синтаксиса вывод о том, что все разновидности конструкции с предикативным определением характеризуются детерминированностью подлежащего. Автором убедительно показано, что это синтаксическая норма, присущая лишь данной

конструкции, но не любому типу болгарского предложения; в частности, двучленные предложения не обнаруживают такого единообразия в грамматическом оформлении.

Повторим еще раз, что монография М. Г. Рожновской содержит целый ряд новых положений и серьезных обобщений и выводов. Она написана в лучших традициях отечественной болгаристики. Все разделы работы выполнены с большой тщательностью и добросовестностью, что вызывает у специалистов уверенность в полной надежности самого материала, а также наблюдений и выводов автора. Книга является весомым вкладом в славистику.

Основной упрек автору состоит в том, что книга излишне замыкается в рамках болгаристики, ее общетеоретическая база недостаточно широка. Из работ не по болгарскому языку привлекаются лишь труды А. А. Потемби и А. М. Пешковского, между тем как после них только в советском языкознании появилось большое количество первоклассных исследований по проблемам, затрагиваемым в данной книге. Например, определенный интерес для М. Г. Рожновской должны были представить труды А. И. Смирницкого, в свое время поставившего и решившего в общем виде проблему предикативного определения в английском языке, а также работы А. А. Зализняка, посвященные вопросам классификации грамматических категорий, вопросам согласования и управления.

В целом же новое монографическое исследование М. Г. Рожновской, содержащее систематическое описание синтаксиса одного из основных типов простого предложения и проведенное на высоком профессиональном уровне, несомненно займет видное место в советской болгаристике и славистике.

Молошная Г. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
2. *Рожновская М. Г.* Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., 1970.

П. М. КАЛЕНИЧЕНКО, В. П. КОЛЕСНИК. Граница дружбы и мира. О советско-польском приграничном сотрудничестве. 1956—1979. Львов, 1980, 157 с.

В 1980 г. в нашей стране и в Польской Народной Республике отмечалось 35-летие таких знаменательных событий в истории советско-польских отношений, как советско-польский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, победа над гитлеровским фашизмом, завершение освобождения Польши и возвращение ей исконных Западных и Северных польских земель (в борьбе за свободу Польши на польской земле пало смертью храбрых около 600 тыс. советских воинов) и, наконец, подписание договора о советско-польской границе мира и дружбы. Эти события, скрепившие кровью советско-польское братство по оружию в совместной борьбе против гитлеровских оккупантов, открыли новую страницу в истории советско-польских отношений — страницу мира, дружбы и всестороннего сотрудничества.

Б «Дружба народов Советского Союза и социалистической Польши, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — это воплощение идеи Ленина, мечтавшего о том, чтобы наши народы жили в дружбе, единстве и братстве» [1]. В своем приветствии советским руководителям по случаю 63-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции руководители Народной Польши писали, что «вступление польского народа 36 лет тому назад на социалистический путь развития заложило прочную основу братских отношений дружбы и сотрудничества между социалистической Польшей и Советским Союзом» [2].

Л. И. Брежнев, характеризуя современные политические, экономические и культурные связи между нашими странами, отмечал, что они «приобрели такой размах, какого они никогда в прошлом не знали» [3]. Большое значение в развитии этих новых отношений имеет советско-польское приграничное сотрудничество. Эта проблема уже привлекала внимание историков СССР и ПНР [4]. Однако до сих пор не было создано обобщающей картины советско-польского приграничного сотрудничества на всем протяжении границы между СССР и ПНР. Такая попытка предпринята советскими историками П. М. Калениченко и В. П. Колесником в рецензируемой монографии.

Авторы поставили перед собой задачу «на конкретном историческом материале раскрыть разнообразные формы и направления советско-польских приграничных связей, занимающих важное место в многостороннем сотрудничестве СССР и ПНР, активно способствующих

укреплению дружбы народов, интернациональному воспитанию трудящихся, борьбе за мир» (с. 15). Обобщая большой фактический материал, они восполняют пробел, существующий в советской исторической литературе по данной проблеме. К достоинствам рецензируемой монографии, по нашему мнению, следует отнести широкий и разнообразный круг источников и литературы, привлеченных к ее написанию. Необходимо отметить хорошую источниковую базу. Авторы широко использовали архивные документы и материалы из фондов 20 советских и польских архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот; советские и польские периодические издания — более 50 наименований, в том числе центральная, республиканская, областная и воеводская пресса, а также специальная литература, включая монографии, научные и публицистические статьи на языках народов СССР и польском языке. Все это позволило авторам осветить многочисленные и разнообразные аспекты советско-польского приграничного сотрудничества, а также исследовать пути их дальнейшего расширения и углубления.

В монографии правильно отмечается, что советско-польские отношения нового типа основаны «на принципах социалистического интернационализма, братской взаимопомощи, взаимной борьбы за общие цели и идеалы, подлинного равноправия, уважения независимости и суверенитета друг друга» (с. 3). Верно подчеркнуто, что корни братской дружбы между нашими народами уходят в далекое прошлое.

Хронологические границы исследования — 1956—1979 гг. Авторы освещают приграничные связи на всем протяжении советско-польской границы: Калининградской области РСФСР, Литовской ССР, Брестской и Гродненской областей БССР, Волынской и Львовской областей УССР. Число приграничных воеводств ПНР после административной реформы 1975 г. возросло до 11.

В первой главе освещается сотрудничество в сфере общественно-политической жизни. В ней рассмотрены разнообразные формы связи партийных комитетов и органов государственной власти приграничных областей и воеводств, а также участие общественных организаций в осуществлении этих связей, раскрывается деятельность обществ советско-польской и польско-советской дружбы, сотрудничество профсоюзных и молодежных организаций.

Вторая глава — «Обмен передовым народно-хозяйственным опытом — составная часть приграничных советско-польских дружественных связей» раскрывает всестороннее сотрудничество в области промышленности и транспорта, в котором непосредственное участие принимают коллективы родственных производственных предприятий, советские и польские работники железнодорожного и автомобильного транспорта, дорожники и мелиораторы, а также представители других отраслей хозяйства, торговли, быта и общественного питания приграничных областей и воеводств. В ней также освещается обмен опытом в сельскохозяйственном производстве.

В третьей главе — «Советско-польское приграничное сотрудничество в области науки, высшего и среднего образования, культуры, спорта и туризма» показаны различные связи высших учебных и научных заведений приграничных областей СССР и воеводств ПНР: международные научные совещания, симпозиумы, конференции, семинары, обмен научными изданиями, взаимный обмен преподавателями вузов для чтения лекций, публикации совместных научных работ. Приведены сведения о сотрудничестве между советскими и польскими органами просвещения, раскрываются культурные и творческие взаимосвязи, показана роль печати, радио и телевидения в упрочении дружбы между советским и польским народами, широко освещены разнообразные формы иностранного туризма в приграничных областях СССР и воеводствах ПНР.

В заключении обобщены итоги сотрудничества между приграничными областями СССР и воеводствами ПНР, определена их роль в системе братских советско-польских отношений и перспективы их развития. К монографии приложен список литературы, охватывающий 185 названий.

Рецензируемая монография является, по нашему мнению, полезным исследованием важной в политическом отно-

шении проблемы. Она имеет несомненное значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов советско-польских отношений и вносит вклад в советскую историографию по одной из важных проблем советско-польских отношений.

Можно высказать некоторые пожелания. Следовало бы полнее использовать львовские архивы, показать, что одно из первых обществ польско-советской дружбы было создано в Жешове [5]. В перечне газет, публикующих материалы о ПНР, пропущена «Львовская правда». Следовало бы сказать о связях между Дрогобычским педагогическим институтом и Жешовской высшей педагогической школой. В список литературы включены и источники, поэтому его следовало бы назвать «списком источников и литературы».

Однако указанные мелкие недочеты не снижают научной ценности монографии. Она имеет практическое значение и представляет несомненный интерес для пропагандистов, многочисленных активистов Общества советско-польской дружбы, для студенческой молодежи, широкого круга читателей, интересующихся историей советско-польских отношений.

И. И. Беляевич

ЛИТЕРАТУРА

1. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М., 1970, с. 104.
2. Правда, 1980, 8 ноября.
3. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., 1976, с. 112.
4. Калениченко П. М., Колесник В. П. Братське співробітництво між прикордонними областями СРСР і воеводствами ПНР у радянській і польській історіографії.— Український історичний журнал, 1977, № 6.
5. Biuletyn Zarządu wojewódzkiego Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej w Rzeszowie. Gródzień. Rzeszów, 1959, s. 14.

J. CIERNÝ. *Nová orientácia zahraničny politiky Československa (1941—1948)*. Bratislava, 1979, 325 s.

Я. ЧИЕРНЫ. *Новая ориентация внешней политики Чехословакии (1941—1948)*

Книга словацкого историка Я. Чиерны представляет собой первую работу в чехословацкой историографии, в которой рассматривается проблема формирования нового внешнеполитического

курса Чехословакии в период 1941—1948 гг.

Книга Я. Чиерны — результат серьезного и кропотливого изучения многочисленных и разнообразных источников,

прежде всего чехословацких дипломатических документов. Она состоит из двух частей. В первой прослеживается сложный процесс борьбы в рядах чехословацкого движения Сопrotивления в период войны за выработку новой внешнеполитической концепции республики. Я. Черны указывает, что в движении Сопrotивления отчетливо выделялись два основных направления: революционное, возглавляемое КПЧ, и буржуазное, представляемое эмигрантским правительством и президентом Э. Бенешем в Лондоне. Революционное крыло своим главным политическим и единственным классовым союзником считало Советский Союз. Именно коммунисты были творцами новой внешнеполитической концепции Чехословакии и боролись за ее принятие самыми широкими кругами населения. Позиция же буржуазного лагеря, пишет Я. Черны, по вопросам внешней политики в годы войны не была ни однозначной, ни последовательной и не отражала в большинстве случаев настроения широких масс трудящихся. Мюнхенское предательство Запада и нацистская оккупация стали большим политическим уроком для чехского и словацкого народов, показавшим, что безопасность, независимость и целостность республики в будущем могут быть обеспечены только в союзе с СССР.

Я. Черны пишет, что решающее слово принадлежало СССР уже в восстановлении равноправного положения Чехословакии среди государств, воевавших против нацистской Германии, в международном признании суверенитета и целостности Чехословацкой республики. 18 июля 1941 г. в Лондоне было подписано советско-чехословацкое соглашение, в соответствии с которым чехословацкое правительство в эмиграции признавалось в качестве представителя Чехословакии в ее домюнхенских границах, как государства, которое вместе с СССР воюет против Германии. Этот акт, пишет Я. Черны, имел важное международное значение. Вместе с тем он сыграл большую роль в развитии чехословацкого движения Сопrotивления и упрочении в нем позиции коммунистов. Но действие соглашения было ограничено периодом войны. Оставался открытым вопрос обеспечения суверенитета Чехословакии в послевоенный период. КПЧ неустанно доказывала, что единственный путь к этому — тесный союз с СССР. Точку зрения коммунистов разделяло преобладающее большинство населения Чехословакии, а также значительная часть эмиграции.

Чехословацкая буржуазная эмиграция во главе с Э. Бенешем занимала двойственную позицию в отношении СССР. Соглашение от 18 июля, по ее мнению, не означало изменения внешнеполитической ориентации страны. Но

требования демократических кругов чехословацкого Сопrotивления заключить договор о союзе с СССР стали столь настойчивыми, что Э. Бенеш не мог с ними не считаться, учитывая новую обстановку и возросшую роль СССР в антигитлеровской коалиции после побед под Сталинградом и особенно под Курском, 12 декабря 1943 г. в Москве был подписан советско-чехословацкий Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве сроком на 20 лет. На первый план в нем выдвигались задачи совместной борьбы против общего врага. Кроме того, он предусматривал меры по укреплению победы над фашизмом и обеспечению безопасности обеих стран в послевоенное время, гарантировал полную ликвидацию всех последствий Мюнхена. С подписанием этого документа рушилась старая реакционная концепция «санитарного кордона» в Центральной Европе и зарождалась новая система безопасности, гарантом которой становилось первое в мире социалистическое государство. Для чехословацкого движения Сопrotивления Договор 1943 г. означал победу внешнеполитической линии, направленной на установление тесной, искренней и нерушимой дружбы Чехословакии с СССР. В то же время чехословацкое эмигрантское правительство проявило себя ненадежным участником советско-чехословацкого союза, оно продолжало маневрировать в фарватере политики США и Англии. Реакционные министры открыто заявляли, что их цель — предотвратить «распространение коммунизма» в Чехословакии. Наиболее отчетливо эти устремления проявились в период Словацкого национального восстания 1944 г.

Во второй части монографии Я. Черны рассматривает борьбу революционных сил республики за укрепление и развитие нового внешнеполитического курса в условиях национально-демократической революции. Уже первая, так называемая Кошицкая, программа правительства Национального фронта, провозглашенная 5 апреля 1945 г., предусматривала тесное сотрудничество и союз с СССР. Фактором непреходящего значения для укрепления чехословацко-советского сотрудничества стало освобождение Чехословакии Советской Армией. Для рабочего класса и всех трудящихся Чехословакии создавалась возможность строительства республики и ее внешней политики на новых основах, при условии, что революционные усилия народа возглавит КПЧ. В результате победы национально-демократической революции впервые в истории Чехословакии народные массы оказали решающее влияние на определение внешнеполитического курса страны, который обеспечивал ее национально-государственные интересы.

Представители буржуазных кругов Че-

чехословакии вынуждены были считаться с мнением широких масс и новым курсом в отношении к СССР, но вместе с тем стремились сначала придать внешней политике республики черты «моста между Востоком и Западом», а затем восстановить старые связи с Англией, Францией и США. Особенно ярко это проявилось в процессе переговоров о заключении чехословацко-французского договора.

Большое внимание уделяет автор монографии формированию отношений Чехословакии с соседними государствами, в первую очередь Польшей и Югославией. Установление народной власти в этих странах оказывало стимулирующее воздействие на развитие их взаимных двусторонних контактов, завершившихся заключением союзных договоров.

Характер новых отношений между СССР и Чехословакией, пишет Я. Черны, отчетливо проявился и в экономической сфере. Поставки сырья Чехословакии из СССР в первые послевоенные годы имели большое политическое значение, ибо без него народное хозяйство республики не могло в то время обойтись.

Переход империалистических кругов США к политике «с позиции силы» буржуазная реакция в Чехословакии вос-

приняла как сигнал к действиям, отмечает Я. Черны. Нападки на внешнеполитическую ориентацию республики велись как в политической, так и в экономической сфере. Еще больше она воспрянула с появлением «плана Маршалла», который расписывала как папачею от всех послевоенных бед Европы.

Реакционные силы в Чехословакии не примирились с поражением и в феврале 1948 г. предприняли в союзе с внешней реакцией решительную атаку против народно-демократического строя и чехословацко-советского союза. КПЧ выступила во всеоружии против реакционного заговора, сумев решить политический кризис в февральские дни 1948 г. конституционным путем в пользу народной демократии. Но победный Февраль, подчеркивает Я. Черны, был не только вехой внутриполитического развития Чехословакии, он имел также решающее значение для международного положения республики.

Книга Я. Черны представляет значительный интерес для специалистов по истории стран социалистического содружества.

Пол Ю. И.

Л. Н. ТИТОВА. Чешский театр эпохи национального Возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.). М., 1980, 222 с.

Процесс формирования славянских наций знаменовался складыванием национальных культур. Решительно повысилась роль культуры в жизни общества. Едва ли не всюду славянские нации на начальном этапе проявили себя именно в культуре. Вот почему изучение духовной жизни всех славянских народов в это время, как в широком историческом плане, так и в отдельных аспектах, имеет не только специальное значение, но служит более глубокому пониманию глобальной проблемы смены формаций, перехода славянских народов от феодализма к капитализму.

Одной из особенностей чешского национального Возрождения было исключительно сильное общественное воздействие отечественного театра. Он выступал на первый план культурной жизни, был трибуной передовых идей, школой национально-патриотического воспитания, символом жизнестойкости чешского народа.

Богатство национальных театральных традиций обусловило неослабевающий интерес театроведов, в первую очередь чешских, к истории театральной культуры в Чешских землях (Я. Влчек, Я. Якубец, Я. Махал, Я. Вондрачек, Фр. Чер-

ный и многие другие). В советском театроведении разные аспекты чешской театральной жизни XVIII — первой половины XIX в. в искусствоведческом плане рассматривались в работах П. Г. Богатырева, И. Ф. Балзы, Л. П. Солнцевой [1—5].

Монография Л. Н. Титовой представляет собой исследование чешского театра эпохи национального Возрождения с историко-культурной точки зрения. Театр здесь представлен в контексте общественной жизни чехов, в неразрывной связи с национально-освободительным движением, как один из важных показателей зрелости чешской нации.

Источниками для монографии послужили архивные материалы, художественная литература, публицистика и критика эпохи национального Возрождения, особенно программные статьи деятелей культуры, мемуары и корреспонденция, чешская периодика. Л. Н. Титова использовала широкий круг научной литературы, опираясь прежде всего на капитальный обобщающий труд — «Историю чешского театра» [6].

Работа Л. Н. Титовой построена по хронологическому принципу. Принимая во внимание общую периодизацию чеш-

ского исторического развития, но и имея в виду явления самой театральной жизни, автор определяет основные этапы развития чешского театра и раскрывает их содержание. В соответствии с избранным аспектом Л. Н. Титова концентрирует внимание прежде всего на узловых явлениях театральной жизни.

В хронологических рамках конца XVIII — первой половины XIX в. Л. Н. Титова вычленяет четыре периода в истории чешского театра. Последняя треть XVIII в., начальный этап национального Возрождения, была отмечена рождением профессионального чешского театра. Первая четверть XIX в. характеризовалась борьбой будителей и театральных деятелей за оригинальное театральное искусство, национальный репертуар, отражающий актуальные проблемы современной чешской жизни, а также за национальный стиль исполнительского мастерства. Важным этапом в развитии чешского театрального искусства были 30—40-е годы XIX в., когда активизировались связи театра с национально-освободительным движением и значительно возросло его общественное влияние, что наиболее отчетливо проявилось в многогранной деятельности литератора, режиссера, актера Й. К. Тыла. Как особый период в истории чешского театра Л. Н. Титова выделяет 1848—1849 гг. с их острой и сложной политической атмосферой, воздействием общественно-политической борьбы на театральную культуру. В заключение Л. Н. Титова прослеживает традиции театра национального Возрождения в XIX—XX вв., а также в наши дни.

Центральная проблема исследования Л. Н. Титовой — место чешского театра в общественной жизни эпохи, его социальная функция в национальном Возрождении. Автор дает обстоятельное, многогранное освещение этой проблемы. Останавливаясь на социально-экономической и духовной жизни чешского общества во второй половине XVIII в., раскрывая процесс формирования национальной интеллигенции, Л. Н. Титова показывает рождение чешского профессионального театра как результат потребностей молодого буржуазного общества, формирующегося в условиях национального гнета, в новой культуре, характеризующейся отличиями от феодальной социально-историческими и национальными чертами.

Л. Н. Титова освещает взгляды будителей, театральных деятелей на задачи, функции, пути развития театра. Она раскрывает эволюцию театральных программ, этой составной части осмысления новой культуры, ее целей, содержания, форм. Художественные взгляды представлены на фоне более широкого движения чешской общественной мысли. Автор показывает, что на материале театрального искусства общественные деятели не-

редко решали более общие вопросы чешского национального развития и прежде всего вопрос о способности и праве чехов на самостоятельную национальную жизнь.

Автор исследует проблему отношения чешского общества к театру и обратного воздействия театра на него. Общественная и эстетическая борьба вокруг театра была одной из движущих сил национального духовного прогресса.

В книге получили освещение характерные черты чешской театральной культуры, их динамики. Одной из отличительных особенностей на всех этапах ее развития называется ее музыкальный характер. Автор отмечает стилизые особенности чешского театра, дает портреты основных представителей театральной культуры, характеризует их вклад в создание национального репертуара, театрально-организационную деятельность. Поскольку монография Л. Н. Титовой носит историко-культурный, а не искусствоведческий характер, такие вопросы, как эстетическая функция театра, его конкретная художественная практика в разные годы (исполнительское мастерство, сценография и т. д.), занимают в книге подчиненное место.

Автор подробно останавливается на истории чешской театральной критики, прослеживает становление ее жанровой самостоятельности.

В книге исследуются сложные и противоречивые взаимоотношения чешского и немецкого театров в Чешских землях. Фрагментарно представлены связи чешского театра с театральным искусством других славянских народов.

Положительной стороной работы Л. Н. Титовой является присутствие в ней сравнительных элементов: чешская театральная культура по ряду аспектов сравнивается с русским, польским, сербским театральным искусством.

Монография Л. Н. Титовой раскрывает историческую роль чешского театра в процессе национального Возрождения. Занимая доминирующее место в системе художественной культуры, театр прокладывал дорогу искусству нового времени. Театр как синтетический вид искусства порождал идеи и тенденции, имеющие значение для чешской культуры в целом. Театру принадлежала важная роль в оформлении и упрочении позиций литературного языка, в расширении его коммуникативных функций, в укреплении национального самосознания чехов, а следовательно, в складывании чешской нации. Театр объединял национально-патриотические силы, был той социальной сферой, в которой средствами искусства решалась задача буржуазно-демократического преобразования общества.

Приложения к монографии — документы и материалы — раскрывают место

и роль театра в чешской национальной культуре конца XVIII — первой половины XIX в.

Работа Л. Н. Титовой подводит определенный итог современному исследованию чешского театра эпохи национально-го Возрождения. В этой связи хотелось бы отметить некоторые аспекты темы, которые заслуживают пристального внимания ученых. Представляет интерес ее отношение к проблеме народности культуры, которая была в центре внимания чешской художественной общности зрелого Возрождения. В монографии Л. Н. Титовой много говорится об освоении театром фольклора. Возникает вопрос, насколько и как осознавалось театральными деятелями проникновение народной культуры в профессиональное искусство театра. Взаимодействие разных уровней культуры в эпоху смены исторических типов культур, сюжет большой и многогранный, требует специального изучения.

Идейный и художественный фон в Чешских землях был более сложным, чем это представлено в книге. Вызывает сомнения и метод цитирования автором литературы без прямого указания в тексте на принадлежность цитат. Это приводит к тому, что не всегда ясно авторское отношение к цитируемым положениям.

Монография Л. Н. Титовой посвящена

чешскому театру. Но избранный автором социальный аспект исследования делает ее значимой для более глубокого понимания чешского общественного развития конца XVIII — первой половины XIX в. в целом. Собранный в книге фактический материал о театре в сочетании с новым поворотом темы расширяет и обогащает современные представления об идейной стороне, общественной практике и международных связях чешского национального Возрождения.

Лещиловская И. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев П. Г. Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин — Петербург, 1923.
2. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
3. Балза И. Ф. История чешской музыкальной культуры. В 3-х т. М., т. 1, 1959; т. 2, 1973.
4. Солнцева Л. П. Театр в Чехии и Словакии. М., 1977.
5. История западноевропейского театра. Т. 4. М., 1960.
6. Dějiny českého divadla. Praha, sv. 1, 1968; sv. 2, 1969; sv. 3, 1977.

В. Е. ГУСЕВ. *Славянские партизанские песни*. Л., 1979, 176 с.

В рецензии на сборник Н. Берга «Песни разных народов» Н. Г. Чернышевский писал, что особое развитие народная поэзия получала во время национально-освободительных войн, когда масса народа «волновалась сильными и благородными чувствами», когда «совершались силою народа великие события» [1].

В XX в. таким событием, стимулировавшим творческую энергию масс, для славянских народов была вторая мировая война. В этот период было создано особенно много народных, в том числе партизанских песен, частично уже привлекавших внимание исследователей. Рецензируемое издание — первый в мировой фольклористике труд, посвященный партизанским песням всех славянских народов. В нем обобщены исследования фольклористов братских стран, а также подведены итоги многолетних наблюдений и изысканий автора. Исследование носит сравнительно-типологический характер и затрагивает многие важные вопросы истории и теории фольклора.

Первая глава книги посвящена истории собирания и издания партизанских

песен, начатой уже в первые годы войны и продолжавшейся в военные и послевоенные годы. В книге отмечается большой вклад собирателей песен белорусских, польских, югославских, болгарских и словацких партизан. В этой главе дается представление о значительном материале, которым располагает современный исследователь славянских партизанских песен, о национальной специфике песенного репертуара, об интернациональных связях славянских народов, их духовном единстве в борьбе с фашизмом.

В книге содержатся интересные материалы о создании партизанских песен и их бытовании во время войны. В главе «Судьбы песен» говорится о жизни партизанских славянских песен в послевоенные годы, в наши дни. Рассматриваемые в книге песни являются значительным памятником духовной культуры славянских народов периода второй мировой войны. Они очень важны для нас как «неповторимый исторический феномен» (с. 142). Но их значение этим далеко не ограничивается. Они позволили автору

рецензируемой работы коснуться многих важных теоретических вопросов, высказать по этим вопросам интересные, оригинальные суждения.

В. Е. Гусев наметил и охарактеризовал различные формы и виды песенного творчества, являющиеся общими (типологическими) для всех славянских народов, верно говоря о необходимости разграничения таких понятий, как «устный песенный репертуар» партизан и их «песенное творчество». Первое понятие значительно шире второго. Среди собственно партизанских песен нужно различать произведения коллективного и индивидуального творчества: к фольклору относятся только первые.

Важная в фольклористике проблема поэтических традиций применительно к славянским партизанским песням впервые решается на широком материале в рецензируемой работе. Автор показывает, что эти традиции очень многообразны. Общими (типологическими) традициями для партизанских славянских песен явились прежде всего вольнолюбивые народные песни: у южных славян гайдуцкие песни, у западных — героические баллады, у восточных — лирические песни XIX в. Наряду с фольклорными вольнолюбивыми традициями большое значение имели национальные и международные революционные песни рабочего класса; определенное значение имели также лирические крестьянские и солдатские песни.

В изучении поэтических истоков славянских партизанских песен В. Е. Гусев останавливается не только на общих, типологических, но и на специфических, национальных чертах. Нередко источником партизанских песен являлись не национальные песни, а песни другого, чаще всего родственного по языку народа, в чем автор видит «конкретное проявление интернационализации партизанского песенного творчества» (с. 49).

В главе «Песня и быль» рассматриваются такие важные теоретические вопросы, как эстетическое отражение реальной действительности, принципы художественной типизации, типологические образы, сюжеты и мотивы партизанских славянских песен. Исследуя огромный фактический материал, автор приходит к убедительному заключению, что основными типологическими образами рассматриваемых песен являются коллективный образ партизанского отряда, образ героя-партизана, героини-партизанки и образ их матери. В. Е. Гусев представляет некоторые типологические мотивы партизанских песен разных народов, в обобщенной форме отражающие характерные жизненные ситуации тех лет (с. 73), указывая, что все эти мотивы в фольклоре разных славянских народов, в конкретных партизанских песнях «варьируются и приобретают различное худо-

жественное, музыкально-поэтическое воплощение» (с. 74).

В книге убедительно доказывается мысль, что партизанские песни, несмотря на содержащиеся в них различные историко-бытовые реалии, являются не историческими документами, а музыкально-поэтическими произведениями, созданными по законам художественной типизации. Вместе с тем трудно согласиться с автором, что будто бы любые черты конкретизации и детализации делали песню натуралистической, лишали ее подлинной художественности, затрудняли ее усвоение и распространение людьми, не участвовавшими в событии (с. 56). Так бывает не всегда. Наличие конкретизирующих признаков и локальных примет может и не снижать обобщенности песни, не мешать ее распространению. Такие примеры мы находим и в рецензируемой книге (югославская песня, где упоминается местечко Кордун, пелась не только в Хорватии, где она была создана, но и по всей Югославии, а затем и в Болгарии). Пример песни с обязательной конкретизацией места действия автор приводит на с. 112.

Специальная глава в книге посвящена жанровой классификации партизанских славянских песен. Точно определив принципы классификации, В. Е. Гусев выделяет жанры эпические («краткие повествовательные песни», «песни о боевом пути отряда» и «песни-хроники»), лирические («песни-кличи», «песни-клятвы», «песни-славы», «песни элегические» и «песни сатирические»); особый жанр составляют «песни монострофические»: «русские частушки, белорусские припевки, украинские коломыйки, польские „шпёвки“ или „пришпёвки“ и краковские, словацкие припевки, сербо-хорватские и македонские „арские“ двустилиши, „бечарцы“ и куплеты-, „враццы“» (с. 91) и лиро-эпические (причитан я в героические баллады).

Выдвинутые автором принципы могут быть использованы при классификации не только партизанских песен. Наблюдение, что партизанское творчество особенно интенсивно развивалось в лирических жанрах, можно распространить на все народное песенное творчество военного времени.

Специальная глава книги посвящена поэтике партизанских славянских песен. Особенно подробно рассмотрена их поэтическая символика, в которой сочетаются традиции фольклора и революционной поэзии. В дальнейшем должно быть углублено исследование национальной и жанровой специфики поэтики рассматриваемых песен.

В итоге можно сказать, что перед нами — ценное исследование славянского песенного фольклора второй мировой войны, написанное ее участником, многие годы изучающим фольклор этого вре-

мени. Книга не только подводит итоги в исследовании славянских партизанских песен, но и выдвигает новые задачи их дальнейшего изучения.

Лазутин С. Г.

«Slovanská knihovna a slavistika». Zpracovali dr. J. Strnadel a M. Křepinská. Praha, 1979, 209 s.

«Славянская библиотека и славистика»

Под таким названием вышел новый библиографический труд, подготовленный в Славянской библиотеке в Праге Йозефом Стрнаделом и Маргитой Кржепинской (редактор Иржи Вацек).

Недавно отметившая свое пятидесятилетие Славянская библиотека, являющаяся частью Государственной библиотеки Чешской Социалистической Республики, широко известна как одно из крупнейших в Европе специализированных книгохранилищ славистической литературы и, что также весьма важно, как единственный в своем роде библиографический славистический центр. Уже на протяжении многих лет Славянская библиотека публикует славистические библиографии, как общие, так и посвященные отдельным частным темам. В последние годы Славянской библиотекой были выпущены следующие библиографические справочники (заметки о них см.: [1—9]). Много сил, энергии и инициативы в организацию такого рода изданий, очень нужных славистам всего мира, вложил Й. Стрнадел, долгие годы руководивший Славянской библиотекой. Теперь ставшую традиционной серию библиографических изданий возглавляет и редактирует его преемник Иржи Вацек.

Библиографический справочник «Славянская библиотека и славистика» как бы продолжает и дополняет книгу «Пятьдесят лет Славянской библиотеке в Праге» (1976), посвященную истории этого уникального учреждения и результатам его деятельности. (Об этом издании см.: [10]). Новое издание состоит из двух частей.

Первая часть — «Славянская библиотека в нашей и заграничной печати» (с. 9—136) содержит библиографию газетных, журнальных (входящих в сборники и самостоятельных) публикаций о многогранной деятельности библиотеки, ее фондах, выставках, научно-популярной лекторской работе и т. д. Один из разделов первой части, озаглавленный «Библиографическая и публикаторская деятельность» (с. 50—76), отражает все библиографические и науч-

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., в 15 томах, т. II. М., 1949, с. 295.

но-исследовательские издания Славянской библиотеки (154 позиции). Этот раздел представляет особый интерес для ученых-славистов, так как содержит богатый и разнообразный научно-библиографический материал, соответствующий профилю их деятельности.

Вторая часть справочника — «Перечень публикаций сотрудников Славянской библиотеки» (с. 137—204) — информирует об основных славистических работах сотрудников библиотеки за годы ее существования. Их обширный список показывает, что библиотека на протяжении многих лет выполняла не только свои прямые функции по обеспечению широкой научной общественности специальной славистической литературой, что она была не только библиографическим центром в области славистики, но и вела значительную научно-исследовательскую работу. Возникшие в лоне Славянской библиотеки научные работы, надо думать, заинтересуют не одного исследователя истории славянских стран, славянских языков и литератур.

Библиографические перечни справочника «Славянская библиотека и славистика» сопровождаются комментариями ученых-славистов разных стран о деятельности единственной в мире славистической библиотеки, фонд которой насчитывает более полумиллиона книг. В конце новой публикации помещены репродукции титульных листов редчайших изданий библиотеки, которыми она по праву гордится. Появление нового библиографического издания можно только приветствовать. Оно полезно для всех, кто работает в области славистики.

Л. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение, 1968, № 5, с. 85—88; 1970, № 6, с. 104—105; 1979, № 1, с. 117.
2. Česko-ruské a slovensko-ruské literární styky. Sest. Ogněvová A. J. Praha, 1973.

3. *Rossika 16—18 století v zámeckých a palácových knihovnách v Čechách a na Moravě*. Sest. Sládek J. Praha, 1977.
4. III. Mezinárodní sjezd slavistů. Sest. Velinská E. Praha, 1978.
5. *Sergej Jesenin v české literatuře*. Sest. Florianová B. Praha, 1974.
6. M. J. Saltykov-Sčedrin v české literatuře. Sest. Vlasínová V., Křepinská M. Praha, 1976.
7. *Syllaba T. Vladimír Andrejevič Frančov*. Praha, 1977.
8. *Z. Urban. Kiril Christov v Čechách*. Praha, 1978.
9. *T. Syllaba. Jan Gebauer*, Praha, 1979.
10. Советское славяноведение, 1978, № 2, с. 117—119.

СПРАВОЧНИК О КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ

В последние годы заметно возрос интерес советских и зарубежных исследователей к истории славистики. Однако для создания научных концепций в этой области ученые еще не располагают достаточным количеством твердо установленных фактов. Будущим историографическим работам должно предшествовать, в частности, накопление сведений о славистических учреждениях и славистах. Свой вклад в решение этой задачи несомненно внесет справочник, подготовленный сотрудниками кафедры истории южных и западных славян в рамках Научного координационного совета по проблемам славяноведения в МГУ [4].

Как видно из редакционного предисловия, Научный совет начал этим изданием серию «Славяноведение в МГУ», где предполагается публиковать документы, статьи и другие материалы по истории славяноведения. Первый выпуск (к сожалению, указав на обложке название серии, составители не дали его порядкового номера) посвящен 225-летию Московского университета и исполнившемуся 1 сентября 1979 г. 40-летию кафедры истории южных и западных славян. Он позволяет составить отчетливое представление о многогранной деятельности кафедры за все годы ее существования.

Важнейшей частью книги, во многом определяющей ее жанр справочного издания и информационное значение, является первый раздел, составленный А. Е. Москаленко и И. А. Потаповой. В нем помещены более или менее развернутые биобиблиографические справки о всех преподавателях и сотрудниках, когда-либо работавших на кафедре. В раздел включено свыше ста разных по объему (от нескольких строк до 10—11 стр.) статей о штатных преподавателях и сотрудниках кафедры, а также участвовавших в ее работе сотрудников других кафедр МГУ и других учреждений. Наибольшие по объему статьи посвящены крупным историкам-славистам, работавшим в разное время на кафедре, в том числе основателю советской школы исто-

риков-славистов акад. В. И. Пичете, выдающемуся чешскому ученому акад. З. Неедлы, заслуженному деятелю науки проф. С. А. Никитину. Имеются также развернутые или краткие биобиблиографические справки о профессорах и доцентах, преподавателях и научных сотрудниках, лаборантах кафедры, о проводивших со студентами занятия преподавателях славянских языков, о руководителях аспирантов и дипломников, об авторах глав подготовленных на кафедре учебников и т. д.

Второй и третий разделы (составители Х. Х. Хайретдинов и Л. И. Уткина) дополняют биобиблиографическую часть списками аспирантов, подготовленных специалистами кафедры, и защищенных под их руководством дипломных работ. В разделы четвертый и пятый (составители А. Е. Москаленко, Л. И. Уткина и Х. Х. Хайретдинов) включены некоторые другие материалы, характеризующие деятельность кафедры: списки иностранных ученых, читавших спецкурсы, выступавших на кафедре и занимавшихся там научной работой; несколько документов о деятельности кафедры в 1939—1947 гг.; подборка отзывов посетивших кафедру иностранных ученых. Завершает издание статья И. А. Воронкова «К 40-летию кафедры истории южных и западных славян (Факты и цифры)», в которой кратко изложена история кафедры и обобщаются фактические сведения предыдущих разделов.

Биобиблиографические материалы, публикуемые в издании, очень интересны: они дают крайне важные для историографов биобиблиографические сведения о славистах, показывают их вклад в развитие науки и, собранные воедино, убедительно свидетельствуют о ведущей роли кафедры истории южных и западных славян МГУ в подготовке кадров славистов, о ее большом вкладе в изучение истории славянских народов.

Приведенные в справочнике биобиблиографические и библиографические сведения проверены по архивным материалам или

у самих ученых; в статьях о В. И. Пичете и Э. Р. Неедлы приводятся сохранившиеся в архиве университета их автобиографии, что значительно повышает ценность этих статей.

Важными составными частями словарных статей являются библиографические списки трудов славистов и литературы о них. В подавляющем большинстве случаев такие списки отличаются исчерпывающей полнотой; тогда, когда перечни работ славистов опубликованы, составители делают к ним ценные дополнения. А. Е. Москаленко удалось, в частности, разыскать несколько опубликованных в СССР статей, не учтенных в подробнейшей чешской библиографии работ Э. Неедлы [2], и восполнить ряд пропусков в списке трудов И. М. Белявской [3]. Большие усилия были предприняты А. Е. Москаленко, чтобы выявить отсутствующие в соответствующем персональном библиографическом указателе [4] работы С. А. Никитина. В результате просмотра материалов издательства «Советская энциклопедия» было, например, выявлено 111 статей С. А. Никитина в советских энциклопедических изданиях, большинство которых опубликовано без подписи. Всего список трудов С. А. Никитина удалось дополнить 130-ю работами.

Положительно оценивая результаты большой работы, проделанной составителями справочника, нельзя все же не отметить и некоторые его недостатки. При составлении библиографических справок об ученых перед составителями встала нелегкая задача отбора сведений о печатных работах славистов, так или

иначе связанных с кафедрой, но не являвшихся ее постоянными сотрудниками. К сожалению, выработать единый критерий здесь не удалось. Нецелесообразно, на наш взгляд, было выделять два подраздела в разделе четвертом, поскольку в подразделе «Список ученых, читавших спецкурсы для студентов кафедры» полностью дублируются фамилии из подраздела, содержащего сведения о других аспектах деятельности на кафедре иностранных ученых. Наконец, в части тиража книги допущено значительное число опечаток (подавляющее большинство их устранено во втором заводе).

Остается надеяться, что вскоре слависты получат новые выпуски успешно начатой серии, в которой найдут место аналогичные издания о литературоведах, лингвистах и других ученых МГУ, занимающихся славянскими странами, а также иные материалы по истории отечественной славистики.

А. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историки-слависты Московского университета. К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы. М., 1979, 211 с. (ротапринтное изд-е).
2. *Jonášová S. Bibliografie díla Zdeňka Nejedlého.* Praha, 1959, 398 s.
3. *Руколь Б. М.* Печатные работы И. М. Белявской. — Вестник МГУ. Сер. История, 1975, № 5, с. 93—96.
4. *Короткова В. И.* Список трудов профессора С. А. Никитина. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 297—305.

БЕРЛИНСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Комиссия по истории славистики при Международном комитете славистов создана в 1958 г. В 1970 г. председателем Комиссии был избран чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. В последующие годы важнейшей ее задачей стало издание серии сборников по истории мировой славистики. К 1981 г. вышли три тома, подготовленные на международной основе советскими, чехословацкими и болгарскими учеными; ведется подготовка еще двух томов — в Польше и Югославии, а также специального шестого тома, посвященного славистике в неславянских странах — в нем участвуют главным образом слависты из капиталистических стран. Наряду с этим Комиссия занималась организацией научных симпозиумов и стремилась иными способами стимулировать развитие исследований по истории славяноведения. Заседания Комиссии проходили в Москве (1972), Праге (1975), Варне (1977), Загребе (1978). Подробнее об этом см. [1]. Очередное заседание состоялось в Берлине 18—20 ноября 1980 г. и было организовано с помощью Комитета славистов ГДР.

Обсуждая ход работы над серией сборников по истории славистики, комиссия заслушала сообщения П. Зволинского — о польском сборнике, Й. Хамма — о сборнике, посвященном славистике в неславянских странах, а также В. А. Дьякова — о болгарском и югославском сборниках (представители соответствующих стран на заседании не присутствовали). Сообщения подверглись всестороннему обсуждению, после чего в протокол заседания были внесены пункты, обязывающие редколлегию болгарского, польского и югославского томов, а также тома, посвященного славистике в неславянских странах, прислать ксерокопии рукописей председателю комиссии, который вместе с ее Президиумом организует предварительное рецензирование, чтобы избежать возможных ошибок и недосмотров.

Обсудив перспективы своей деятельности, Комиссия постановила важнейшими задачами на ближайшие годы счи-

тать: 1) завершение работы над шеститомной серией сборников; 2) всемерную поддержку уже ведущихся исследований по истории славистики отдельных стран. В принципе одобрен внесенный советскими представителями проект подготовки «Очерков истории мировой славистики», которые включали бы обзоры развития славистических исследований в отдельных странах, подготовленные специалистами из этих стран и одобренные национальными комиссиями. Однако осуществление этого проекта решено начать лишь после завершения авторской работы по шеститомной серии сборников, т. е. примерно с 1983 г.

При рассмотрении организационных вопросов приняты следующие решения: по рекомендации Х. Бильфельда (ГДР) кооптирован в состав Комиссии проф. Мюнхенского университета Х. Шаллер; принято предложение П. Бранга (Швейцария) о желательности введения в Комиссию представителя Цюрихского университета проф. Зета (окончательно этот вопрос будет решен после предварительных консультаций с последним); было признано желательным частичное обновление состава Комиссии и ее пополнение представителями тех стран, которые до сих пор в ней не участвовали; следующее заседание Комиссии постановили провести в 1983 г. в Киеве, приурочив его к IX Международному конгрессу славистов.

В рамках берлинского заседания Международной комиссии по истории славистики состоялся симпозиум «Проблемы возникновения и развития мировой славистики в контексте ее специфики в отдельных странах». Наряду со славистами из ГДР в симпозиуме приняли участие ученые Австрии, Великобритании, Советского Союза, ФРГ и Швейцарии; всего было сделано 13 докладов.

К первой группе могут быть отнесены доклады по общим вопросам методологии и источниковедения истории славистики. В докладе В. А. Дьякова (СССР) «О некоторых аспектах развития мировой славистики в 1918—1939 гг.» были проана-

лизированы первопричины тех весьма серьезных изменений в исторической обстановке, которые оказали определяющее воздействие на развитие славистики — прежде всего Великая Октябрьская социалистическая революция и образование новых славянских государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Характеризуя общее состояние славяноведения в европейских странах и в СССР, докладчик сосредоточил внимание на понимании предмета славистических исследований и их методологии. Доклад А. С. Мыльникова (СССР) «Становление славистики как предмет исследования» был посвящен особенностям предыстории формирования славистики. Докладчик обосновал необходимость комплексного системно-регионального исследования того, как под влиянием объективных социально-культурных факторов на рубеже XVII—XVIII вв. постепенно складывались отдельные компоненты науки о славянских народах, в последующие десятилетия обособившиеся в специальный славистический комплекс. В докладе использованы многочисленные конкретные факты из истории русской, чешской, немецкой и шведской славистики. Ряд важных проблем истории немецкой славистики был поднят в докладе В. Цайля (ГДР) «Некоторые узловые вопросы истории славистики в Германии до 1945 г.». Исходя из выработанного советскими учеными понимания славистики как комплекса научных дисциплин, В. Цайль полагает, что славистика в Германии возникла на рубеже XVII—XVIII вв. и получила дальнейшее развитие во второй половине XVIII в. Докладчик рассматривает славистику не только как специальную область знания, но и как составную часть истории немецко-славянских связей. Наиболее существенными темами немецкой славистики В. Цайль считает русистику, сорабистику и полонистику. Ценные соображения по разработке источниковой базы истории немецкой славистики содержались в докладе доктора Х. Порта (ГДР).

Вторую группу составили доклады, в которых рассматривалась история славянских исследований в отдельных странах. Й. Хамм (Австрия) сделал доклад на тему «Развитие славистики в Австрии», обратив основное внимание на историю славянской филологии в XIX — первой половине XX в. В докладе «Замечания к истории славистики в Швейцарии» П. Бранг (Цюрих) подчеркнул, что многочисленные славянско-швейцарские контакты XVI—XIX вв. подготовили почву для возникновения здесь научного интереса к славянским народам. Говоря о значительной роли в этом цюрихской «русской колонии» 1869—1873 гг., в составе которой было немало участников народнического движения, докладчик связывает с ней введение в Цюрихском

университете преподавания русского и болгарского языков (1878). Первая кафедра славистики была создана во Фрибургском университете в 1889 г. во главе с Я. Калленахом — выходцем из Польши. В настоящее время в швейцарских университетах имеется 10 славистических кафедр; крупные библиотеки славистической литературы существуют в Цюрихе, Лозанне и Базеле. Х. Шаллер (ФРГ) в своем докладе «Начало славянской филологии в Баварии» привел ряд малоизвестных данных о становлении славистики в Баварии. Он отметил важную роль основоположника баварской византистики и преподавателя русского языка в Мюнхенском университете Крумбахаера в создании в начале XX в. кафедры славянской филологии. Шаллер отметил, что первый заведующий этой кафедрой проф. Е. Бернекер внес вклад не только в славянскую филологию (в том числе, в украинистику), но и в изучение балтийских языков.

Остальные доклады затрагивали отдельные вопросы истории славистики. Наиболее полно было рассмотрено развитие немецкой славистики и сорабистики в выступлениях, представленных учеными ГДР. Акад. Х. Билльфелдт (Берлин) проанализировал этимологические исследования А. Муки, одного из крупнейших специалистов в области сорабистики; Е. Айхлер (Лейпциг) — философско-теоретические основы концепций выдающихся славистов А. Лескина и Ф. Миклошича. Х. Вальтер (Лейпциг) в докладе «Изучение новоболгарского языка в немецкоязычных землях в конце XVIII — начале XIX в.» рассмотрел важнейшие аспекты становления немецкой болгаристики, в том числе трактовку в ней проблем этногенеза болгар. В докладе широко использовались наблюдения и выводы современной болгарской филологии, в частности, работы И. Конева. На ранее неизвестном архивном материале был построен доклад Л. Цайль (Берлин) — «Поддержка славистических исследований фондом Франца Боппа при Берлинской Академии наук». Как показано в докладе, фонд имени выдающегося немецкого ученого, существовавший с 1866 г. и выдававший денежные субсидии до 1923 г., способствовал и работам в области славяноведения. Среди стипендиатов фонда были такие видные слависты, как А. Лескин, Р. Траутман и Ф. Лоренц. Л. Цайль отметила, что в числе лиц, в разное время получавших финансовую поддержку со стороны Берлинской Академии наук, находились в многие известные филологи-индоевропейцы, уделявшие внимание славистической и балто-славянской проблематике. Основным этапам развития сорабистики во второй половине XIX в. в связи с общественно-политической ситуацией в Германии был посвящен доклад П. Кунце (Баутцен) — «Значение Верх-

нелужицкого общества наук для развития сорабистики в 1779—1847 гг.».

Интересной страницей истории английской славистики коснулся Ч. Стоун (Великобритания). Свой доклад он посвятил труду Бернарда Коннора «История Польши», изданному в 1698 г. в Лондоне. Ирландец по происхождению, Коннор был некоторое время личным врачом польского короля Яна Собесского. Его книга по истории Польши, написанная на уровне науки того времени, является вкладом в английскую историографию Польши. Вместе с тем она убедительно свидетельствует, что и в Англии уже в то время славистика охватывала не только филологическую, но и историческую проблематику.

По докладом состоялся оживленный обмен мнениями. Выступавшие в пре-

ниях подчеркивали, что, наряду с разработкой конкретных вопросов становления и развития национальных славистических школ, специалистам следовало бы больше внимания уделять вопросам методологического характера. В этой связи некоторые из участников дискуссии высказались в поддержку основных положений, сформулированных в докладах советских ученых.

В. Д., А. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокофьева Н. А.* Международная комиссия по истории славистики. — В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. Сборник статей и материалов. М., 1980, с. 32—41.

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ)

В течение 1980 г. состоялось 11 заседаний Совета, на которых были обсуждены директивные материалы ВАК СССР, рассмотрены заявления соискателей и представленные ими диссертации, проведены защиты 12 диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук.

Оценивая тематику этих диссертаций, следует подчеркнуть, что работы, рассмотренные Советом, соответствуют основным направлениям исследований советскими учеными наиболее важных и актуальных в научном и политическом отношении вопросов истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, многосторонних (общественных, революционных, политических и культурных) связей и взаимоотношений народов этих стран с народами СССР. Весьма показательны, что из 12 защищенных в 1980 г. диссертаций 6 посвящены новейшей истории (после 1917 г.), в одной рассматривается проблема на широком хронологическом материале (с конца XIX в. до 1923 г.), в двух — проблемы национально-освободительной борьбы зарубежных славян в XIX в. и в трех анализируется средневековая история и источники балканских и зарубежных славянских стран эпохи феодализма.

Среди работ, посвященных проблемам новейшей истории, нужно назвать, в частности, докторскую диссертацию Г. П. Мурашко — «Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах

Центральной и Юго-Восточной Европы (на защиту была представлена ее монография на эту тему). В данном исследовании впервые в сравнительно-сопоставительном плане, на материале целой группы государств этого региона были рассмотрены политические аспекты борьбы рабочего класса под руководством коммунистических и рабочих партий за ликвидацию капиталистической собственности в ходе революций 40-х годов нашего столетия. Анализ других вопросов послевоенной истории зарубежных славянских народов был дан в трех кандидатских диссертациях: Ю. Ф. Зудинова — «Развитие форм участия рабочего класса НРБ в управлении производством (1964—1970)»; Л. Б. Миляковой — «Политика США в отношении ПНР (вторая половина 50-х — первая половина 60-х годов)»; Е. В. Пилишек — «Советско-польское сотрудничество в области просвещения и науки (1944—1950)».

Проблемам славяноведения и балканистики на материале первой трети XX в. посвящены кандидатские диссертации: О. Н. Исаевой — «Проблема безопасности балканских государств в 1925—1934 гг.»; К. И. Логачева — «Первый этап развития советского славяноведения (славянские учреждения Академии наук в 1917—1934 гг.)».

Значительный научный интерес представляет докторская диссертация М. А. Бирмана «Формирование и развитие болгарского пролетариата как социально-политической силы (80-е годы XIX в.—

1923 г.)», которая является первым в советской и зарубежной историографии комплексным и систематическим исследованием процессов становления болгарского пролетариата в конкретно-историческом и социографическом аспектах.

В 1980 г. состоялись также защиты работ, освещающих историю национально-освободительных движений в зарубежных славянских странах и их связей с Россией в XIX в. В докторской диссертации И. В. Чуркиной — «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (на защиту была представлена монография на эту тему) подробно рассмотрены различные этапы национального движения словенцев, роль России и русско-словенских связей в развитии этого движения и словенской культуры той эпохи. Кандидатская диссертация Г. Ю. Харцевой — «Газета „Словенске народне новине“ (1845—1848) и ее роль в национальном движении словаков» на материале Словакии накануне и в период революции 1848 г. освещает важные вопросы освободительной борьбы народов Австрийской империи.

В течение прошлого года Советом были рассмотрены три работы по различным вопросам средневековой истории славянских и балканских народов. Так, в докторской диссертации П. В. Советова — «Развитие феодализма и крестьяне в Мол-

давском княжестве (очерки истории ренты XVI — начала XVIII в.)» обстоятельно изучены сложные проблемы феодальной эксплуатации и положения крестьянства в Молдавском княжестве в эпоху османского владычества, оказавшего значительное влияние на социально-экономическое развитие страны (как и других балканских стран). В докторской диссертации Б. Н. Флори — «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.» дан подробный анализ неоднозначных процессов развития русско-польских взаимоотношений в эпоху позднего феодализма, разнообразных концепций политического переустройства Восточной Европы, выдвигавшихся тогда господствующими классами России и Речи Посполитой (к защите представлена монография Б. Н. Флори на данную тему). В кандидатской диссертации А. А. Турилова — «Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.» были разобраны важные вопросы так называемого «второго южнославянского влияния», изученные соискателем на материале многочисленных рукописей из разных советских хранилищ.

Е. Н.

CONTENTS

<i>Falkovich S. M.</i> Lenin's «Pravda» and Poland (1912—1914). <i>Gibianskij L. J.</i> The Preparation of the Crimean Conference and the Positions of the USSR, Great Britain and USA towards Bulgaria, Rumania and Hungary. <i>Litaurin G. G.</i> Towards the Problem of the Bulgarian State Formation. <i>Salivon L. N.</i> The Obodrits. Some Problems of the Social and Political System. <i>Korenevskaja N. M.</i> The Extension of the Philosophical Basis in the Yougoslavian Liric Poetry of the 70-ies. <i>Vitt V. V.</i> The Polish Realism of the End of the XIX-th Century and the Boleslav Prus Novel «The Emancipated Women».	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Bobrik M. N.</i> The Participation of Poland in the Work of the All-European Conference in Geneva. <i>Grachev V. P.</i> The History of the Foreign Slavonic and Balkan Peoples in Russian Diplomatic Documents of the Second Decade of the XIX-th Century.	92
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>E. V. K. Trost.</i> Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und — praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. <i>Ruposova L. P. M. Soták.</i> Dejové substantiva v slovenčine a v ruštine. <i>Moloshnaja T. N. M. Г. Рожновская.</i> Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением. <i>Beliakovich I. I. П. М. Калениченко, В. П. Колесник.</i> Граница дружбы и мира. О советско-польском приграничном сотрудничестве. 1956—1979. <i>Pop J. I. I. Cierný.</i> Nová orientácia zahraničnú politiku Československa (1941—1948). <i>Leshchilovskaja I. I. Л. Н. Титова.</i> Чешский театр эпохи национального Возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.). <i>Lazutin S. G. В. Е. Гусев.</i> Славянские партизанские песни. <i>L. K.</i> «Slovanská knihovna a slavistika». Zpracovalo dr. I. Strnadl a M. Křepinska. <i>A. G.</i> Справочник о кафедре истории южных и западных славян МГУ.	106
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. D., A. M.</i> The Berlin Session of the International Committee for the History of Slavonic Studies. <i>E. N.</i> In the Specialized Council of the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR (History).	124
--	-----

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 10.04.81	Подписано к печати 22.06.81	Т-10239	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отг. 14,7 тыс.	Уч.-изд. л. 12,1 Бум. л. 4,0
	Тираж 1274 экз.	Зак. 355	

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891